

Мудрая Т.А.

Легенды прошлого, настоящего и будущего

NORD VIND

2011

Публикуется с согласия автора (Мудрая Татьяна Алексеевна).

Текст, опубликованный в настоящем издании, является интеллектуальной собственностью автора и защищается ч. 4 Гражданского Кодекса РФ, ст.ст. 138, 1259 ГК РФ, ст. 146 УК РФ и гарантируется нормами ст. 44 Конституции РФ.

Исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение) принадлежит автору.

Копирование и использование текста настоящего издания возможно только с письменного согласия автора. Любое несанкционированное использование текста в коммерческих целях и без согласия правообладателя запрещено и в случае нарушения преследуется по закону.

UBBN 100005CE0M00303-0B816

В оформлении книги (кроме иллюстраций на стр. 48, 134) использованы авторские фотоматериалы
© Мудрая Т.А.

Мудрая Т.А.

Легенды прошлого, настоящего и будущего

© 2011, Мудрая Т.А.

chrosvita@yandex.ru

NORD VIND

<http://nordvind.ucoz.net>

nordvind.mail@gmail.com

2011

Оглавление

Моя карманная смерть.....	5
Brat Prince & Михрютка.....	45
Люций и Эребус.....	55
Фауста и черный пудель.....	70
Любовь к Кэтлин, дочери Холиэна.....	78
Сватовство к Ируйн.....	85
Сага о Йорун Ночное Солнце.....	95
Огняник.....	107
Мадонна спускается в Ад.....	122
За границу дедушке.....	129
Прямой путь.....	135

Моя карманная смерть

или

Заповедник вайперов

(повесть)

Вампир - это звучит гордо!

Н.Е. Горький. На дне жизни

Anno Domini 2017, Anno Draculae 586 и на сотом году Великой Октябрьской Революции в России вековечное противоборство человечества и вайперства наконец завершилось. Не очень приличным звуком.

А именно: используя самые современные средства ведения войны, армии союзных крупнейших государств Европы, Азии, Африки и Америки отеснили вайперов к самым северным населенным точкам планеты и вынудили подписать полную и безоговорочную капитуляцию. Наиболее дальновидные из военных и политиков сочли, что доводить врага до полного отчаяния невыгодно: как говорится, и мышь в ярости страшна. Особенно если она

летучая.

Вайперам решено было предоставить в полное и окончательное пользование один из тех плацдармов, на которых они закрепились. После длительного совещания глав союзных государств было решено, что таковым будет полуостров Таймыр со столицей в городе Норильске, принадлежащий Государству Российскому. Здесь, на земле, опустошенной горнодобывающими разработками, отравленной производством никеля и прочих редких металлов, размолотой вдребезги полярными вездеходами и вдобавок имеющей репутацию самого сурового из мест, находящихся за полярным кругом, было решено создать вайперскую резервацию, или анклав, или, что то же самое, тюрьму под открытым небом.

Поскольку никакое оружие не сравнится по смертоносности с телом средне-статистического вайпера, не имело смысла настаивать на том, чтобы враг его сложил. Оружие то есть. Оттого практически единственным условием капитуляции было невмешательство вайперов в дело установки защитного колпака, работающего в одну сторону: от них к людям. Силами стран-союзников над всей территорией Таймыра было установлено защитное поле, состоящее из четырех сфер: запаховой, световой (или зеркальной, отражающей и множащей лучи светила), звуковой (по преимуществу ультразвуковой) и - самой внутренней - тепловой и радиационной одновременно. Поле поддерживали четыре автономные группы излучателей, по двадцать четыре на каждом ярусе: дюжина работающих и дюжина резервных. Система была отрегулирована так, что практически не давала сбоя.

Когда защитные поля были сооружены, пущены в ход и, наконец, замкнулись намертво, оказалось, что внутри осталось крошечное племя, упорно саботировавшее переселение в лучшие места по причине сентиментальной привязанности к худшим. Звало оно себя «ня», то есть «друзья», а русские прозвали его нганасанами. То бишь людьми. И теперь с обоими этими фактами ничего поделать было нельзя - обратный процесс массового выхода из-под колпака предусмотрен не был. Малый народ под жестко закрепившимся в общественном сознании именем по своей воле оказался в весьма неудобном соседстве... Оставалось надеяться на две вещи: аборигены знали, на что шли, и их чрезвычайно развитые шаманские способности, передающиеся по наследству, прославились буквально на весь мир.

Естественно, территорию для заповедника вайперов всем странам блока пришлось выкупать у России вскладчину. Побочным следствием этого стало то, что уже в 2018 году от Р.Х. Россия твердо вошла в тройку - быть может, не самых богатых, но самых благополучных стран мира. После Норвегии и Швеции.

Мы несколько замедлили объяснить, что же такое вайперы. Само слово «вайпер» - жаргонное, восходит к английскому *wipe* «всасывать», «впитывать» (не ищите его в словарях) и обозначает «полотенце для вытирания луж», «нечистый носовой платок», «половую тряпку» или «промокашку». О прочих вариациях смысла, как говорится, лучше не упоминать.

Но если говорить коротко, но по сути дела, и не о слове, а о скрывающемся за ним понятии, - то да, вайперы - это презрительное название вампиров, упырей, вурдалаков и тому подобного. Однако это далеко не исчерпывает общей картины.

Любая форма земной жизни бывает подвержена мутациям и генезису. Но более всего это касается той ее формы, которую и жизнью-то страшно назвать.

Ибо если в старинных преданиях всех времен и народов, а также во всевозможных исследовательских трудах нового времени, подобных «Молоту Веды», вампиры описываются как уродливые и довольно бессмысленные создания, а уже к новейшему времени - стараниями самого лорда Байрона или его секретаря Полидори - обретают загадочность и невероятную привлекательность, то это может быть объяснено исключительно гибкой приспособляемостью данного типа существ.

Как это получилось? Ведь генетические трансформации передаются от поколения к поколению, а доподлинно известно, что вампиры практически не могут размножаться естественным половым путем.

Да, но зато каждый из вайперов сам по себе подобен хамелеону. Его чрезвычайно развитый метаморфизм подобен, однако, не переливам нефтяной пленки на воде, а скорее постоянному имаго, то есть превращению гусеницы в куколку, куколки в бабочку и далее без конца. К этому прибавляется стремление всей вайперской популяции выглядеть если не стандартно, то, по крайней мере,

однотипно: и если кое-кто из старшего поколения упорно держится за рога, клыки и копыта, молодые, с порога отвергнувшие эту форму, даже не попытавшись ее примерить, вполне способны жесточайшим образом его высмеять.

Благодаря этому современные вампиры выглядят на редкость привлекательно с человеческой точки зрения - и даже более того. Но всё же сути дела это не меняет: перед нами самые умелые, жестокие и бескомпромиссные убийцы на земле. Прирожденные киллеры.

Эти киллеры вынуждены были томиться по одну сторону ограды. Чем они там были живы - вопрос не к человечеству. Загнанные в тупик и еще до своего поражения снабженные позорной кличкой, они варились, должно быть, в собственном соку или питались народом ня, который, однако, почему-то не подавал петиций и не издавал нот протеста.

По другую сторону ограды пребывало благодарное своим спасителям людское население.

А теперь перевернем страницу и рассмотрим, что принес 2019 год хотя бы одной России...

Преступность достигла рекордно низкой точки. Как говорили язвительные уста, из-за того, что милиции не на кого было списывать убийства и особо дерзостные грабежи и оттого она была вынуждена вплотную ими заняться. Благополучие народа выросло настолько, что каждая деревня из трех с половиной дворов покупала вскладчину самое дорогое компьютерное оборудование с патентованным программным обеспечением и, разумеется, беспроводным интернетом. Хотя что именно значили для селян эти слова - не понимал никто на свете.

Среднестатистический возраст населения впервые за многие годы перевалил за семьдесят пять.

Рождаемость упала до уровня рокового 1993 года.

Процент самоубийств на душу населения, напротив, возрос даже против шведского. Статистические данные не фиксировали это в полной мере, однако Православная Церковь и столичные правительства резко улучшили денежную пропаганду гетеросексуальных союзов, особенно многоплодных.

Словом, компас общественного мнения как-то постепенно уткнулся красным концом стрелки в точку, на которой было написано «Риск - благородное дело», и хотя синий ее кончик упирался в лозунг «Всемерно повысим материальное и моральное благосостояние», решающей роли это не играло.

И то же общественное мнение потихоньку и полегоньку вынесло решение, что плененных кровососов стоило бы ради интереса время от времени отпускать погулять на воле...

По этому поводу «красная» думская оппозиция собрала референдум, который оказался неожиданно представительным (по всей видимости, благодаря оппозиционной привычке обходить всех лежачих граждан преклонного и

непреклонного возраста с урной) и - к великому шоку всех, а особенно той же оппозиции, - однозначно выразился в пользу вайперов.

Вот тогда между Россией и Таймыром был торжественно подписан Пакт о частичном сотрудничестве и невмешательстве.

На общем заседании глав правительств представитель вайперов, импозантный мужчина весьма неопределенного возраста в закрытом костюме из плотной домотканой шерсти и темных очках дорогой фирмы, заявил, что вайперская популяция региона на момент закрытия колпака составляла один миллион двести три особи, а на сегодняшний день составляет один миллион сто две по причине естественного износа. Что каждому из его народа для полной инициации нужна по крайней мере одна целиком поглощенная человеческая жизнь, иначе бедный вайпер обречен до времени зачахнуть; а таких новичков у них примерно треть. Что жалкие остатки тех двух колен народа ня, которые кочуют по тундре, они, вайперы, ради целей своей инициации не беспокоят, а почему - их, вайперово, личное дело.

В ответ на это заявление представитель российского правительства заявил, что проблема естественной убыли вайперского населения присутствующих здесь людей нимало не трогает, но что, желая проявить милосердие к побежденным, правительство выносит встречное предложение: заключить с бывшим противником сепаратное перемирие, на протяжении которого допускать на территорию страны лучших представителей молодого вайперства, нуждающихся в первичной инициации (что бы это ни значило), с целью отбора устраивать как бы смотрины или конкурс - и предоставить каждому из отобранной элиты возможность употребить так необходимую ему порцию человеческой крови. Все эти предварительные условия, разумеется, нуждаются в доработке, российский народ обязательно потребует со своего правительства железных (примечание, сделанное секретарями за его спиной: серебряных) гарантий своего спокойствия. Дружественные державы и вообще не должны ни в коей мере пострадать (от излишнего углубления в проблему, добавили те же тихие голоса).

Итак, раздел территорий был дополнительно подтвержден, а договор о дружбе и сотрудничестве - написан, утрясен и ратифицирован.

Договор о сотрудничестве между Государством Российским и анклавом в статусе заповедника «Норильск-В-Центр»

Государство Российское (в дальнейшем «Россия») и анклав в статусе заповедника «Норильск-В-Центр» (в дальнейшем - «НВЦ»),

считая, что дальнейшее развитие и укрепление сложившихся между ними отношений сотрудничества, отвечающее интересам народов обоих регионов, послужит делу упрочения мира и безопасности во всем мире,

желая внести свой соответствующий вклад в развитие мирных отношений между Россией и НВЦ и их плодотворное сотрудничество,

преисполненные решимости развивать социальные и экономические достижения России и НВЦ,

воодушевленные идеалами борьбы против колониализма, расизма и апартеида во всех их формах и проявлениях,

подтверждая верность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, в том числе принципам уважения территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела друг друга,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Границы НВЦ от момента заключения Договора о сотрудничестве между Государством Российским и НВЦ, проведенные с запада на восток по 70 параллели начиная с частей п-овов Ямал и Гыданского, расположенных на север от параллели, далее включая некоторые расположенные к югу территории, именно: полностью Енисейский залив, устье р. Енисей, а также города Дудинка и Норильск в их административных границах, горы Путорана, далее по р. Котуй с захватом пос. Мурукта, до пересечения р. Котуй с р. Мойеро и по суше до истока р.Оленек, по административной границе бывшего Долгано-Ненецкого национального округа вплоть до г. Нордвик и без захвата морских территорий, этим Договором подтверждаются навечно и не подлежат отторжению, кроме как в случае полного расторжения Договора по вине НВЦ.

Статья 2

Россия и НВЦ (в дальнейшем - **Сторона 1** и **Сторона 2**) раз в месяц намереваются обмениваться делегациями: НВЦ обязано принять двоих сотрудников Службы Досмотра и Отбора (СДО) России для консультации на срок до двух календарных суток, Россия же, со своей стороны, обязуется допустить отобранных сотрудниками представителей НВЦ, числом не более десяти человек, ради проведения представителей НВЦ ритуала, необходимого для их существования и укрепления их жизненной силы (далее - **Ритуал**).

По состоянию на 22 июня 2020 года

По числу нерегулируемых и незапланированных самоубийств Россия заняла третье место после Ирана и Турции, где суицид не поощрялся традиционным мусульманским самосознанием.

Рождаемость увеличилась по национальным группам в среднем на 48 процентов, в том числе среди русских - на 50.

Средняя продолжительность жизни упала на 3 процента от состояния прошлого года, составив 83 года для взрослых женщин и 80 лет для мужчин. Число умерших младенцев при этом, однако, не учитывалось.

Статья 3

Сторона 1 обязуется обеспечить каждого представителя **Стороны 2** полным комплектом необходимых документов, как-то: иммиграционным паспортом сроком не более чем на десять суток до и двое суток после выполнения им основной задачи, лицензией с указанием имени (прозвища) представителя **Стороны 2** и без указания имени российского гражданина, который должен стать объектом **Ритуала** (последнее оставляется на выбор данного представителя) и именной кредитной картой с правом открыть счет в любом отделении Российского Государственного Банка. Прочим банкам работать с паспортом и кредитной картой запрещается.

По состоянию на 22 июня 2021 года

Показатели предыдущего года выглядели стабильными, со склонностью к возрастанию.

Среди гражданского населения постепенно входило в моду носить на лацкане так называемую «красную метку» (по аналогии с «черной меткой» из книги Стивенсона) - в знак того, что этот человек согласен послужить вайперу добровольным предметом питания. По большей части это была бравада, резко порицаемая Православной Церковью как, по сути, то же самоубийство, отчего многие стали носить данные кружочки под одеждой, для привлечения «Того, Кого Всегда Жду» слегка смачивая их кровью потенциального донора. То бишь своей. И все-таки красный значочек и суицид, как оказалось, - две вещи несовместные. Именно в кругах «краснометочников» всё более преобладало стремление выдержать характер и во что бы то ни стало дожидаться своего звездного часа. Подобные люди были склонны организовывать различные клубы самоубийц (с совершенно иным уставом, чем описанный у того же Стивенсона), клубы друзей вайперов (отметим, что злополучная кличка даже и в таких случаях вытесняла самоназвание), где проводились «Балы В-жертв», своей разнузданностью, как и своим обозначением, напоминавшие аристократические танцевальные сборища термидорианской эпохи во Франции, и прочие тому подобные увеселения, тусовки и дискуссионные центры.

Справедливости ради надо отметить, что сами вайперы (опять эта кличка: ну, как говорится, что прилипло, то уж прилипло) в эти игры не играли и лишь изредка дарили своим вниманием наиболее приличные мероприятия - с целью заработать карманные деньги или иметь возможность прикупить непонятно что в местных бутиках, гипермаркетах и прочих торговых центрах. Присутствие вайпера мало-помалу становилось знаком респектабельности.

Стоит ли говорить, что разрешенную им охоту вайперы осуществляли без большой огласки и шума, выбирая объекты по критериям, что были ведомы им одним?

И стоило ли также говорить, что личности, которые так широко рекламировали себя перед народом и вайперами, практически ничем не рисковали, щедрой рукой подсыпая красный перчик в свою жизнь?

Статья 4

Сторона 1 также рекомендует представителям **Стороны 2** в процессе исполнения ими **Ритуала** прежде всего обращать внимание: а) на добровольцев, которые согласятся быть объектом указанной инициации и в ознаменование этого будут носить специальный значок, форма, цвет и запах которого будут согласованы **Сторонами** дополнительно, б) на тех граждан России, которые открыто и в присутствии по крайней мере двух свидетелей признают факт положительного ответа на вопросы референдума, посвященные проблеме инициации представителей **Стороны 2**, в) на лиц, официально признанных неблагонадежными органами внутренней безопасности.

Статья 6

После выполнения своей основной задачи **Сторона 2** также имеет право находиться на территории **Стороны 1** по просьбе научных, общественных и культурных организаций **Стороны 1**, если данная просьба выражена конкретно и четко обоснована, а срок пребывания представителя **Стороны 2** согласован со всеми вышестоящими организациями. Денежные средства, полученные конкретным представителем **Стороны 2**, он обязан потратить на территории **Стороны 1** или пожертвовать через Российский Государственный Банк на благотворительные цели.

5 мая 2022 года. 8 часов утра.

Мурманск - аэродром «Норильск Старый», база «Норильск Старая»

К двери выдавшего виды военного вертолета с кабиной, необычно вынесенной вперед, по заснеженному полю шли четверо. Двое из них явно были потертыми в кабинетных и макетных сражениях штабными вояками, причем, судя по обмундированию, из разных армий. Куда более отрядную картину, чем они представляла молодая женщина лет тридцати пяти, чье округлое темное лицо, крашенные в темный каштан волосы до плеч и невысокая, но крепкая фигурка «с формами», затянутая под распахнутой цигейковой шубкой в маленькое черное платье из джерси, свидетельствовали о крепких славяно-татарских корнях. Молодой стройный мулат в пушистом мохеровом пальто и белом смокинге, едва ли не трепетно поддерживающий ее под локоток, шествовал чуть косолапой походкой бывалого капоэйриста, поглядывая вокруг с несколько рассеянной мечтательностью, выдающей признанного старожилу Силиконовой Долины.

У самой двери один из военных галантно поклонился, пропуская женщину вперед.

- Только после вас, - сказала та, отдав поклон.

Оба военных, с некоторым недоумением пожав плечами, поднялись внутрь и неторопливо загрузились.

Дальнейшая беседа между обоими штатскими велась быстро, негромко и на совершенно невообразимом диалекте, распространенном в диких районах бразильской сельвы.

- Ты сошла с ума. Эти эсэнгешные солдафоны захватят самые безопасные места в своей старой жестянке.

- А мы узнаем, какие именно. Зато вот увидишь, с наших собственных будет самый лучший обзор.

- Не забывай, что я должен тебя охранять.

- С этим вопросом лучше обратиться к вон тем, по другую сторону бытия, - девушка показала вздернутым подбородком куда-то вперед. - В их присутствии из тебя бодигард - что из индюшки балерина Большого театра. Сегодня ты моя самая длинная счетная линейка в мире - и ничего помимо. Даже не спорь.

- Льюда-Мила!

- Жоржиу!

- Эй, молодые люди, вы скоро? - донесся из открытой двери бас одного из военных. - Пилот, вон, говорит, что *они* страсть как пунктуальны.

- Без нас всё равно не начнут, - махнула рукой девушка, забираясь внутрь. Вслед за ней вспрыгнул мулат, плотно закрыв за собой выгнутую дверь.

Вертолет, треща лопастями, поднялся вверх и поплыл в солнечном, морозном небе, как огромный стрекозел.

- Вот, смотри, птаха тропическая, это наша тундра, - азартно говорила Людмила, прислонясь всем носиком к обзорному стеклу. - Сады камня и льда, эфемерных цветов и ягеля. Ой, гляди, олешки дикие! Знаешь, местные скотоводы жалуются, что их домашняя скотина тоже соблазняется погулять на просторе, а потом фиг ее вернешь, это ж один и тот же биологический вид. А карликовые березы, гляди, Жоржик, это ведь полная икебана!

- Мне отсюда мелко, - ответил мулат, слегка затрудняясь русским языком. - Не вижу, чего тут обаятельного.

- Знаешь, когда меня посылали к саудовцам... Там ведь благодаря былым нефтяным деньгам вся земля - роскошный сад. Так один мудрый старец посадил меня на полдня у границы этого сада и голых песков: многие из арабов проводят там выходной, причем целыми семьями толкуются. И говорит: «Ты слыхала пословицу о том, что красота пустыни - в глазах смотрящего? Вот и смотри, покуда не поймешь ее сердцем».

- Поняла?

- Ага, - смеется Людмила, мотая головой и затыкая уши от вертолетного шума. - Когда сюда вернулась.

- Подлетаем к самому дерьму! - крикнул пилот, поворачиваясь к пассажирам. - Принять альгинат, нацепить угольные фильтры, беруши и черные очки. Не спутайте, что куда вздеть, Людочка.

- Да знаю я, - отмахнулась она, неторопливо производя требуемые действия, - это вы все новички, а мне уж раз двадцать сия радость выпадала.

- А почему вайпов такие пустяки на месте удерживают, Люда-Мила? - спросил Жоржиу. - Это же просто неприятно, кроме больших рентгенов.

- Людям - да, но у вампиров слух тончайший, лучше, чем у собаки или волка, обоняние изысканное, чувствительность к жесткому излучению, кстати, такая, что доза лишь втрое сверх допустимой для человека сразу превращает их в деревяшку; а глаза от яркого света вообще выгорают напрочь суток через пять или шесть. Последним свойством люди широко пользовались на допросах, - сухо объясняет Людмила.

- Караул, ныряем! - скомандовал пилот. - Застегнуть привязные ремни!

И гигантское крылатое насекомое круто уходит в самую гущу нестерпимого света, невидимого шума и зловония.

Через десять минут четверка пассажиров высадилась на небольшую площадку, покрытую серым шлаком, и двинулась по ней к домикам на краю аэродрома, щуря глаза, чихая, кашляя, почесывая за зудящими ушами и отфыркиваясь. Молодежь запахла свои пальтишки, старшие зябко поводили плечами, обтянутыми сукном.

- Теперь слушайте меня, господа наблюдатели. - негромко проговорила девушка. - Инструктаж с вами проводили стандартный, как я поняла. Что дезактивируемся и вообще моемся только по прибытии в Мурманск, вы знаете: фон даже тут внизу превышает допустимую норму в полтора раза, так что сейчас мы принимаем на грудь солидную дозу. Пилоту хорошо, он за свинцовым панцирем спрятался. Не показывать здешним свою кровь - это тоже ясно: реакция у них на нее, как у акул. Возможен нервный срыв с вытекающими последствиями. Из вас самих. Далее: они, прямо как собаки, терпеть не могут ароматов страха и подлости, даже глубоко запрятанных в подсознание. Этские Полиграф Полиграфычи.

- Люда?

- Детекторы лжи, Жоржиу. Так вот. Эти «духовные» запахи нервируют вампиров и приводят в еще более нестабильное состояние, чем телесные. Ох, господа Несвятипаска и Савинич, стоило бы вам пройти хотя бы первичную психологическую подготовку, как господину Джорджу Амадеусу, да сами ведь сюда торопились. Урочного дня не дожидаясь, как говорится. Ну, реальной опасности для вас тут и сейчас не больше, чем на церемонии «Оскара», только ведь сегодня будет не так интересно.

- Это мы вытерпим, паненка, что неинтересно, - добродушно пробурчал Савинич. - Вот холод, однако, уже всю донимает.

От одного из домиков отделилась худощавая фигура и пошла навстречу. Приблизившись, слегка поклонилась всем; Людмила церемонно ответила на поклон.

- Мы вас ждем, господа иноземные наблюдатели и госпожа эксперт.

- Я опоздала, мой мастер Леонард?

- Нет. Однако все уже собрались в зале.

Действительно, сквозь пеструю толпу наша пятерка пробилась еле-еле. Жоржию особенно смущали две вещи: полное отсутствие гниловатого тепла, которое свойственно излучать людской плоти, и ровный, необычно звонкий гул голосов.

Наконец, люди успешно заняли места на возвышении - военные с одной стороны, штатские - с другой. Леонард отступил в передний ряд стоящих. Людмила протянула руку к микрофону.

- Уважаемые граждане Норильского В-Центра! Еще раз повторяю то, что было уже передано по радио: конкурс сегодня проводится вне очереди и в рамках показательного, потому что вами заинтересовались правительства Бразилии, Белоруссии и Украины. Так как воздушный транспорт, представленный совместным руководством СНГ, не рассчитан на перевозку обыкновенного числа пассажиров, мы отбираем только двоих. Покорно прошу не быть в обиде - в следующий приезд комиссии мы не будем из-за этого уменьшать обычную квоту. А сейчас, пожалуйста, пусть кандидаты пройдут мимо президиума и положат передо мной свои фото или голограммы.

Далее молодые люди переговаривались уже на каком-то совершенно невнятном жаргоне, перемежаемом стандартной европейской лексикой:

- Конкурс В-красоты. Парад изящных кровопийц «нгуо». Они что, и правда такие?

- Ну, это вроде как модная личина. Вообще-то они в самом деле красавцы, только слегка гримируются под популярных молодежных идиолов, причем несмываемой краской.

- Чтобы оказать особую честь тому, кого будут употреблять.

- О да, и не смейся. К тому вдобавок - заработать денежек на популярных шоу.

- Нет, ты прикинь, Люда милая, мои шефы со стороны папочки хотят одного на роль новоорлеанского Барона Самеди, а мои родичи со стороны мамочки просят открыть одним таким карнавал в Рио!

- Оба пока опоздали. Ты лучше не отвлекайся на треп, Жоржик. Твое дело - просчитывать образы на соответствие и закреплять в себе виртуальные модели, сколько сможешь удержать.

- А что, собственно, тут со стандартным железом?

- Поле устроено как-то так, что любая электроника через некое непонятное время взрывается. Как в книге «Бойцовский клуб», знаешь? Чтобы вампиры не таскали высокие технологии себе в нору. Их о том не предупредили, кстати.

Сами, мол, доходите... И пришлось ведь дойти. Теперь сечешь, откуда у них такая большая естественная убыль?

- Святые демоны ада! Это ж подло.

- Военная хитрость, мой милый. Только тсс... Соседи о том не знают, одни мы, россияне высокого полета, и теперь вот ты как мой личный конфидент.

- И ведь последние полгода через меня...

- Стоп машина.

- Детки, а невежливо говорить на языке, который не все из присутствующих понимают, - строго заметил Несвятипаска.

- Так я предупредила, пане пулковнику, что вам будет скучно. Жоржи украинской мовы не понимает, приходится нганасанской обходиться. В строго профессиональных целях. Мы советуемся в целях отбора кандидатур - это наша работа, а вы свой прямой интерес соблюдайте.

Мимо стола шелестела одеждой, грациозно раскачивала бедрами, постукивала каблуком в пол юная с виду толпа.

- Сегодняшняя тема что - кино прошлых лет? - спросил Жорж.

- Как ни странно, - кивнула Людмила, одновременно делая два дела: разглядывая тех, кто играл роли актеров, и просматривая небольшие объемные изображения на столе перед собой. - Эх, время, время! Столько красавцев, а выбрать надо мигом. Смотри, вон там молодой Бандерас, только без его толстого шнобеля. И в голубом с позолотой костюмчике тореро с алой мулетой поверх него - ах, индпошив, индпошив, индпошив!

- А сейчас шествует ангелическая Марлен Дитрих. Без крылышек, зато в горячо любимых брюках. Еще бы ей верблюдика... или хотя бы олешка на привязи.

- Тебе всё бы дам разглядывать, а нам ныне семейная пара нужна.

- Слушай, а ведь это знаменитая киногероиня войны Севера с Югом. Эх, как я ее в детстве обожал!

- Вот ее и возьмем. Надеюсь, характер оригинала соответствует двойному образу. Дива и стерва, так сказать. Как у тебя с оцифровкой?

- Адекватно.

- Теперь я. Он продефилировал одним из первых. Типичная белокурая бестия с горящими и наглыми глазами, прототип бывал хорош в любых ролях, и белых, и черных. Кумир моей мамочки, да и моим был когда-то до своего фатального потолстения.

- Снова соответствует заявке. Кстати, этот экземпляр тонок и прям, как трость. Или как упрятанный в ней стальной клинок.

- Ну, закругляемся или еще потешим здешнее самолюбие?

- Давай уж потешим. Полчасика от силы осталось.

Статья 9

Сторона 1 усиленно рекомендует представителям **Стороны 2** при исполнении теми разрешенных во время проведения **Ритуала** действий не оскорблять чести, достоинства, нравственных и эстетических чувств непосредственных объектов **Ритуала**, а также исполнять просьбы указанных объектов в размере, подсказанном конкретными настроениями и определенном финансовыми возможностями указанных представителей. ...

5 мая 2022 года. Вечер. Москва

Я волоку на себе две одноразовых пленочных сумки с продуктами на пятый этаж. Дом сталинский, без лифта, сносу и реставрации не подлежит, зато выдержит попадание любой бомбы - если когда-нибудь в этом кисельном мире снова начнется война. Архитектурный памятник, туды его в качель. Высокие потолки, просторные холлы, крепкие перила, двускатная крыша с чердаком, так что мой последний уровень ни разу не страдал от протечек.

Вот лампы здесь бьются безбожно, причем эти... долгоиграющие и плохо утилизируемые. Оттого в нашем бронетанковом подъезде и днем, и ночью стоит приятная темнота.

А перед моей дверью - интересный незнакомец.

И не вглядываясь видно, кто именно. Так серебряный гвоздь, вбитый в подошву суеверного ботинка, выделяется среди своих красновато-ржавых собратьев.

- Вы ко мне? - спрашиваю.

- Да, госпожа Наталия Гончарова.

Точно. Мой личный выигрыш в здешней вавилонской лотерее. Молодым без этой дамочковой шаблоуки над головой нормально не живется и тем более не размножается, а старая тетка им за всё отвечает.

- Как вы можете видеть, я не ношу этих дурацких меток, смоченных моей пахучей кровью. И на референдуме, кстати, голосовала против частичного открытия границ.

- Я знаю.

- Получается, я ваш приватный выбор?

- Можно сказать и так.

Блин, блин, блинохват, как говаривала моя личная бабуля, представляя, как звонят церковные колокола на помин ее души.

- Лицензия на мой отстрел у вас, я думаю, имеется?

- Нет, разумеется. Карт-бланш с моим именем наверху, - он показывает бумагу с характерным голографическим свечением. Не подделаешь и ни с чем иным не спутаешь.

- Ну... Здесь устроимся или всё-таки в квартиру перейдем?

Не отвечая, вампир мгновенно помещает себя в задверье и щелкает замками, широко распахивая мой личный портал, принимает из моих дрожащих рук обе сумки и несет к холодильнику.

- «Смерть, помоги нести мою вязанку», - цитирую я негромко, но и этого, надеюсь, достаточно, чтоб ему услышать. И поперхиваюсь моим черным юмором. Проклятая сухость в горле нехотати одолела. Вампир зажигает прямо перед моим носом неяркую настенную лампу с гордым именем «бра» и предстает во всей красе.

Да. Теперь я понимаю, чем таким нехорошим пахло в нашем подъезде.

Шикарное пальто цвета жженого сахара всё в каких-то грязных пятнах, костяные пуговицы ручной работы потемнели и почти все выкорчеваны с корнем, из разъема виднеется что-то уж совсем погорелое. «Павлиний» галстук и муаровый жилет, судя по шелковым махрам. На фирменных ботинках по фунту жженой глины, а брюки как будто наш кооперативный Шарик жевал. Бледные волосы не пойми какого цвета. И изо рта тянет... Ну это уж как раз понятно, чем.

- Я рассматриваю ваш внешний вид как прямое нарушение моих потребительских прав, - строго вещаю я. - Зубной камень с верхних клыков давно снимали? И вообще идите мойтесь, без этого и разговаривать с вами не стану. Нет, не туда, где джакузи, а рядом.

Он послушно заходит в крошечную комнатку с душем и глубоким поддоном, на ходу доставая из кармана некий серый блестящий пакет типа мусорного и сгружая в него свои манатки. Потом крепко завязывает его и вручает мне уже через щелку в еле приоткрытой двери:

- Будьте добры, выкиньте прямо в окно. В общий мусор нельзя.

На серой пленке четко вырисовываются три ярко-желтых треугольника, вписанных в круг. Черрт! Как же это...

- Простите, но сам мешок не фонит, я его у здешнего дворника специально взял, - глухо доносится из-под резкого шума воды, пущенной на полный напор. - Дворник вызовет спецкоманду, а уж та дезактивирует.

Прелестная забота о моем здоровье.

- И, простите еще раз, от вашего мужа не осталось чего-нибудь по моему росту?

- Вы намекаете, что он помер, а не сбежал со всеми носильными вещами, - говорю я, - В этом вы абсолютно правы. Но вам могу выделить лишь стеганный киргизский халат. Ярко-синий. Берете?

Вампир не удостоивает меня ответом. Тогда я достаю описанный предмет из шкафа и демонстративно вешаю на внешнюю ручку душевой, шикарно разостлав подол по полу. Такой халат, кстати, - это верхняя и даже зимняя одежда, но мой любимый этнограф им спасался от холода, что грыз его кости изнутри.

Этот тип соизволяет выйти: вальяжный, ароматный, дышащий моими лучшими духами и своими вампирскими туманами. Всё равно не красавец,

скорее наоборот. Белобрысые патлы торчком, как у ежа, глаза как голубовато-белые бельма, рот будто ножом поперек лица прорезан. Э, ладно, в моем возрасте и при моих переживаниях забить на всё - лучшая политика.

- Вас не настораживает это... несоответствие образу? - отчего-то ляпает он. - Вдруг я беглец из-под колпака.

- Милейший, - отвечаю я со зрелым сарказмом, - если я вызову нашего участкового мента, он заявит, что лицензия - это и есть ваш основной паспорт. Вы же ему в работе латентно помогаете. А еще он заявит, что депортировали как-то одного этакого в края отдаленные, а потом его компатриоты заявили, что паспорт и кредитка покойного просто утерялись, - воришка, скажем, вытащил.

Мы совместно держим паузу. Так долго, что у меня прямо руки отваливаются.

- У меня вроде как есть время, - наконец говорю я, - на составление завещания и прочие забавы.

- Вы кому отдаете квартиру?

- Дочери.

- Живет с вами?

- Да нет, поссорились слегка и с тех пор почти не общаемся. Она, видите ли, была против анклава и за ваш выход оттуда, а я соответственно за анклав и против выпуска.

- Если хотите дополнить вашу пос... вашу волю, - говорит он, - я вправе заверить.

- Там приписка, - отвечаю. - На подругу и ее сынка.

У подруги, кроме мальчишки, на тридцати полезных метрах проживает шестнадцать беспородных псов и кошек. Что поделаешь, если квартирка маленькая, а сердце большое?

Да, что-то не совсем о том мы с ним беседуем.

- Послушайте, - говорю я, - ничего мне такого, собственно, не надо. Это же как хвост собаке рубить в три приема.

- Вы до неприличия не боитесь, - он констатирует факт сухим, как песок, голосом.

- Не ваше дело.

- Моё. Из-за этого у меня...

- Всякое желание пропадает, - вдруг заканчиваю я чужую фразу. Знаете, чем хороши речевые штампы? Они так часто оказываются в самые разных контекстах, наматывают на себя так много смыслов, что в конце концов резко и многозначно умнеют.

- Да! Я не могу - пока не уясню себе, что вы за чудище такое.

Я хочу ответить, как в детстве: «От чудища слышу», - но с какой стати буду оскорблять его при исполнении?

- Тогда погодим, - говорю, - тем более что я голодна, как зимний волк.

И демонстративно хватаю из неразгруженной сумки длиннейший банан.

- Вам бы лучше вина выпить, - внезапно говорит он. - Коньяка «Белый аист». Или альгинатов.

- Я безалкоголик, - отвечаю. - И в чем вообще дело?

- Во мне, - лаконично отвечает он.

- Я что, от вас дозухватила?

Заботливый какой, ё-мое...

- Поясню, - говорит вампир по-прежнему безлично. - Я имею право только на десять дней, и то отмечаться надо в вашей мен-тов-ке. Собственно, второе не требуется - никто на нас пристально не смотрит. Но это пока не пожелают нас... как это? Прищучить всех сразу. За эти десять дней вы сделаетесь немного больны. Горькая кровь.

- И для вас, такого нежного, буду несъедобна. Сочувствую. Так почему бы вам... так сказать... сразу от меня не отвалить?

- Потому что мне вас лично... хм... заказали.

- Так. И дальше что?

К тому времени я уже расправилась аж с двумя культовыми фруктами и почувствовала в жилах мощный выброс то ли адреналина, то ли галлюциногена.

- Я хочу предложить вам сделку. Чтобы мне оправдаться, мы с вами заключаем дополнительный, уже именной договор и пересылаем по компьютерной почте. Вы, кстати, на столько вещей имеете реальное право, что даже и не представляете.

- Пой, ласточка, пой, Мефистофель, - бормочу я.

- Но параллельно с этим вы соблюдаете некоторые мои указания, носящие характер, скажем, медицинских.

- Муть, - говорю я. - Полная. Прибыли, по сути, никакой, а еще корячиться.

И тут слышу почти робкое:

- Ну пожалуйста.

Играть так играть, сказал котенок, когда собакахватила его за шкурку и пошла трепать из стороны в сторону. Вся страна ловит кайф от русской рулетки, а я чем хуже?

- Добро. Составляйте свой манускрипт, только я пока не обещаю, что его вообще подпишу. Да, вайперы едят?

- Не едят, а вкушают, обоняют и слушают.

- Это пищу-то?

- Люди говорят, что в духах или смеси пряностей преобладает такая-то нота. Ну а мы пишем на эти ноты свою музыку.

- Преле-э-стно.

- Грубая пища в нас вообще-то не переваривается, зато отлично чистит изнутри.

- Еще прелестней. И сильно вас от нее рвет?

В процессе разговора я выполняю привычные функции: разогреваю на сковороде подсолнечное масло, режу туда лук, чтобы как следует поджарился и

пропитал окрестность своим ароматом (а всякие там гурманы хоть подавитесь), взбиваю четыре яйца таким специальным венчиком и лью их на сковороду непрерывной струей. А потом до кучи присыпаю специальной смесью молотых травок. Выключаю, сыплю туда тертый сыр и накрываю всё дело крышкой, чтоб его расплавить. Вот и готово: дешево и очень сердито. Делю по тарелкам, кладу по вилке и по куску тминного хлебушка.

- Вот, можете потреть, ежели не стыдно.

Ему не стыдно несколько – я так думаю, он наслаждается ситуацией. Настолько, что соглашается помыть за собой посуду.

И сходу влезает в мой компьютер, пренебрегая затейливыми паролями.

«Я, гражданин НВЦ именем Роджер Гейли, реципиент, и гражданка России именем Наталия Гончарова...»

- Вы можете меня звать Род, чтобы не выкать и не тыкать. А вас как - Натали?

- Ой нет, только не это. Меня еще в школе дразнили мадам Пушкиной, убийцей поэта или еще того похлеще. Время тогда было жесткое... Так что я просто Тали. А вы - просто Веселый Роджер, как на пиратском флаге.

«...или Тали, его донор, заключили между собой частное соглашение о недельной отсрочке, которое может быть прервано любым из нас в случае форс-мажорных обстоятельств, а госпожой Наталией, или Тали, - также и по ее собственному желанию».

Не щедро же мне отпущено.

«Я, Роджер Гейли, со своей стороны, обещаю в течение всего этого времени предоставлять госпоже Тали все услуги, о которых она может попросить, кроме тех, которые прямо угрожают моей целостности, и прилагать усилия для сохранения ее физического и психического здоровья на этот срок».

- Это мне вроде и так гарантировано... Или не в таких грандиозных масштабах? И как насчет «целостности» ваших бабок?

Он игнорирует мое замечание.

- Да, а что там по поводу секса - он входит в ваш прайс-лист или вы стерильны?

Молчит, как партизан на допросе. Ну. это я так, свой сволочный характер проявляю: как говорится, в юные годы оргазм - это гора, а в пожилые - та мышка, которую гора изволила родить.

«Я, госпожа Наталия (Тали) Гончарова, с моей стороны, обещаю прислушиваться к советам гражданина Роджера касательно моего физического и психического состояния и неукоснительно подчиняться его приказам, напрямую связанным с выполнением им своей прямой задачи».

Очередной шедевр бюрократической писанины. Нет, я прямо в них тону...

- Прочли? Подписывайте в двух экземплярах. С датой. Я всё это отсканирую и вышлю. Да...

Род мнется. Наконец рождает:

- Оставьте на моем бланке каплю своей слюны. А на своем - лучше мазок крови. Или на обоих и то, и другое.

- Типа договор с дьяволом.

- Нет, простой маячок.

Кротко подчиняюсь - слюней на языке, а также корок и болячек в носу у меня навалом. Забираю один из подписанных меморандумов. Он кладет другой текст в нагрудный карманчик халатной одежды, рядом с лицензией и старым носовым платком.

Моя карманная смерть.

Я послушно проглатываю здоровенную таблетку новопассита, которую он выгребает из моих же запасов. И иду баиньки.

6 мая 2022 года. 8 часов утра. Москва

Утро начинается весело и ярко. Солнце во все лопатки сияет на синем небе. Меня будит ну совершенно офигительный запах из кухни, и я, едва продрав глаза, иду по следу.

Мой личный вампир в законе, надев мой фартук поверх халата и нацепив шикарные (мои же) темные очки поперек всей своей физиономии, приветствует меня поднятием деревянной весёлки кверху:

- К своей каторжной отработке приступил. У тебя в холодильном и стенном шкафах сплошная зелень и какие-то мелкие бобы. Ты что, веганка, Тали?

- Скорее лактовегетарианка. Маш, нус и прочая соя.

Тут я соображаю, что он меня «тыкает», хоть этот кот Бегемот вроде не пил из меня брудершафта. Заснула я в ясном сознании происходящего и проснулась такой же, как была. Ладно, забьем не глядя.

- Это что ж ты стготовил, Род? Не пойму никак.

- Я назвал это четверговым блюдом, потому что впервые стготовил его в четверг.

Почти прямая цитата из Рэя Бредбери.

- Приводи себя в порядок и садись за стол. Какие еще будут пожелания? Вообще-то нам обоим надо одеться поприличнее.

- Тебе - да, - говорю со своего унитазного трона.

- Так значит, ты поешь, а потом прямо в бутик?

- А потом - прямо в хороший магазин спортивной одежды. Не знаю как ты, а я лично ненавижу тряпки, которые колени стреноживают и в ногах путаются. И обувь на тонком каблуке. И сумочки типа театральных.

- К сведению принял и согласен. Хотя сам я юбок отродясь не нашивал.

Овощного рагу так много, что я киваю ему - садись, мол, напротив и наворачивай. Запах тоже не обманул моих ожиданий: вкусно до помрачения ума, на порядок выше стряпни моей доченьки и на два - моей собственной. Если

так будет продолжаться всю неделю, я точно заработаю килограмм жира на бедрах и полноценный стокгольмский синдром в качестве бонуса.

- Да, уж если мы на «ты» перешли, - говорю я, разнеженно наблюдая за тем, как Род моет вилки, тарелки и сковороду. Нет, со вчерашнего вечера он явно похорошел: будто его в крепком уксусе промыли. И очки ему чертовски к лицу, вот еще бы на длинный роток накинуть платок. Как мусульманке. - Почему вы все так не любите слова «вайпер»?

- ???

- Мы ведь на русском общаемся, там буквы «дубль-вэ» нет. А вайпер с одинарным «вэ» - это по-английски гадюка. Аспид. Не так уж плохо, по-моему.

Он кривовато усмехается. Ох уж эта его усмешечка одним углом рта, что-то слышится родное в долгой песне ямщика...

А потом он накрывает свои белокурые волосы мужниным черным тебетеем с серебряной вышивкой, обувается в «турецкие» шлепанцы с загнутыми носами, и мы отправляемся за приличной одеждой.

- Ты украл, - ворчу я, переодеваясь дома во все новое.

- Позаимствовал в рекламных целях, - уточняет Род с самым нахальным видом. - Ты же видела - все менеджеры дамского рода и вида прямо так горло и подставляли. В смысле на шею вешались.

Поскольку он зарозовел до неприличия, я догадываюсь, что он попользовался от этих народов не только одежкой. Ну, не всё же вам, змеюкам, до смерти жалить, верно?

- Ты прекрасно выглядишь, - Род оценивающе окидывает меня с ног до головы: фирменные кроссовки не промокают и не потеют, брюки выкроены по лекалу, тончайший свитер облегает сдобную грудь, полартексовая куртка легким мановением руки обращается в жилет. Короткие седые волосы под бейсболкой в равных долях перемешаны с темно-русыми и спадают прядками на уши.

- Ты тоже, так что взаимно. Нам идет спортивный стиль. А теперь куда?

- Предлагаю запереть твою квартиру и слетать... ну, для затравки в Питер. Давно не была?

- Лет десять. Телетранспортиция, что ли?

- Телепортация. Ти-порт, - кивает он. - Не уверен, что вместе с тобой потяну на большие расстояния, так что учиться стоит на малых.

5 мая 2022 года. 14-00 часов ровно. База «Норильск Старая»

Людмила резко хлопает в ладоши: раз-два.

- Сердечно благодарю всех за поддержку и солидарность с нашим выбором. Поистине, сегодня выбраны самые достойные. А сейчас позвольте нам уйти ради того, чтобы вернуться.

Перед четырьмя гостями и двумя избранныками неохотно расступаются людские волны.

На пути к вертолету мастер Леонард говорит девушке по-нганасански, тихо улыбаясь в дымные серые небеса:

- Милая всем людям! Друзья чувят что-то дурное в ваших славянских спутниках и их транспорте.

- Не удивлюсь, - коротко отвечает Людмила. - Такого древнего воздушного извозчика мне еще не попадалось. Однако ж дипломаты улетают с нами хотя и без великой радости, но без трепета в душе.

- Вы пробовали предложить им остаться внизу на день-другой?

- Их же и без радиации тут пропоносит, с одного страху, - отвечает она. - Сама я же его на них и нагнала.

- А темнокожего?

- Да мы двое что нитка с иголкой. Я лично рада была бы остаться у Друзей, хоть с ним, хоть без него, только сразу на заметку возьмут. Поздно. Кто вам сказал-то? Дюльсемяку? Тубяку?

- И Дюходие.

- О. Видать, полная дрянь дело, если они хоть в этом сошлись.

На этих словах оба вежливо раскланиваются и расстаются. Вертолет гостеприимно приоткрывает дверцу.

- Простите великодушно, - девушка отодвигает военных в сторонку и пропускает обоих вампиров вперед, одновременно вкладывая им в руки по небольшому плоскому свертку. Говорит на местном диалекте: отрывисто, с вежливой маской на лице.

- Вивиан. Рут. Это всего лишь незаполненные голографические бланки, я ничего другого не раздаю; ни паспортов, ни кредиток. Но в одном конверте еще моя социальная карта, инвалидная, в другом оригинал маминой, якобы утерянной. Результат моих плутней. Обе полностью загружены монетой.

- Понятно. Благодарю вас, - с сердитой миной отвечает мужчина. - Туда по собачьей шерсти, обратно против оленьей. Повадилса кувшин воду носить, тут ему и голову сломить. Простите за чепуху. Больше нечем было заполнить паузу.

Людмила церемонно кивает и продолжает инструктаж:

- Сейчас вы сядете назад. Ширму между передними и вашими сиденьями закрыть, но не запирать, замок аварийно-грузового люка проверить. Если что не так - мой адрес вы помните или возьмете по менталу от своих.

- Что такое? - недовольно спрашивает Несвятипаска. - Разве мы не в прежнем порядке?

- Вайперы излучений не любят, - говорит Людмила. - Захотели забиться в дальний уголок от великого трусохвостия. Не беда: сядете ближе к пилоту, там самая красота через фонарь просвечивает. А мы с Жоржиу посередке - сладкая

парочка, верно, мой святой Георгий? Не тужи: виды у нас не очень красивые, зато от командного отсека отделяет нехилое пространство. Посплетничать можно, ну и пожениться заодно.

Статья 7

Ни один представитель **Стороны 2** не имеет права уклоняться от ежедневного паспортного контроля в органах внутренней безопасности. Также он не имеет права приближаться ни к одному зданию посольств и представительств других, помимо **Стороны 1**, государств, а также пересекать государственную границу **Стороны 1** любым способом, в частности: наземным, водным, воздушным, подземным, подводным и находящимся за пределами воздушного пространства.

7 мая 2022 года. Санкт-Петербург

Меня просто бесит, как Рут выламывается из-за этой женщины. Просто римейк старинного фильма «Арлетт», где брачный аферист охмурил тетку много старше своего возраста - до тех пор, пока не влюбился в нее по уши. Чувство вины - о, это я как раз понимаю. Собственно говоря, именно оно и заставило его так быстро прибыть к ее порогу, обогнав меня по крайней мере на два часа, хоть мы и договаривались работать его аферу вместе. И теперь эта вина принуждает Руту безропотно сносить в высшей мере оригинальный юмор пациентки.

Когда он после Эрмитажа (и на кой он им сдался, туда же на водопой целые туристические стада ходят) предложил ей поужинать в ресторане, наша Тали вроде как сие одобрила. Когда он заявил, что тамошний фэйс-контроль женщин в штанах не пропускает, она кротко согласилась на юбку. Но, я так думаю, чуть позже она подглядела в щелку смежного с ним гостиничного апартамента, как он облачается в нашу «классику»: черный смокинг с атласными отворотами, темно-серые брюки, лакированные башмаки и крахмальную рубашку с небольшими золотыми запонками. (Еще не хватало цилиндра, трости и плащ-крылатки; но это вроде к фраку положено.) И в качестве противовеса нацепила на себя (и у кого одолжила только) длинную, до пят, юбку хаки со вставкой из вологодских кружев, ажурный золотистый топ поверх зеленой водолазки и армейские башмаки тридцать восьмого размера! Не спорю, в эту весну пол-Питера разгуливало таким же в точности образом, но то были совсем юные пацанки.

В ресторане я уселась поодаль и наслаждалась той брезгливой миной, с которой Тали перерывала меню в поисках чего-либо условно вегетарианского (или, на худой конец, постного), а потом терзала винную карту, вполне внятно скандируя французские и испанские названия вин, чтобы потом потребовать у шокированного официанта бутылочку «Герской минеральной». Чуть попозже, неохотно ковыряя у себя в тарелке с соевым муляжом бифштекса, эта тетка жены

поэта в полный голос сожалела, что «Родя» не повел ее в китайскую или японскую забегаловку, какие тут на каждом шагу, и громко восхищалась умением Рута готовить... Кончилось представление тем, что он торопливо затолкал в себя добрых две трети заказа и повлек даму кормиться в номер, где у них была крошечная кухонька с аэрогрилем и электрическим чайником.

А на следующее утро он перетащил ее (и, стало быть, меня) через финскую границу - я так думаю, у них это было спланировано заранее.

Я, конечно, понимаю, что нам постоянно приходится бравировать теми правилами, которые установлены для нас дубовым российским законодательством, иначе просто не удержишься на плаву. Однако ради чего Рут подставляет всё наше общество именно во время, когда оно и так балансирует на краю пропасти? Разумеется, за рубежом мы вольные птицы, желанные гости, только и питаемся, что от восхищенных поклонников и поклонниц, но ведь возвращаться всё равно придется через тот же силовой горизонт. И вообще, к чему эта его медлительность, эта игра в непонятки?

- Вивиан, - сказал он, когда я попыталась выразить ему свое робкое возмущение, - я не могу ей солгать. И уже не смею сказать правду.

8 мая 2022 года. Мадрид

Прибыли в Испанию, чтобы черпать здешнюю красоту большим уполовником. Любимая страна моего нынешнего покровителя. Ну, он норовит таскать меня по соборам, музеям, паркам и академиям изящных искусств, а меня с чего-то потянуло в скромненький и по виду наполовину заглохший монастырь босых кармелиток. Монахинь тут несколько больше, чем пятнадцать лет назад, и они почти никого к себе не пускают. Возделывают свой сад, как говорится. Когда я спросила, есть ли в ком-нибудь из них королевская испанская кровь, как бывало в прежние века, они, похоже, не совсем меня поняли и посмотрели на нас обоих с жалостью. Славные женщины - и даже не очень старые. Внутри у них не очень большая, но представительная коллекция картин, потрясающие старинные гобелены и много цветов: просто не надышишься.

Да, мой Роджер последнее время что-то юлит. Всё время говорит (со своими шефами, что ли?) по мобильнику - он у него от Филипса, жутко навороченный, - а мне не докладывается. И не позволяет хоть как-то включаться в современную реальность. Во всем прочем замечательно: я на нем в буквальном смысле верхом ежжу, потому что при ти-порте еще ладно, а вот во время полета со значительным ускорением никакой вайпер не удержит человека одними руками. Это же тонны две. Поэтому нужно специальное седло с креплениями и ремнями безопасности, и то - ощущение, будто я взнуздала буйный ветер. Кстати, у меня на случай стужи в верхах термобелье, а Родя и так перебился. Именно так мы слетали ночью из Мадрида в Эскориал, а потом сразу в Севилью: ну, это без комментариев.

- Я не могу скакать по всему белу свету, как блоха по перине, - оправдывался тогда Рут. - Есть определенные ограничения.

Иногда в своих стремлениях к секретности он доходит до того, что удлиняет или вообще совсем отпускает мой поводок. Я гуляю где хочу, - Роджер в гостинице обделяет свои личные делишки. И это при том, что для временно беспаспортного вайпера его клиент, по сути дела, такой паспорт и есть. Только я всё равно чувствую где-то неподалеку другую такую же особь, причем сильную. Шестое чувство, наверное. открылось. Или третий глаз.

- Ну да, я хитрю и виляю, как собака хвостом, - улыбается мой бледнолицый и белоглазый обаяшка, когда я ему на это указываю. - Имею я право на личную жизнь?

Не поспоришь. Ну, мое дело маленькое. И короткое. Хотя, надо отдать Роду справедливость, под его эгидой каждые мои сутки ухитряются вместить в себя больше, чем иной год.

- Человечество никогда не избежит напастей. Пусть лучше тогда этой напастью будем одни мы, - любит он говорить.

Выходит, он наименьшее из моих личных зол? Ну-ну...

Еще один перл сомнительной ценности:

- Люди возмущаются, что мы едим - или уж там пьем - от них как от представителей вида. Им требуется индивидуальный подход. Вот они его и получили.

- За какие такие грехи?

- Да просто за то, что вы такие разные... И по-разному непонятные.

Он явно хочет спровоцировать меня на... скажем, комментарии личного характера. По поводу некоего приватного выбора. Но я не люблю ступать на скользкий лед.

Нашими приключениями и эскападами Родя наслаждается не меньше меня самой. Когда день проходит удачно, любит пофилософствовать описанным выше образом, имея меня в качестве заинтересованного слушателя, и - право - заинтересованного нелицемерно.

- Мы и вправду нуждаемся в «полной крови» человека, так это вкратце называется, - откровенничает он тогда. - И верно, что по-настоящему только однажды. Как бы перенимаем алгоритм жизни. Идейный стержень, так сказать. Чем раньше это случается, тем надежнее и легче. (Кому?) Прочие вливания могут быть небольшими или почти полными, но со временем мы нуждаемся в них всё меньше... ну, вроде как вы в сексе или гурманстве. Только не думай, что во время войн мы были такими уж великими постниками. Война ведь не спорт и не рыцарский турнир, а игра на взаимное уничтожение. И способа никто не выбирает, уж поверь, ведь в сражении участвует худшая часть человека или... вайпера. Самое страшное в войне - то, что она идет по кругу. И по нарастающей.

- Теперь ты понимаешь хотя бы одну из причин, почему я голосовала за то, чтобы посадить вашу братию под колпак. Драчунов нужно прежде всего развести по противоположным углам... ринга.

- Одним этим резню не закончишь и благорастворения воздуха не получишь. Но не думай, кстати, что наши предки - в самом начале противостояния - не были еще более жуткими монстрами, чем мы. Были.

- Мои предки - тоже. Но их потомки обычно не желают этого признавать. Слушай, а вампир и в самом деле может перестать быть кровопийцей хотя бы после сакральной процедуры?

- Знаешь, как человек не может быть по-настоящему праведным, так и мы не можем вообще не пить крови.

- Двойкий ответ, знаешь ли.

- Не хуже, чем человеческая двойная арифметика. Если один из вас убивает другого, он не обязательно выродок. Почему же вампир в подобной ситуации - скотина, чудовище и далее по всем пунктам обвинения?

- Потому что он не человек и не зверь, а нечто непонятное. Я права? И даже когда его превращают в палочку-выручалочку, в фетиш, как теперь, это не меняет сути дела. Вы не свои для людей и своими никогда не станете.

- Так категорично, Тали? А мы с то...

- Не дури. Я просто облегчаю себе существование. Тебе - не уверена. И знаешь, за что, в конечном счете, плачусь? У всех людей одни и те же проблемы: не могут жить в отсутствие смерти, а рядом с ней не умеют жить долго и счастливо. Ты, Род, и вам подобные просто к этому делу подверстались. Острые игрушки. Красивый фантик на конфетке, слепленной... сам знаешь, из чего.

- Вот теперь я понял, почему ты не хотела вайперского явления народу.

- Как я тебе завидую. Может, и меня вразумишь?

9 мая 2022 года. Севилья

Да, это вам не Мадрид. Здесь уже мне самой приходится водить своего кавалера под ручку, чтобы не заблукать в переплетении узких улочек под парусиновыми навесами. Хиральда, на вершину которой мы дружно залезли, восьмиугольный фонтан, где я поплескалась, воображая себя правоверной мусульманкой, - однако Роджер уверил меня, что водоем сотворен готами, не современными, конечно, а всамделишными. Потрясающий кафедральный собор самого начала 15 века, о котором церковники Севильи сказали прямо вот так: «Мы хотим построить храм настолько величественный, чтобы каждый, кто его увидит, счел бы нас сумасшедшими». Как я завидую тем временам, вы бы знали!

А еще дворики и сады, извилистые крутые улочки, Алькасар, мудархар, фламенко, канте хондо, севильский озорник Дон Хуан, бары и ресторанчики с аппетитной закуской на блюдечках, херес амонтильядо, по поводу которого я вспомнила Эдгара По...

И Родя, который в уголку деликатно кормит местных голубей здешними «тапас», что до сей поры без ущерба для себя теснились в его любопытном желудке.

По этому поводу произошел краткий экскурс в вайперскую физиологию. Как я и предполагала, желудок у них - просто эластичный мускульный мешок без тени рецепторов и служит для маскировки. Кишечник любой толщины, естественно, отсутствует. Сердце, как и у нас, - мотор для перекачки основной жизненной силы и не более. Легкие необходимы гораздо больше: во-первых, как иначе разговаривать? Во-вторых, это не простые мехи, как в кузнице: они состоят из эластичной пористой губки, очень прочной по сравнению с нашей легочной тканью, а губку обволакивает недурная система кровяных капилляров. Спросить прямо: а не туда ли попадет моя.. хм... телесная жидкость, когда ее из меня наконец вытянут, - я посоветилась. Кажется, нет: Родя говорил, что кровь, как жидкая, так и газообразная (???), еще в гортани и пищеводе вайпера обращается в насыщенную воздухом смесь, которая поступает в бронхи и мгновенно расходуется по организму. И для чего-то уж совсем непонятного этой взвеси можно придать обратное направление.

5 мая 2022 года. 14-00 часов 15 минут. Аэродром «Норильск Старый»

Вертолет, натужно скрипя лопастью, поднимается вертикально вверх, колыша вечно сухую траву. Провожающие глядят с приличного расстояния, как он уменьшается в размерах, слышат, как при входе в спиральный воздушный колодец, который создает работающий винт, утихает деловитый звук работающего мотора. Вдруг мотор в один ослепительный миг замирает совсем, и...

Зажигается новая звезда.

...Сплошная стена огня между военными и пилотом. Людмила кошкой бросается на мулату, прижимает того к полу, он инстинктивно выворачивается - охранничек, танцор, мачо, проговаривает она лихорадочно, словами защищая себя от жути того, что происходит, - шторы мигом вырывает из гнезд, люк далеко сзади распахивается. Неодолимая сила беззвучно разламывает машину надвое и бесформенными раскаленными кусками роняет вниз.

10 мая 2022 года. Агра

Чем умильней наши голубки воркуют, чем увлеченнее бродят по мраморным мавзолеям Индии и золотым пагодам Мьянмы, тем мне тревожнее. Ну, эта отвязная Тали хоть и вопит на каждом шагу, что не хочет впасть в «стокгольмскую хворобу», уже там по самые уши. Еще одно усилие - и синдром

накроет ее с головой. Само по себе это еще ничего: как говорил некий древний циник, с приправами еда вкуснее. С очень острыми приправами, однако. И ведь беда не в том, что она задирается, капризничает, эпатирует всю округу - это ей прощаем не одни мы, ибо она не зла по своей природе. Она бурлит, как молодое вино, лишь потому что в самом деле молода, несмотря на свои годы, на изрядно пошатнувшееся здоровье, на вдовство и на саму смерть. Она безупречно храбра, ибо умеет жить внутри каждого мгновения, балансируя на тонкой черте меж двумя стихиями и не поддаваясь ни одной из них. Наша общая беда в том, что этот редчайший приз, который стоило бы всецело оберегать, может пропасть как медный грош, которым платят за чужую подлость.

В самом начале мы могли бы по незнанию подкосить Тали одной короткой фразой - но тем спасти если не душу, то хотя бы плоть. А теперь поздно переигрывать то, что случилось. Потому что Рут - он тоже болен ею, хотя не подозревает о том, и из чистого упрямства пойдет до конца.

Статья 9, продолжение

... Кроме того, непосредственные объекты Ритуала имеют право во время его проведения сохранять свободу воли и четкое восприятие действительности.

11 мая 2022 года. Полдень. Игарка

Это почти что мой родной город: в детстве любимым моим чтением была мамочкина книжка «Мы из Игарки», составленная тамошними пионерами (а о ссыльных - ни слова) и посвященная писателю А. М. Горькому, «коварно убитому врагами народа». Чья бы корова мычала...

В городе, по причине вековой мерзлоты, еще сохранились знаменитые деревянные тротуары, но одноэтажную избушку с высоким земляным фундаментом, похоже, сам Родька и соорудил мне на потребу, уж больно вся из себя хороша. Я гуляю здесь на природе и на воле, то есть вместе со своей тенью, которая, похоже, иногда намеренно мелькает рядом, как пресловутый двадцать пятый кадр. Почти уверена, что это женщина, вернее, дама. И, разумеется, вайперская дама. Почему? Наверное, я уже приспособилась улавливать аромат смертельного совершенства, опасной прелести. Но от него мне, как ни странно, становится спокойней и легче на душе. Любопытно, могла бы я поставить как дополнительное условие - право выбрать из них двоих того, кто бы меня реально проколол?

Господи, молилась я на протяжении почти всей моей жизни, упаси меня от зловонной старости и разжигания мозгов. От вялой ненависти моих родных и знакомых. От позорной беспомощности перед обеими великими сестрами-близнецами. От бесплодного тления.

Господь - Он вял.

На пороге нашего домика, сплошь увитого таким нереальным в этих широтах виноградом, меня встречает незнакомый, но такой родной запах: да, ведь бабушка перед поездкой «на черноморскую природу» варила, в качестве несслыханной роскоши...

- Роджер! Это что у тебя такое - курица?

Он встречает меня прямо в дверях, строгий, весь в черном, несмотря на теплую погоду, и без своих обычных окуляров. Ему явно не до обсуждений сегодняшнего меню - и не до смеха.

- Прости. Прости. Это форс-мажор.

- Ну да, - бормочу я, - не переживай, всё пучком...тѣфу, в порядке. Спасибо, что дал сколько-то погулять.

Чушь собачья. Что я несусь?

- Я, правда, хотел подождать дня два, даже три, но уже не выйдет.

- Да не стой у меня на пороге... на пути. Примета плохая. Невежливо, - сбивчиво бормочу я. Мне надо срочно взять себя в руки.

Но это делает он. В буквальном смысле.

- Тали, спокойно. Не рвись. Сейчас ты обязана меня слушать. Во-первых, эта птица тебе, чтобы ты съела мясо.

- Ты спятил.

- Тали. Эта деревенская клуша сама захотела умереть, потому что ее петух полюбил другой гарем. Перед тем как ей свернули шею, она помолилась, причастилась и исповедалась.

- Ты что, интервью у нее брал?

- Не мели чепухи. Времени меньше, чем надо. Послушай, - он внезапно взрывается холодным пламенем, - я за день обегал с тобой весь Эрмитаж. В ночное и беззвездное время я поднял тебя на самый шпиль пагоды Шведагон. По чистой твоей прихоти пересчитал все комнаты в Эскориале и получил ни с чем не сообразное число. В мавзолее Мумтаз-Ханум ты распевала наперегонки с эхом до тех пор, пока нас не выгнал служитель, - и хорошо еще, что то была «Фатиха», а не цыганский романс. Можешь и ты мне хоть однажды потрафить?

Я молчу.

- Сейчас я быстренько проверну эту тварь в мясорубке и добавлю столько зелени и местных пряностей, что ты ее даже не почувствуешь.

Абсурд ситуации медленно доходит до меня.

- Ладно, давай как есть. Я же из принципа, а не потому что невкусно.

Пока я перетираю зубами мелко порезанную тушку бедолаги, мой будущий кровник наливает в широкую рюмку коньяк и подносит к моему носу:

- Это можешь не пить. Только лизни и понюхай. Но еще лучше опрокинь в себя и запей водой.

- Жесткое излучение и так далее?

- Верно.

Я проделываю всё требуемое почти без чувств. То есть без страха. И с каким-то даже любопытством.

- Жаль, что уже спиртного хватило, - бормочу я. - А то бы еще аспиричику сколько-нисколько.

- Зачем?

- Для разжижения крови.

- Не треплись, не надо.

- Не буду. Что дальше-то?

Он ведет меня в мою комнатку и усаживает на старомодный диван с невысоким подголовьем, а сам становится напротив.

И вот он уже не мой уже почти домашний Род. Великолепный черный рыцарь в широкой мантии и с прямым клинком наперевес. Дело слегка портит невсамделишный ветер, что развеивает плащ и тем самым создает эффект кинокадра, врезанного непосредственно в окружающую действительность.

- Это еще что? Я думала, у вас для того клыки. Ну, зубы.

- Ты про шпагу? Сакральный знак. Иллюзия. Но... Знаешь, чем иллюзия отличается от галлюцинации? Второго нет, а первое - та же реальность, но увиденная в непривычном ракурсе. Ты всегда в душе хотела такой смерти. С оттенком вызова и благородства.

- Так меч не настоящий?

- Отчего же? Хочешь, потрогай лезвие, только руку не порежь.

Так я и поступаю.

- Знаешь, это так красиво. Но я хотела бы... как там: во время ритуала сохранить свободу воли и четкое восприятие действительности.

Символику вмиг смывает, как холодной водой.

- Ты в своем праве. А теперь откинь голову на спинку и...

- Погоди. На тумбочке моя повязка для спанья при ярком свете, с липучкой. Давай сюда. Твои пронзительные белесые гляделки - последнее, что я хочу видеть под конец своей жизни.

Двусмысленность этой фразы доходит до нас одновременно - мы дуэтом издаем сдавленный смешок.

Однако толстая непроницаемая полоса уже легла на мои глаза. А его ладони - на мои, и крепко. И его губы на моих - такие прохладные и нежные, будто шелк.

Вот только мое дыхание уже всё из меня изошло - от пересохшего рта до самых кончиков пальцев.

И через одно биение сердца вдоль горла узкой полосой ложится сильная, яркая и такая.... Такая несправедливая боль.

Статья 5

Любой из представителей **Стороны 2** имеет право забрать с собой и перенести через границу между обеими территориями объект, уже вполне

послуживший целям его инициации, в том случае, если не будет сомнений насчет отсутствия в нем, именно объекте, признаков биологической жизни. В последнем случае имя, отчество и фамилия объекта заносятся в лицензию, а сам объект считается утерянным без вести на время, вдвое меньшее того, что указано или будет указано в соответствующем законе **Стороны 1** на сегодняшний день.

11 мая 2022 года. Утро. Игарка

Мне удалось хотя бы одно: без помех направить наших авантюристов поближе к месту перехода. Марш-бросок из Индии, страны чудес, в устье реки Енисей, где чудес никак не меньше. Рут заманил Тали обещанием показать ей, как у самого Полярного Круга выращивают именно тот подвид знаменитой ягоды, что скандинавы отыскивали в Северной Америке. Ученые одно время полагали, что это хмель; думали также, что тамошний климат во времена Эйрика Рыжего был мягче. Ну нет, это здесь и теперь климат умягчился - стараниями наших друзей. Тех, которые ставили излучающий Купол, и тех, кто сумел нейтрализовать его влияние, обратив часть внешней радиации в безвредное тепло.

Вообще-то наружное излучение и не планировалась как убойное - в темницу должно было легко попадать, не то что из нее.

Границы государств мы трое пересекали по воздуху и внутри облаков: эти фокусы известны российским пограничникам, но вслепую по тучам стрелять никто не будет, а то ведь из них, чего доброго, не простой дождичек польет, а с градом. Радиоактивным.

А теперь время подвести итоги и хладнокровно взвесить ситуацию.

Никто из людей, кроме Милушки, не подозревал, что трофейная электроника, которая в больших количествах оказалась под Куполом после его закрытия, начала взрываться почти сразу. Многие наши погибли, но, как говорится, предупрежден - значит вооружен. Когда дружественное правительство дозволило нам тратить заработанные деньги на мирную электронику, смутно надеясь, что она устроит здесь такой же фейерверк, мы стали прямым ходом отправлять ее на плато Путорана, где с помощью заклинаний ее приручали дружественные шаманы. Навострились они, как ни удивительно, еще на нас самих, когда пробовали оберегать сначала от холода, потом - от куда более губительных лучей. Как нам объяснили с помощью тарабарского языка и совершенно невнятных образов, мы - те же компьютеры, но не цифровые, а биологические. Они взрываются - мы гаснем, только и разницы...

В общем, Милуша прекрасно знала о магическом тренажере. Ее темнокожий дружок не знал, но, по всей вероятности, догадывался. Он ведь оформил для нас столько импорта этого рода, что при обычном раскладе взлетел бы на воздух весь Таймыр. А вот медные лбы ни сном ни духом не ведали о наших махинациях. Ну, что на территорию НВЦ нельзя провозить свою личную электронику,

разумелось само собой, а вот причина этого слегка покрылась мохом. Нет, русские из верхнего и среднего звена - те понимали. Из нижнего - кое-что слышали краем уха, но не сопоставляли одно с другим. А вот славянских союзников не проинструктировал вообще никто. Секретничали с ними, как всегда. Без учета их склонности к шпионской контрабанде.

Короче говоря, во внутреннем кармане каждого из теплых воинских кителей было по «жучку» изоцирконной конструкции. Может быть, эти штучки собирались оставить нам в подарок, да не сумели, может - хотели записать на них информацию, увезти и дома над ней покумекать. Теперь уж никто не скажет. Потому что это *они* взорвались во время отлета.

Нас, вампиров, тотчас же выбросило из машины через грузовое отверстие, но Рут еще сумел закогтить обоих людей сразу, кое-как спланировать с ними наземь в некотором отдалении от места, куда приземлилась остальная масса, и уйти следом за мной через воздушный колодец, который образовался в куполе непосредственно после взрыва.

Уже сидя на земле в наполовину растерзанном состоянии, мы связались с шаманами - вернее, это они нас отыскали (вампиры куда худшие менталы, чем эта троица) - и получили от них вводную.

Обоих скотов и их вероятного сообщника, того самого пилота, размазало в радиусе полукилометра. Жоржиу получил обширные ожоги, плохо совместимые с жизнью, травму позвоночника и еще несколько переломов со смещением. Милуша пока дышит, но фактически уже мертва. Ее сейчас везут к системе автономного жизнеобеспечения, при помощи которой она может протянуть неопределенно долгое время, но она никогда уже не станет человеком.

Вот тогда нас и попросили четко поговорить с ее мамой. Сначала вызвалась я, но по зрелом размышлении мы решили: нет, это сделает Рутгер как самый безжалостный из нас двоих.

Только Наталия Андреевна как самый близкий родственник может приказать нам отключить медицинскую электронику от тела своей дочери.

Только она может дать нам позволение сотворить из Милуши такого же изгоя, как мы все.

Но, как известно, благие намерения - лучшая растопка для ада. Или как там говорится?

Суть не в том, что в конкретной обстановке мы оба дружно онемели, а я так даже и вовсе устранилась. И даже не в том, что Рутгер с самого начала был неверно воспринят.

А в том, что только свежий, с иголки, нерастраченный вампир может с гарантией спасти Милушу. Это всё время сидело у нас в головах.

И сделать это необходимо вот прямо теперь.

Видите ли, мы считали, что у девочки наступило нечто вроде ремиссии: не так чтобы лучше, но пока и не хуже. Но только что пришло сообщение, что ни

аппарат, ни наложенные заклятия уже не держат. Час, от силы два-три - и конец.

Статья 10

Гражданам **Стороны 1** настоятельно не рекомендуется посещать территорию **Стороны 2** в целях, выходящих за рамки официально одобренных Правительством **Стороны 1** и в особенности тех из них, что носят сугубо частный характер. Во время визитов, одобренных Правительством **Стороны 1**, о чем должен свидетельствовать официально составленный документ, и должным образом завизированных в представительстве **Стороны 2**, граждане обязаны находиться в транспортном средстве со специальной защитой и ни в коем случае его не покидать. Исключение составляют случаи, когда последнее требование напрямую противоречит заявленной цели одобренного обеими сторонами визита.

11 мая 2022 года. Два часа пополудни. Таймыр

Мой сон живет. И я в нем живу. Какие-то радужные полосы и вьющиеся полотна наверху и россыпь искр по бокам, холодные струи... сверкание солнц и жара. Ласковый покой и темнота.

И сразу ослепительное холодное свечение падает сверху, сбоку, охватывает со всех сторон - приподнимает меня кверху так резко, что едва успеваю удержаться на простыне в положении сидя, обхватив руками колени.

- Что за хрень такая, меня же вроде убить собирались, - хрипло бормочу я. И даже вдыхаю и выдыхаю нечто вроде воздуха. От этого в горло мигом вступает боль: словно что-то рвет его изнутри. Похоже, мне в очередной раз выдрали гланды, которые с моих четырнадцати лет как-то ухитрились отрасти снова.

И я открываю глаза, растерянно вертя головой по сторонам.

Темное серебро льется из широкого окна, задернутого серой шторой, освещая всего-навсего обстановку заурадной городской больнички или гостиницы: узкая «полуторная» кровать с откинутым покрывалом (а на ней я в атласной пижаме), тумбочка, пустые полки во всю стену, что напротив ложа, а в нише посреди полок - акварель: крутохвостые лайки тянут нарты сквозь обильный снегопад, юная женщина лежит на плече молодого каюра, прижмутив раскосые глаза в чудесной улыбке, а на голову ее мужа, одетого в парку, надвинут капюшон с пышной оторочкой и крошечным горделивым хохолком сверху.

Стоило мне захотеть приглядеться к картинке - и вот, будто я там внутри сижу. Чудно: все мои чувства не то что обострились, но явно обрели четвертое измерение.

- С благополучным прибытием, - говорит над моим ухом звонкий женский голос.

Девушка в форме сиделки или горничной подобралась ко мне со спины или всё время там стояла. Она, а как же. С виду прямо Вивьен Ли в самом узком корсаже Скарлетт из культового фильма и с подобием чего-то типа длинного градусника внутри. Градусника, наполненного красной ртутью.

- Прибытием куда?

- В Кузницу Дьявола.

Вивьен в одно мгновение оказывается у окна, отдергивает занавеску - и: ...Черная угольная земля с крупными комьями шлака простирается до самого горизонта. Какие-то жуткие развалины курятся дымом и пеплом, который ветер свивает в зыбкие трубы. Настоящие трубы тоже имеются, но они молча вырастают над горами отвалов и петлями ржавых подъездных путей.

- За что мне это - за попытку непрямого суицида? - бормочу я.

Тут дверь открывается, впуская... ну естественно! Моего красавчика вампира.

- А тебя почему в адское пекло упекли? - тупо острою я от некоторой неожиданности. - Неужто за меня?

- Я здесь живу, - отвечает он. - Как теперь и ты.

- Норильск, - осеняет меня. - Анклав...

Уже не соображая толком - руки сами делают - я с силой хватаю эту скотину за плечи, прыгаю с ложа вниз и всем телом скольжу промеж его расставленных для упора ног в обтяжных сапогах, будто в фигурном катании на льду. Но тотчас же, без усилий и с прямой спиной, возвращаюсь в прежнее положение.

- Тали, ты не поняла, - говорит он хладнокровно, отводя мои руки подальше от себя. - Есть такой бородатый анекдот про говорящего попугая: «Кульком ли, тушкой - а за бугор сваливать надо». Смертного через купол можно переволочь без проблем, только если он полный труп. Вот мы тебя такой и унесли. А дальше... сама видишь.

- Самопроизвольное воскрешение, - саркастически говорю я. - В сомнамбулическом виде я поднялась с ложа скорби и укусила парочку бедненьких невинных вайпов.

- Ну, почти, - отвечает он. - Вливали кровь мы с Вив уже здесь и без особой гарантии на успех. Это удастся процентах в двадцати на круг - мозг умирает раньше тела. Но ты очень сильная, очень всамделишная, у тебя с самого начала было, я думаю, пятьдесят шансов изо ста, а то и больше. Эти твои видения перелета постфактум...

- Что я вам, поганцы, сделала? Мне ж теперь кого-то убить придется! - кричу я и со всех новоявленных сил опрокидываю Рода на пол задушевной плюхой.

- Не убить. Оживить, - хладнокровно говорит он из положения лежа.

И я, наконец, все понимаю. Не зря же сама теперь из *этих*.

Дочка. Моя Людмила.

- Про аварию вертолета было во всех сетевых новостях, - говорит Вивьен...
вернее, Вивиан. - Оттого мы вас и держали подальше от современности. Вы же
могли совсем зазря всяческих глупостей наделать.

- Она что, здесь лежит? - спрашиваю я.

- В соседнем корпусе, - кивает Роджер. - Далеко от границы такое не
увезешь.

...Какая-то навороченная машинерия. Люди, которые на ходу объясняют
мне и про электронику, и про особые элементы питания, и про «духовный»
резерв, а потом отходят в сторону.

Людка лежит под сплошным зелено-голубым покровом, которое прячет
ожоги, - только овал лица и узкая полоска шеи остаются открыты. Мне
страшно, мама моя, очень страшно...

- Это наш друг, - говорит Вивиан твердо. - Она постоянно всех нас опекала
и в день аварии предупредила нас с Рутотом. Мы ведь сгорели бы без следа в
вертолете, если б не она. Но никто не знает, что бы Милая Людям решила
насчет себя, приди она в сознание хоть на секунду. Так что за обеих говорите
вы, Тали. Помните: никто вас ни в чем не упрекнет.

- Сознательный родитель принял бы горделивую позу, - говорю я в ответ. -
Но я... Ладно. Как это делают? Инициацию кого-то там кем-то.

- Твое новое тело знает, - говорит мой крестный. - И мы рядом, не забывай.

Я вдыхаю в себя ее запах - почти чужой, тусклый, напрасно я пытаюсь
подцепить в нем яркую нить. «Те, кто рисует, - рисуют нас красным на сером».
Не совсем точный Буддист Главный, но куда ни шло. Я ищу красное... Вот оно.

Прислони рот к ее губам и пей ее влажную душу вместе с кровью... Это
простится тебе.

Какие ее губы холодные, почти как мои. И дыхание тоже. Но я вбираю его,
пока...

- Ну, довольно, - говорит Род, стискивая мои плечи. - Теперь стой,
погоди немного, пока утрясется.

- Пока вы священнодействовали, я всё от нее отключила, - говорит Вивиан.
- Нужно было?

- Наверное.

Он наклоняется со скальпелем в руке и вдруг проводит по горлу моей
дочери тонкий вертикальный разрез бледно-розового цвета. Как делают при
дифтерите, когда больной задыхается от скопления пленок в гортани.

- А теперь отдавай своё. Дыши в нее. Это для тебя легко.

Я отстраняю его и приближаю рот почти к самой щели. Кажется, что я,
такая холодная, выдыхаю палящий жар, потому что лицо Людки искажает
болезненная гримаса.

- Нет, не бросай. Боль - это очень хорошо, Тали. Очень!

А потом меня бережно отводят в коридор и усаживают на мягкую скамейку
с жесткой спинкой.

Статья 8

В случае нарушения хотя бы **одним** представителем **Стороны 2** любого из правил или установлений **Стороны 1** все права **всех** представителей **Стороны 2** аннулируются на неопределенный срок, а ко **всем** конкретным представителям **Стороны 2**, которых застанут на территории **Стороны 1** к моменту нарушения данных правил и установлений, будут применены любые возможные санкции вплоть до уничтожения силами армии и флота.

11 мая 2022 года. Три часа пополудни. База «Норильск Новая»

- Ты только не волнуйся за дочку, - приговаривает Род, придерживая меня за плечи, чтоб не шибко раскачивалась на своем жирном седалище. - В ней в любом из смыслов твоя кровь: дикая, сильная, неукротимая.

- Это ведь как после операции, - бормочу я, - прошло всё путем, а потом бац - и осложнения. А если проскочим без помех... Ведь и Людмиле понадобится от кого-то брать эту клятую силу.

- Ну, положим, ее партнер тоже у нас, в соседней палате. Тубяку обещает его поднять на ноги, однако по улице ему больше в капозэре не пройтись, драчуну такому. Способности к математике, говорит, сохранятся, только шаман не так чтобы в цифири смыслит, мог и перепутать кое-что.

- Бесконечная и такая хрупкая цепочка причин и следствий. А ради чего? Чтобы уже всей семейной артелью на здешней сковороде поджариваться? Ну, морозиться...

Глаза печет однозначно, несмотря на толстые жалюзи. Роджер, который и сегодня не носит черных стеклышек, протягивает мне какую-то стильную штучку - вроде лазерных очков с прорезями, но из кости и в изящной золотой оправе, которая вплотную прилегает к коже:

- Надень. Это сейчас тебе худо, а через недельку свыкнешься. Теперь хорошо глядится?

- Прямо здорово.

- Местная разработка. Зимой не покрывается инеем, летом не искажает естественных красок.

- Было б чего исказить.

В ответ он поднимает жалюзи, к которым мы сидим спиной, и поворачивает меня лицом к...

Изумительной красоты пейзажу, который простирается много дальше линии горизонта оттого, что моя душа летит над ним. Белые пирамиды гор в переливчатой белизне снега и льда, их до пояса закрыли мощные кедры. Перед лесом - весеннее луговое разнотравье; прямо-таки озера цветов. Чуть ближе широким матовым зеркалом серебрится мох, посреди которого - острова гигантских плоских камней. И, топоча, проходит гигантское стадо северных оленей, которое гонит вперед одна-единственная собачонка с добродушной

ухмылкой на морде. Пастух в короткой замшевой рубаше с откинутым на спину куколом оборачивается, видит, что мы на него глазеем, машет рукой и смеется тоже.

- Знаешь, кто это? Тот, кто твою картинку нарисовал. Великолепный художник еще советского времени. Про него думали, что он в реке утонул, да еще в нетрезвом виде, - как же! У нас ни одной комнаты без его рисунков не обходится: родовые знаки, сакральные пейзажи, человеческие лица прекрасные... Магия в чем-то еще и покрепче шаманской. Очень способствует обновлению природы и общества.

- Он живой или - ну как это?

- Да примерно как наши почтенные колдуны. Пришлец с той стороны света. Здесь ведь Верхний мир не сильно отделен от Нижнего, а духи не делятся на добрых и злых, так что Друзьям было куда легче с нами поладить, чем всяким там культурным европейцам.

И торжественно заключает:

- Вот и не торопитесь вы с дочкой и ее суженым в рай, вам еще лет двести это норильское чистилище разгрести понадобится. Что, кстати, означает слово «Генном» на иврите?

- Свалку, помойку, где жгут всякие неорганические и неорганические отходы. Иерусалимский мусорный полигон.

- Вот-вот. Пока еще все окрестности закрыты облаками да купол мутит воздух, но внизу уже порядком повеселело.

- И что, «ястребы» не догадываются?

Едва это *ключевое слово* срывается с моего языка, я понимаю, какая я дуреха. Мне на долю досталась почти что реинкарнация самого Рутгера Хауэра, а я ...

- Дорогая моя Леди Ястреб, - смеется он.

- Но это же снова одна видимость.

- Символ. Я не он, старичок вообще пока жив и здоров, но моя внутренняя суть задается внешней оболочкой, весьма похожей на него в юности. Это и называется адекватность. Поняла?

- Нет.

- Ну и наплевать.

- И не наплевать тебе вовсе. Я тебя насквозь вижу.

- Угу. Истинный вампир прозрачен для собрата. Поэтому слово вампира - золотое слово.

- Только не бахвалься, пожалуйста. Знаешь, какой мой кинематографический знак? Вупи Голдберг. Ноги колесом, физиономия умнейшей обезьяны, обаяния наложено по самую крышу самого главного американского небоскреба - и все белые мужики у ней на побегушках. Сексуальная угроза во плоти.

Мы сидим уже хорошо в обнимку.

- Рутгер, а ты когда спишь - днем или ночью?

- Последнюю неделю - когда придется. Тали, за полярным кругом ведь любая традиция с ума съедет. Мы все тут герои длинных ночей. Паладины северного сияния.

- Да, о ночах. Ты мне два дня кайфа задолжал.

- День всего. Обыкновенный, кстати, размером в двадцать четыре часа ноль ноль минут.

- Не спорь, всё равно я ничего с тебя не востребую. Сколько мы, кстати, живем на свете?

- Очень по-разному. Наша смерть, как и чужая, за нами по пятам ходит. В среднем, пожалуй, не больше, чем люди, хотя потенциал имеется. Лет этак в двести-триста, я уже говорил. Еще соскучиться успеешь.

- Да, а это... мне кровь пить надо?

- При минус шестидесяти веганство всё одно не катит. Друзья мясо олешков потребляют, мы оленью кровь. Они нас к ней и приучили, когда мы от здешних ночных морозов начали загибаться. Как тех, кто замерз в пургу, отпаивали: живым и теплым. Да, вот ты думаешь, мы холод любим, раз сами ровно ледышки? Черта с два. Конечно, предел выносливости куда как выше среднего людского.

- А хочется этого... человеческого сильно будет?

- Не думаю. Видишь ли, сию жажду легко распалить, если, скажем, война наступит и тебе понадобится убивать. Но можно и перебить напрочь. Тебе в каждом человеческом лице будет теперь твоя Людмила видаться. Даже однажды начав, сможешь вовремя себя остановить. Глотки дают не одну силу, но и через нее - радость, как сказал бы Гитлер; однако от такого удовольствия не столь трудно отказаться. Я же говорил, что это нам вроде как секс, или нет? По-настоящему нуждается в крови не вампир, а совершенная боевая машина, в которую он временами обращается. Иногда мы говорим: вайпер в годы мира, вампир - пока длится битва.

- Я так понимаю, что вы из своей презрительной клички творите знамя. Как свободолюбивые нищие гёзы времен Вильгельма Оранского.

- Ну... Во всяком случае, это хорошая мысль.

- А через загрузку человеческим алгоритмом вы и в самом деле должны все пройти или одной мне такая звезда в лоб засветила?

- Ха! Вот скажи: оттого что юноша-масай не убьет своего льва и на всю жизнь останется неженатым пастухом стад, что-то изменится в судьбах мира или нет?

- Мира - нет, а парню будет хреново. Ты, кстати, две разных вещи объединил.

- А, главное, что ты поняла. Так вот, у нас дело обстоит почти так же, как у масаев. Небо не обрушится, но ввек славы не видать. Это ведь еще и посвящение во взрослость. Проверка умения держать себя в руках.

- Так я и знала, что Договор построен на вашем вранье.

- Военная хитрость, - Рут смеется. - Ты думаешь, откуда у нас новички?

- Львов жалко. Ну, те восемьдесят, что ли, процентов ваших мертвых.

- Больше. И меньше. Тех, кто сам на гибель напрашивается, - этих, с метками, - сделать одним из нас практически невозможно. Мы их редко и берем. Однако любого стоящего кандидата в вампиры тоже сначала пьют до дна - и лишь потом с риском для него превращают. При полном его согласии, конечно. Более-менее легко обернуть назад можно лишь таких, как ты. Бесстрашных. Тех, кто психологически настроен на свою смерть.

- Парадокс.

- Ну да. Ведь даже самые отчаянные самоубийцы не верят, что умрут: они уже мертвые, оттого им так и скверно на этой земле. Плохие мужья, унылые жены, робкие защитники, трусливые солдаты, не способные к военному ремеслу...

- Что-то ты всё в одну сторону сворачиваешь, мой милый. Война, война...

Глаза Рутгера будто застыли на мгновение. Не будь я уже вампиром, и не заметила бы, наверное. Но ведь любой из нас для другого - открытая книга.

- Что вам сказали, когда узнали про гибель посольской машины с экипажем и пассажирами? О чем это вся мировая сеть гудела?

Вам когда-нибудь дарили - ну, обещали - редкой красоты игрушку, а потом из простого ухарства вдребезги разбивали прямо на глазах? Ну вот, то самое...

- Что там было, Рутгер? Когда вы отказались выдать мертвые тела и допустить следственную комиссию, которая имела все мыслимые и немыслимые мандаты.

- Нота, - ответил он кратко.

- Да хоть целая симфония! Вы что-нибудь предприняли?

- Это не твое дело, а Леонарда и Совета Двадцати, шаманов и зарубежных землячеств.

- Нет, теперь это дело самое что ни на есть моё. Саму меня воровски перекинули через рубеж, Людмилу посвятили левой ногой за правым ухом, все ее мирные наработки поставили под угрозу - и не моё?

- Тали, послушай меня. У нас по всему миру диаспоры и союзники. Существует комиссия по делам малых народов в ООН. Акции Норильска выросли раз в двадцать..

- Какие - моральные или материальные?

- Всякие. Да ты пойми, наконец, никому не хочется начать великое противостояние с .. . практически с людьми, а продолжить с монстрами в нечеловеческом обличе!

- Так вот что ты лично мне в подарок преподнес - я уже монстр по твоей милости?

От реплики к реплике мы повышаем тон, пока от наших воплей не начинают звенеть стекла.

И вдруг из Людкиной палаты, где ее неусыпно сторожит Вивиан, доносится еле слышный голос: точь-в-точь скрип колодезного журавля.

- Мама, чао. Не песня, а пьеса. Скажи последние слова.

Я помню - то было наше любимое семейное чтение из старенькой «Иностранной литературы». Комедия «Чао!» - о том, как дочка миллионера и сын бедных родителей влюбились друг в друга и как чудаковатый папа дочки решил их поженить. Фишка была в том, что оба детеныша люто ненавидят буржуазность в лице брачного союза и в финале сторяча поливают друг друга отборной руганью. Далее следует примечательный диалог:

- Всё пропало. Вы слышите, что они говорят? - спрашивает дочкин папа.

И мудрая мама сына отвечает:

- Да. Они говорят: «Люблю тебя... Люблю тебя ... Люблю тебя...».

Статья 11

Обе **Стороны**, придавая большое значение культурному, торговому и научному сотрудничеству между ними, будут всемерно расширять и углублять сотрудничество и обмен опытом в этих областях. Также обе **Стороны** намерены расширять данное всестороннее сотрудничество между ними исключительно на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и наибольшего благоприятствования.

Статья 12

Настоящий договор будет действовать в течение пяти лет со дня вступления его в силу. Если ни одна из **Сторон** не заявит за один год до истечения указанного срока о своем желании прекратить действие договора, он будет оставаться в силе на следующие пять лет и так до тех пор, пока какая-либо из **Сторон** не сделает за один год до истечения текущего пятилетия письменного предупреждения о своем намерении прекратить его действие.

Статья 13

Настоящий договор подлежит ратификации и вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами, который будет произведен в г. Нарьян-Мар в возможно более короткий срок. Настоящий договор составлен в двух экземплярах, каждый на русском, английском и нганасанском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу.

Совершено в г. Москва 22 июня 2019 года, в день летнего солнцестояния.

Подтверждено и дополнено особым Приложением в г. Дудинка 22 июня 2022 года.

Приложение подписали:

со стороны Государства Российского.....XXX

со стороны заповедника в ранге автономии «Полуостров Таймыр»:

Мотюмяку, сын Сочупте из рода Турдагиных, народный художник РСФСР, народный мастер России;

Гончарова-Гейли Наталия Андреевна, пенсионерка, полноправный вайпер;

Попова-Амаду Людмила Николаевна, старший сотрудник СДО России, полноправный вайпер.

Примечание. Слово «вайпер» и «дракульская» датировка взяты из повести Кима Ньюмена «Замок в пустыне: Anno Dracula 1977», причем английский термин подвергнут переводу и так называемой народной этимологии (точнее - паронимическая аттракция) через английские же обозначения «подтирки» и «гадюки». Латинская дата приведена в точное соответствие с годом рождения Влада III Цепеша.

РАССКАЗЫ

Brat Prince & Михрютка

Раннее утро, еще темень полная. Я несую мочу на анализ во флакончике, другие свою телесную жидкость – в естественной, натуральной посуде. Я особенный сотрудник, оттого мне и поблажки идут особые: свои анализы сдаю не по полной программе. Без наличия самого предъявителя. Господи, да желтую жидкость нацедить можно от любого мало-мальски здорового пациента, как-то я нахулиганил – кота вахтершиного подоил. Она его постоянно с собою таскает на дежурства. Просекли мигом, зато два часа чистой радости.

Кроме регулярных проверок - наработки на медкнижку, - мы еще и у населения

кровь берем. И, натурально, у своих собственных страдников. Благо кабинеты смежные: с одной стороны «полуклиника», с другой «вошпиталь», как говорил мой денщик лет этак двести тому назад. То есть берут, разумеется, медсестры: колют пальчики, перевязывают локтевую вену резиновым жгутом, чтобы вспухло. Однако потом эта зараза вовсе не разливается по пробиркам, а прямым ходом идет ко мне через такой шланг с воронкой на одном конце и соской на другом. Я сижу за шторкой, изображаю из себя импортную машину для экспресс-анализа, на которую пожалели денег. И кормлюсь за компанию.

Жалоб на меня нет, ибо работник я отменный. Блюда себя, как любой дегустатор или парфюмер: не курю, не бухаю, не нюхаю. Как та экспресс-машина, по одной капле определяю весь букет хворей, в придачу еще отчет отстукиваю на этом... ноутбуке. С нечеловеческой скоростью.

Зимой хорошо, рассветает поздно. Летом и весной госпитальная лаборатория работает без меня, я отсыпаюсь в камерке медперсонала рядом с рентгеновским кабинетом. Идиоты, кто же отдыхает рядом с жестким излучением? Ответ: я. Это еще пристойно; по ночам меня выгоняют оттуда и устраивают прямо на том лежаке, куда смертных помещают не иначе как накрыв тяжелым фартуком из свинца. Понятно, вместе с неразлучным моим ноутбуком и порядочно остывшими пробирками дневного урожая, потому что работа есть работа, отчет хоть помри, а выдай на-гора.

А платят чистым, незамутненным покоем и какой ни то едишкой. Ну и одежда тоже чистая, рубаха, порты, халат, тапки, хирургические бахилы, все дела.

Ненавижу.

Вот они толпятся поутру перед тамбуром, ведущим в кабинеты кровеприемки. Тетка с животом, беременным десятью килограммами жира, явная диабетичка. Старые дамы с рожами разной степени изношенности. Юная толстуха в платье, которое на животе вздернуто настоящей и неприкрытой беременностью. Не средние века: быть может, это и романтично - выглядеть как на портрете супругов Арнольфини, но для этого фигурку надо иметь почти девичью, а то не младенец в чреве - одна грудь раскормлена. Старуха с волосами, крашенными пурпуром: в пурпуре явственно видны проплешины. Бабуля-мордovorот в старинных индийских бусах, которые нынче стоят гроши - аквамарины с большой дороги - но ценно умение держать фасон до победного. Ей я постараюсь вовсе не причинить боли, изымая кровь. (Не подумайте чего дурного, просто одна из моих напарниц наладилась попить кофейку, чтобы разогнать утренний сон, а я еще и гипнотизер отменный.) Снова женщина - копна; лишь маленькая изящная головка сверху копны выдает принадлежность к человеческому роду. Отчего-то мужички, изрядно потертые жизнью и насквозь пропитанные зеленым вином, не вызывают у меня таковой брезгливости: мои знакомые дворянчики еще и не так смотрелись в канун своей собачьей старости.

...Всех ненавижу.

Тускло освещенные коридоры с этими деревянными полосами, чтобы носилки не терлись по обоям (какие там обои - «оклеи» и «обмазы»!), продавленная уже после первого года мебель, вонючий линолеум вместо паркета. Амбре тухлой капусты и маринованного чеснока из столовой. Палаты с матрасами, на которых умерло уже не одно поколение страждущих: постельное белье меняют исправно, хотя трупяные запахи витают почти прежние. Ванна, куда смываются бактерии инфлюэнцы, чахотки, сухотки спинного мозга и синегнойной палочки. Про нужник я уж и не говорю, мне он без надобности, что радует несказанно.

...Всё ненавижу.

Врачи полагают, что за стенами госпиталя меня так и ждут мои бывшие соратники, страстно жаждущие расправиться с ренегатом. Сами стены, по всей видимости, защищены тем, что какой-то поп окропил их венчиком, смоченным в святой воде. Чушь: просто некому стало меня терроризировать (кошмарное новое словцо). Также медики искренне думают, что оказывают мне благодеяние.

Ну да, такое, что впору решиться наконец и сдохнуть. Это куда проще, чем пишут в книжках: огонь охватывает так быстро, что боли и почувствовать не успеешь, а медицинского спирта здесь достанет для всех нужд. Можно бы и внутрь принять, как делают здешние первопоселенцы, но будет слишком похоже на самоистязание.

Что же мне мешает, наконец, осуществить это?

Уже после полуночи, завершив урочные дела, иду в обход. Ночные сестры это знают, знают и зачем - и обращают на меня внимание не более, чем на докучливого замкового призрака. Даже взора сонного не поднимают.

Я слушаю пациентов. Своим провидческим талантом я похож на описанного в бесплатной газетке «Мой район» больничного кота, что завел привычку ложиться на ноги умирающим. Только я еще и освобождаю их от телесной жидкости, что потребна мне самому. Ну, не так точно - я бы обошелся тем малым, что дает мне легальная работа, но ненавижу смертную агонию. Я ее чую за версту и за своими свинцовыми стенками.

Надеюсь, Бог делает с каждой отнятой нами души резервную копию.

Что меня здесь все-таки держит так долго?

Узкий, сплошь застекленный коридор, предназначенный только для медиков и - изредка - сплошь накрытых тканью каталок, соединяет наш терапевтичеcko-хирургический корпус с раковым. Туда мне нет ходу, там я могу лишь подглядывать.

Потому что там одни дети.

Их везут сюда со всей страны в тупой надежде исправить неисправимое и отклонить рок. Мы удобно устроились, потому что наши специалисты могут дополнительно подработать на консультациях, а наши няньки - помочь в уборке. Добровольцы (их именуют модным словом «волонтеры») и священники там свои.

После отца Георгия я прекратил туда просачиваться и смотреть в щелку, даже подслушивать. Он мне почти нравился: был похож на меня тем, что умел вбирать в себя заразу, только я делаю это вместе с большим количеством крови, а он всухую, так сказать. И о своем уникальном таланте не подозревал нисколько - пока в конце концов не вобрал в себя уйму этой пакости и не помер от той же болезни, что и его малая паства.

Нет, туда я больше не ходок, да и надобности нет.

Этот паренек попадал в раковый центр уже трижды. Вначале его ставили на ноги в детском корпусе, а в четвертый раз приклатненный папаша выдрал для

него шикарный отдельный бокс по нашу сторону коридора, прямо в его начале. Сыну шестнадцать лет, как-никак. Переходный возраст: из отрочества во взрослость. Переходное пребывание - между местом надежды и обиталищем безысходности.

Ибо для него уже нет иного исхода, кроме смерти, и все это понимают, кроме его дикобразного отца. Не уверен, что отец его любит - просто жалеет расстаться с дорогим имуществом, на поддержание которого убухано столько бабок. С наследным принцем всего воровского отребья.

Сюда я хожу исключительно в сытом состоянии. Как они говорят, «хорошо нажратым». Они - это два тупоголовых богатыря косяка сажень в плечах, иначе - амбалов два на два, что дежурят перед дверью. За те деньги, что папаша им дает, он мог бы принанять десяток сиделок получше той, что только и умеет, что махаться с ними по очереди на черной лестнице. Вот и сейчас один на страже, другой в резерве. Я незаметно, как туман, проскальзываю в палату - вот мы и здесь, почтенные.

Сашка распростерт на ложе: под шелковым стеганым одеялом совсем плоско, профиль костяной, роскошные белокурые волосы раскинулись по всей подушке, фиалковые глаза полуприкрыты. «Белее лилий, тоньше горносталя», пропел бы сейчас король Анри Четвертый, заново переписав свою оду к прекрасной Габриэли (и - «последнее прости»).

Увидев меня, Сашка еле приподнимает голову, но радуется вполне громко:

- Михрютка! Вот молодец, что пробился. Вчерашний день пропустил, да?

- Прости, заспался, - смеюсь я почти без голоса. На самом деле просто не насытился как положено. - Скажи, как ты догадался, что я Михрютка?

- Выглядишь одно к одному, - улыбается он в ответ. - Волосы дыбом и чернющие, глаза как плошки с дегтем, на руках по три локтя, на ногах по четыре колена.

Это каждодневный ритуал. Хотя я и на самом деле похож на известного неуклюжего персонажа шестнадцатой (так?) полосы «Литературки», которую он мог застать разве в архивах Ленинской Библиотеки (зал периодики, отделение для школьников). Годы - не тетка.

- Ты съел свой ужин, шпингалет? - спрашиваю я, и этот анахронизм приводит его в такой буйный восторг, что приходится зажать ему рот ладонью.

- Не-а. Маруся ушла погулять. Там каша заморская, манная в тарелке на столе. Говорили, от самого Гурьева.

Я кормлю его с ложечки остывшими комками, что также превращается в ритуал. Называется «Голодным ты совсем невкусный». С такого месива поправишься, как же: изюм размокший, урюк с жесткими волосами, и ведь если по-доброму кулинарить, поверху такая карамельная корочка должна получиться. Ну это нам без надобности, такое Сашке уже не проглотить.

- Ну как, ты решился, Михрютка? - спрашивает он, облизывая нижнюю губу.

- А то я вообще истаю в шкилетину. И так во мне кровь не моя, а наполовину заёмная.

- Не дури. Тебе еще год остается по самым плохим прогнозам.

Вру. Нагло. Он понимает.

- Тогда расскажи сказочку.

Это тоже часть повседневного обихода. Но я вспоминаю для него не сказку, а быль, хотя и приукрашенную до неузнаваемости моим юношеским оптимизмом.

Птенцы гнезда Петрова. Ах, как хорош был я на капитанском мостике, брабантские кружева в блестках, шпага на перевязи, усыпанной мелкими алмазными розочками, пистолеты, такие неуклюжие, с колесным взводом курка! (Простите меня, если что-то перепутал: обеспамятел вконец.) А как блистал на ассамблеях! Пудренный парик до плеч - чаще я обходился своей пышной гривой, только подвигал ее крутым бараном и обсыпал то мукой, то мельчайшей белой глиной, но иногда стриг под корень ради накладных волос, выписанных из самого Парижа. А какие у меня были камзолы - с золотым шитьем, кованым кружевом, с бриллиантовыми пуговицами величиной с лесной орех! Трость с круглым резным набалдашником и трубка с крепчайшим кнастером в углу алого рта! На машкерадах я торжествовал в другом платье - иногда мужском, с такими короткими и задранными кверху фалдами, что напоминал самому себе танцорку, но по большей части - в тяжелой робе со шлепом, вздетой на кринолин. И ах, какие шутки были мною шучены! Как в меня были все влюблены - и кавалеры, и дамы, и мин херц, наш полудержавный властелин, и сам царь Петр, и царская блядка Анна Монс, и другая - Мария Гаментова! А уж персональный кубок Большого Орла был мне всегда их махальщиками предоставлен.

- Как ты неприлично говоришь, Михрютка: мама бы сказала, что ты для меня неподходящая компания.

Мама Сашки умерла незадолго до его болезни: лимфосаркома. Думаю, это у него наследственное.

- Ты про что? Ах, это словцо и производные от него были в таком ходу, что даже Антиох Кантемир употреблял их в своих сатирах ничтоже сумняшеся. Женки - б...ди, мужчины -б...ны.

- Ой, да перестань же!

Стенителен он до удивления: не понимаю, как в такой семье, где даже его младшие сестры...

- Так что, мне продолжать?

Художник Рокотов. Портрет неизвестного молодого человека. Треуголка, камзол тончайшего сукна, придворная шпага толщиной в вязальную спицу. Я описываю не парсуну, а оригинал. Такого, как я, тогда называли «хорошеньким мужчинкой», но без нынешней голубоватой окраски этих слов. И «..глаза как два обмана», влажно мерцающие, переменяющие настроение ежечасно и ежеминутно. Колдовские очи.

Тогда было много сражений - с турками, с немцем, со своими же холопами-пугачевцами, - и чистая кровь щедро лилась на землю. Эта иноземная шлюшка

кавалер д'Эон тоже как-то слишком тесно со мной сблизился. Но это я уже ему рассказывал.

Сашка слушает зачарованно. Ради одного этого я и тербрю старые раны.

- Гроза двенадцатого года... Ну, это долгая история, о ней как-нибудь позже. А потом настала новая эпоха. В чем-то более скудная, но и радостей было немало. Знаешь, эти хрестоматийные строфы тоже про меня:

Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

- Врешь! Это про Онегина, мы в школе заучивали!

- А сам Онегин-то кто?

- Русский денди, как учил нас Юрий Лотман!

Он такой умный, что даже не верится. Эльфийский корень сказался.

- Ну хорошо, не спорю. Это писано про моего друга Эжена. А вот сие про тебя, и не смей отнекиваться!

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушён был, как на бале.

.....

И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.

- Это не про меня, а про тебя самого! - мальчишка едва не подпрыгивает от азарта.

- Ну что ты, разве я такой изысканный? Вот, может быть, ехидный такой же - это да. Герой, между прочим, твой тезка: Сашка.

- Нет, твой, твой! Помнишь, как ты мне о своем рождении рассказывал? Что родился таким заросшим, какими бывают только шестимесячные внутри мамы, и что собаки в честь тебя концерт устроили?

И цитирует по памяти:

А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медвежонок.

- Ну, это Маёшка точно через край хватанул. Он там дальше сам признается, что у него было похожее рождение и что это у крестьян считалось большим счастьем - вроде как в сорочке родиться.

- Маёшка?

- Ну да. Три мушкетера: Монго, Маёшка и Михрютка. Алексей, Мишель и Алехан. Только я не попал в анналы.

- Ты... это... Заливаешь.

Словцо он спер у меня самого.

- Фи, как неприлично! - возвращаю ему его же реплику. - Надо говорить «Компостируешь мне мозги». Или, на худой конец, «Вешаешь лапшу на уши».

Снова взрыв тихого смеха. Я начинаю за него бояться - не иначе жилы порвет, там стенки совсем прозрачные. Но на сей раз я говорю правду. Не всю правду, конечно.

Я сам попросил Мишеля не представлять меня широкой публике. Он послушался, хотя был далеко не из таких. Это именно он привесил мне ту дурацкую кличку, что я теперь ношу: не потому, что я тогда был «стёпой-растрепой», как говорили много позднее. Просто по сравнению со Столыпным-юниор - вот уж кто был денди чистойшей воды! - мы с Мишелем смотрелись бледновато, а я не хотел ни в чем быть лучше Мишеля. Вот и не воспротивился «навешенному ярлыку». А припечатывать их он умел намертво! Это ж надо было назвать кавалеров любимой девицы кобелями - в то время, в ту эпоху и в той напыщенной среде!

- Ведь ты после той его дуэли так... ну, расстроился, - тихонько говорит Саша и гладит меня по волосам. - Что от Грушницкого не уберег. Кто жил и чувствовал, не может в душе не презирать людей...Да?

Я поправляю:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызет.

- Не надо, - он робко дотрагивается до моего плеча и снова падает на кровать. Наверное, он меня сейчас побаивается, несмотря на проведенный совместно час поэзии.

Кровь Мишеля тоже легла в землю, пропитала ее насквозь, и Монго стоял на коленях и плакал навзрыд, а дождь невозбранно мешался с той и другой влагой.

- Я... я, пошел, малыш. Спи крепко.
- До завтра, Михрик?
- До завтра, Сашок.

Завтра рано поутру снова сосание крови, стук ноутбука, комнатка с фоном, звоном и задернутыми темно-бордовыми шторами.

Я просыпаюсь оттого, что за стенкой вопят прямо-таки трубой иерихонской:

- Этот помойный выблядок, этот отморозок кровяной шастает, где хочет! Повсюду засветился радиоактивно! Уже и к моему сыну подбирается, падаль вековечная!

- Алехан же безвредный, - пытается оправдаться главврач. - И до сих пор приносил только пользу.

- Да куплю я вам эту грёбаную аппаратуру, биокардиочек называется! В ладонь размером - и не парься! На всех забугорных вокзалах стоят! Только чтоб его на этом свете...

- Это опасно, Роман Романович, - оправдывается кто-то.

- Фильтруй базар! То он вам теленок, то прям волчище. Вот мое последнее слово. Или вы с ним решаете вопрос до конца, как уж - дело ваше, или ждите, что на вас нехило наедут. И заодно на тех дохлятиков, что в обратном конце коридора. Тоже вам кормушка, верно?

Я уже рядом, но никто меня не видит - старый трюк, на который, однако, сейчас потребны все мои силы. Неправда, что солнце нас убивает, - это ведь не огонь, а та же радиация. Но вот чувствуешь себя примерно как человек при трех «же». Бревно бревном.

И тут я слышу тихое:

- Он же моей Альки первенец. Зеркало ее полное.

Это попадает мне уже в затылок. Я мчусь (ха!) по коридорам, на секунду прошмыгиваю в чистую перевязочную, где у меня заначка особого рода. И прямо к Сашке.

Не до церемоний. Кладу обоих стражей, няньку выношу за дверь. Хорошо, что мой паренек дремлет под капельницей, - жалюзи на окнах опущены, это для меня куда способнее тряпок.

- Сашка, - зову.

- Михрик... Пришел.

- Саш, у меня нет никакого времени. Уходить придется. Ты по-прежнему не боишься?

- Я же всегда хотел. Только ты мне все время сказки рассказывай, ладно?

Тем временем я выдергиваю из него иголки и отлепляю датчики. Дурачок мой, при *этом* же рот занят...

- Отец... он из-за меня побуянит и успокоится. Не так уж он меня любит. При маме - совсем не такой был. Веселый. Теперь одни деньги вместо куража.

- Ладно, - говорю я, - заговорю я тебе зубы, но не сказкой, а правдой. Ты меня кем, мужиком считаешь? А мы, Ночной Народ, на обе стороны поворачиваемся, такими уж созданы. (Тут я слегка плутую - мы просто неплодные отпрыски Гермеса и Афродиты.) Вот я хоть и юнец вечный с виду, но еще больше девушка, только тебе невдомек, потому что... и верно, прямым отребьем себя держу. Алексия, Алия, как мама твоя.

Он успокаивается, убаюкивается. Теперь он мой.

Вы когда-нибудь медитировали на то, как мы убиваем и как делаем себе подобных? Если взять всю кровь человека - значит убить, если соединить обе крови и перекачать из тела в тело означает сотворить себе подобного, то что получится, если вампир отдаст человеку всего себя, не трогая ни капли смертной крови?

Я приподнимаю Сашкину голову и прикладываю к своей округлой груди - той, что постоянно стягиваю нагрудником или бинтами.

- Пей и спи, мой мальчик.

Разумеется, из правого соска можно высосать только мечту, но ему пока того хватит. Высвободив из-под его спины левую руку, я вытягиваю наружу то, что припрятал (припрятала?): похожий на ножницы инструмент под названием «большой корнцанг». Вроде бы это им режут ребра при операциях на сердце.

Вампирам не бывает больно, я уже говорил, кажется. Не так больно, как мягкотелым. И раны у них зарубцовываются прямо по ходу дела. Если сравнительно небольшие, разумеется.

Ножницы обоими своими крючковатыми клювами входят мне под левое ребро, я расширяю рану. Оттуда сразу потоком идет кровь - не красная, а пурпурная, почти фиолетовая. Оживший герб Оранских - пеликан и его голодные птенцы, которых он кормит... вот именно так, как я.

- Теперь пей по-взаправдашнему. Пей кровь от сердца моего, сердце мое.

У них такие инстинктивно сосательные рефлексy, у этих людей - диву даешься. Теперь только чтобы сосуды ему не порвало по всему телу. Ну, это не так страшно - наш ихор быстро всасывается в молодую плоть.

«Глаза-фиалки моей любви, за вас моя жизнь пропала». Я умираю. Нет, неверно. Моих скудных знаний в микробиологии хватает, чтобы вернее понять происходящее. Мы ссыхаемся, мы делаемся до конца стерильны - мы, кто и вообще неспособен размножиться, теряем даже оттенок пола. И мы обращаемся в *спору*. Спора - о да, она может существовать практически вечно. До сих пор витают в воздухе, обитают в земле и даже в раскалённой лаве бактерии самого разного вида. Многие из них - бич Божий для рода людского. Чума ждёт своего часа, чтобы снова убивать крыс на улицах счастливого города. Черная оспа смеется над теми, кто даже вакцину от нее уничтожил. Анаэробы переменяют местами детрит с золотом. Как корни в промёрзшей земле потихоньку растут,

дожидаясь весны, так и споры улучшают свою смертоносную сущность, свою живительную сущность, выжидая.

Мы сторожим свой звездный час. В песке, пыли, во всяком бессмысленном соре. В земле, почти до предела напитанной братской смертной кровью. Я оставался последним, кто бодрствовал. Сашка будет другим, чем мы все: мы различаемся по своему отношению к жизни и морали так же сильно, как люди, но он - он, в отличие от прочих наших птенцов, сотворен из чистейшего материала. Ибо мне ничего не было нужно от мальчика: ни сытости, ни подчинения, ни благодарности, ни даже любви.

Я смеюсь в душе: упрямому быку достанется сынок, который будет гулять ночью сам по себе, как кошка, ничего не ест за жирным отцовским столом, никого... да, никого не убивать, даже если папочку прижмут так же крепко, как он грозился прижать нас. Он сильный, как все мы вместе взятые. Он - лучший результат возгонки моего иссохшего было втуне материнства.

Я сжимаюсь, впадаю сам в себя, иссыхаю, как русло пустынного ручейка, теряю чувства, память, речь...

Люди как же это выходит а вот это как получается странно люди я вас что всех поровну люблю?

Люций и Эребус

*Эреб избрал бы их для траурной упряжки,
Когда бы мог смирить их непокорный нрав.*

Шарль Бодлер. Кошки.

Пер. И. Лихачева (изменено)

Все знают, что Атлантида затонула.
Никто не ведает, в каких морях.
Немногие догадываются, что затонула она не вся.

И лишь один может точно сказать,
где она располагалась ранее и как
называют теперь тот клочок твердой
земли, что от нее остался.

Имя его - Люций.

Имя клочка земли - остров Лапута.

Потому что так назвал ее он сам,
когда его как бы ненароком заточили в
королевской усыпальнице, открытой
всем ледяным ветрам и всей ничем не

умягченной ярости солнца. Назвал куда раньше, чем это слово во сне пришло на ум некоему ирландцу по имени Джонатан Свифт.

Итак.

Вулкан Эребус - самый южный действующий вулкан на Земле. Высота его 3794 м. Он расположен в Антарктиде, на острове Росса, где имеется ещё три условно потухших вулкана. Однако эта условность вовсе не касается Эребуса.

Когда в 1841 году Эребус был открыт полярным исследователем сэром Джеймсом Кларком Россом, давшим свое имя его ледяному подножию, все вулканологи того раннего времени были удивлены наличием живого воплощения ада на земле в таких необыкновенно холодных местах. Они забыли, по всей видимости, что по некоторым земным представлениям ад четко ассоциируется именно со льдом. Чем далеко ходить, прочтите хотя бы у Данте в его «Божественной Комедии» описание девятого круга - самого низкого места в преисподней, где мучаются, вмерзшие в ледяной массив, предатели, где находится резиденция самого Сатаны и наиглавнейшего предателя христианского мира - Иуды, который навечно застрял в одной из трех непрестанно жующих сатанинских пастей.

Что до более традиционного, пламенного воплощения адского жерла, то оно здесь соседствовало с царством льда так явно, что первооткрыватели, не

сговариваясь, назвали его в честь Эреба, древнейшего из греческих богов, родившегося из Хаоса и слывшего владыкой античного ада. Именно - вулканом Эребусом.

Существует, однако, более примитивная версия: вулкан был назван так просто в честь одного из тех кораблей, на которых старинные полярники пустились в свой рискованный путь. Удивительно, с какой стати было давать судну такое имя - разве что это был один из первенцев пароходного кораблестроения, и в самом деле напоминавших людям дымную и чадную Пасть Адову.

В дальнейшем вулкан доказал людям, что вполне достоин своего грозного прозвания. Располагаясь на пересечении разломов земной коры, он по этой причине является одним из активнейших вулканов планеты, уступая в том разве что Везувию. Из разломов периодически происходят мощные выбросы глубинных газов, в том числе водорода и метана, которые, достигая стратосферы, разрушают озон. Минимальная толщина озонового слоя, а, значит, и самая беспощадная на земном шаре солнечная радиация наблюдаются именно над самим Эребусом.

В кратере Эребуса имеется уникальное лавовое озеро, сравнительно небольшое по размерам, но проявляющее редкую активность. Именно это до сих пор не позволяло ни альпинистам, ни вулканологам, вплоть до великого Гаруна Тазиева, даже подступить к озерной поверхности.

Прямо над тяжело кипящим озером, что то и дело посылает вверх каменные бомбы и раскаленные газовые сполохи из окружающих его фумарол, на вершине как бы упругой фонтанной струи неподвижно висит Лапута.

То, что никто из живущих ее не видит, - либо колдовство, либо судьба.

Лапута - маленький остров. Так бы начал, вослед царственному узнику Святой Елены, свое повествование и Люций. Если бы ему, разумеется, хотелось о чем-либо повествовать. Ибо Люций помнил куда больше, чем хотел забыть, а забыть не мог вообще ничего.

Когда-то, в времена могущества Атлантиды, на всей обширной Земле Богов росли деревья и трава, высились многобашенные города, мощные дамбы защищали пашни и гавани от ярости океана. По цепям мелких островов можно было достичь многих иных, чудесных земель - туда прибывали ученые, эмиссары и торговцы, послы и взиматели дани, оттуда везли причудливых зверей для увеселения народа и позже - чтобы размножить самых сильных и полезных из них, удивительные по красоте растения для садов и полей, сильных и умных рабов, чтобы свести их со свободными и дать гражданские права лучшим людям из их потомства. Сам Люций почти ни во что не вмешивался, только исподтишка давал советы старшим женщинам, когда они уж очень настаивали. А крови своих подданных не пил и подавно - нужды не было: одна и та же влага текла в любом земном плоде. Тогда Люция звали не так кратко, хотя и

не вполне на древний латинский манер, а уж римлянином он и вовсе не казался: светлые, почти белокурые волосы, нежно-золотая кожа, крылатый разлет бровей, темный огонь больших глаз, точеный профиль. Да и где были тогда сами эти римляне - еще в Разуме Разумов или уже в семени пока не раздавленных греками троянцев?

Уж ее-то он сохранил - редкую телесную красоту. И не только это.

В тот миг, когда внезапно дрогнул шар земной под его ногами, и накренилась земная ось, и воды нахлынули на обширный цветущий край, а он не сумел ни вознести мольбу, ни послать проклятие Высокому, на руках у него оказались двое удивительных животных, что прислали его эмиссары из земли Кемет. Он еще наполовину шутя сказал приближенным:

- Вот из кого надо бы им сотворить живых богов - но не из людей!

Теперь он думает, не по этой ли причине колыхнулась большая людская колыбель и переменялись полюса, по всему миру, погубив благодатные земли вместе с их народом. Но о своей остроте не жалеет нисколько - ведь такого коварного ответа на нее никто не мог угадать, даже он сам.

После катастрофы, что сорвала с места клочок плодородной вулканической почвы, плотно закрепленный на базальтовой основе, и подвесила ее между землей и небом, обе кошки остались в живых. Более того, они оказались разного пола. Маленькие, тонкокостные головки, большеглазые и длинноносые, с чуткими ушами и хищной пастью. Длинное, грациозное тело в тонком и плотном коричневатом меху. Воплощение изящества, по видимости несоизмеримого с силой. Смертные двойники самого Люция.

И они исправно плодились. В пропорции, которую потомки тогдашних людей называли бы геометрической.

Для небольшого островка - не более чем в сто скрупулов - это нагрузка почти непосильная, особенно если учесть изначально малое число съедобных грызунов и почти полное отсутствие зеленой растительности.

Это вынудило Люция вплотную заняться землеустроением: впрочем, такое было ему даже не в новинку.

На его счастье, в начале начал его нового мира была ночь, и тьма стояла над бездною. Полгода благой темноты.

Люций мог повелевать ветрами, как и прежде, - и они приносили ему всякое крылатое семя, и мясистый плод, полный зерен, - в каждом из них дремала юная жизнь, которой он оплодотворял тонкий слой почвы. Ветра нагоняли ради него и тучи, полные снега, который таял еще в воздухе и питал землю теплой влагой.

Он мог умерять сокровенный жар земли, смягченный каменным щитом, и запастись ему в глубоких подземных норах так же точно, как смертные сохраняли живой огонь под слоем мха или торфа. Этот жар всегда был на его стороне - и теперь круглый год, независимо от состояния небесных светил, обволакивал островок теплой воздушной завесой.

Он мог разговаривать с Луной, владычицей вод и ледяных полей.

И еще он мог эти полгода совсем не спать.

Когда через полгода на его милую Лапуту обрушился нагой солнечный свет, это мгновенно погрузило Люция в привычное дневное оцепенение, и спасли его лишь два обстоятельства.

От своих чужедальных посланцев он знал, как происходила такая перемена светил в прежних осевых местах Земли, и загодя построил себе неглубокое укрытие - ту же нору, но с чистым, плотно утрамбованным глиною полом, стенами, выложенными базальтовой плиткой, и хорошо укрепленным сводом.

И когда сам он, пошатываясь он невидимого и неосязаемого пламени, разъедающего кости, проник в свою землянку - слишком низко, чтобы выжить! - благодарная земля обратила в семя его самого.

На следующую полярную ночь Люций обнаружил, что травы и злаки за долгий день поднялись ему по пояс, юные деревца - по шею, палый лист повсеместно укрыл землю и поникшие стебли на толщину его ладони, мелкая живность понатаскала в свои земляные дома всякого неплодного сора и улеглась поверх него зимовать, а все самочки, которые народились у священных прародителей, уже неделю как понесли от юных самцов. И удивился скороспелости своего мира.

С тех пор так и шло. Больших, ветвистых стволов Люций не мог вырастить даже на постепенно растущем слое живой земли, но с кустарниками и карликовыми деревцами управлялся вполне успешно. Даже устроил себе - сначала хижину поверх старого подвала, затем изящный домик из тонких бревен, ровно обтесанных ножом из вулканического стекла и примотанных друг к другу лубяными полосками. В домике постепенно появлялись вещи, которые служили хозяину не столько своей полезностью, сколько своей красотой, а вокруг жилища - деревца, не приносящие иного плода, кроме тех, что для души, и цветы, лучше которых он не видел даже в дневных мечтаниях. Чудесным образом они сохранялись даже в полугодовой ночи как бы нетленными, чтобы с первым лучом солнца произрасти - ни для чьих глаз.

Одежду себе Люций соорудил не сразу, а лишь когда прежняя совсем истлела. Выточить веретено со сменными донцами и пару деревянных спиц оказалось куда легче, чем соорудить ткацкий стан. Неумело ковыряя палочками в полотне из грубой льняной пряжи, Люций утешал себя тем, что вязание, в отличие от ткачества, - по происхождению мужское и даже воинское ремесло. Только мужи имели право изготавливать сакральные и защитные одеяния. Так что его длинная некрашенная хламида - облачение жреца-первосвященника, и никак не менее...

Кошки составляли единственную проблему затворника Лапуты: они умирали медленнее, чем плодились, а Люций не хотел быть к ним несправедливым. Однако ему пришлось в голову, что если брать от них часть их алого звериного начала, то плодовитость их понизится без всякой печали для

самых животных. Для его существования этот обряд никогда не был необходим, но способствовал немалому приращению телесной силы.

Павших котов и кошек он вначале хоронил в землю, позже стал соблюдать некую церемонию: завернув в тонкое полотно и подвесив к прочной нити, опускал тельце с островного края в лаву, наблюдая, как огонь охватывал оболочку уже на полпути к месту упокоения.

В спору он уже не обращался, это оказалось крайней мерой. Теперь он мог, погрузившись на самое дно своего жилища и укрыв себя толстой циновкой, сплетенной из рисовой соломы, видеть вещие сны, в которых перед ним простиралось всё знание возрожденного и такого многоликого мира.

Так шло год за годом, столетие за столетием, счет шел уже на тысячи, а Люций не старел, и сонная тоска его не брала, и скука не нарушала его бодрствования. По временам гнев овладевал его духом - к чему было Сущему губить его малое теплое гнездо посреди такой большой и холодной Вселенной! А еще совсем изредка невнятная печаль охватывала его темным покровом - печаль по чему-то несбыточному и не изведанному им даже в те щедрые века, когда он был властелином перворожденного мира.

Однако настала ночь, когда всё переменялось самым парадоксальным образом.

Проснувшись с первыми лучами ночного светила, Люций отправился на очередную ревизию своих владений. Как ни странно, ему не нравилось озирать всё в одно мгновение - он предпочитал как бы прочитывать территорию медленно, знак за знаком, слово за словом. Первое, что бросилось ему в глаза, - почти полное отсутствие взрослых кошек. Проследив по запаху их расположение, он двинулся туда широкой походкой - и вот!

Посреди обширного кошачьего стана возвышалось нечто совершенно невообразимое. Тканевый купол пронзительно зеленого цвета на дугах и растяжках. **Утепленная туристическая палатка** из породы экстремальных.

Люций, стараясь двигаться как можно тише и не дышать (совсем нетрудно, ведь это было заложено в его природе) подошел ко входу, затянутому перепонкой, и с некоторой робостью отстегнул ее.

Внутри под тонким **пледом** прямо на полу дремал человек. Молодой и, насколько можно было судить по тем отрывочным сведениям, которые Люций улавливал во время магического сна, **европеец** или, скорее, **евразиец**. Родной язык юноши стал тотчас же внятн Люцию, однако лишь из самого поверхностного слоя мыслей. Странно, как он прикрыт, подумал тот. В мое царское время люди того не умели.

Спал пришлец крайне чутко, но встретился глазами с хозяином без малейшего признака тревоги. Даже чуть улыбнулся, кажется.

«Да. Он-то ждал, а я - нет. нисколько», - мелькнуло в уме и глазах Люция.

- Как ты сюда пришел, чужак? - проговорил он тем своим голосом, что, по словам льстецов, был «громче звенящей бронзы».

Юноша приподнялся, потом встал, придерживаясь за боковую распорку палатки - слегка неуклюже.

- Сначала - простите за неуместный визит. А затем - если вы мне скажете, нарочно вы стали невидимкой или это.. ну... побочный эффект отторжения, я смогу ответить вам так, чтобы вы полностью удовлетворились.

- Я обязан тебе докладывать? (Жесткие черные лохмы волос, узковатые карие глаза на сливочной коже с солнечными крапинами, которые вроде как стянули на себя весь его загар, отмечал про себя Люций)

- Нет, конечно. Правда, я и вообще не ожидал такой удачи. Что проснусь.

- Объяснись.

- Конечно. Только вы, будьте так добреньки, хоть слово в ответ.

Он поневоле начинал уже нравиться - своим... *гонором*.

- Ну, я не желал ни того, что случилось, ни того, как это случилось, если тебе это хоть чем-нибудь поможет.

Юнец кивнул и потуже запахнул ворот куртёнки на шее, будто озяб.

- Ваш летучий островок никто из людей напрочь не видит, а я искал. Сам не знаю что - проблески, что-то вроде цветных спектров, миражей... Вы понимаете эти слова?

Люций кивнул.

- Я еще с детства искал что-то вроде того айс... ледяной горы, на которую наскочил плавучий корабль по имени «Титаник». Особенно после того, как лет тридцать назад в склон вашего вулкана врезался летучий корабль новозеландцев. Там еще двести пятьдесят семь человек расшиблось.

- Не мешай сказочные термины со своим молодежным аргом, - сухо ответил Люций. - Я гораздо умнее, чем ты полагаешь. И крушение аэробуса чувствовал всем телом - тогда я еще спал не так крепко. На утреннем небе незадолго до того шла удивительно красивая игра света. Столбы, круги, мерцания - они никогда не предвещали доброго. Говори далее!

- Ну, меня навели. Мои... знакомые. Словом, мы сначала сделали то, до чего никто не додумался, - поставили прямо над лавой вертолет и спустили туда метров двести троса с вольфрамовой нитью. Трос прошел без задержки и в самом низу расплавился.

- То есть меня с моим островком попросту нет.

- Когда я вас не вижу - да.

- Кажется, у вас, людей, это именуется «субъективный идеализм» и «берклианство».

- Не в том дело. Я понял, что барьер между вами и миром - временный. Ох нет, простите: временной. Расхождение примерно в ноль целых, ноль две тысячных секунды. И разорвать его можно лишь тому, кто к течению часов

безразличен. И лишь в тот момент, когда он в самом деле безразличен. Если я вижу - и когда я вижу...

- Хватит, я понял. А как ты забрался на высоту?

- Взлетел, - коротко пожал плечами юнец. - Кажется, у вас, созданий ночи, это называется «левитация».

Теперь он стоял в воротах своего утлого жилища, занимая весь проем.

Щуплый, росточком едва по плечо хозяину, но имеющий такой вид, будто для него исполнилось самое заветное.

- Мне теперь придется много вам объяснять. Ну, то есть, если в первые же минуты вы меня ...

- Не мямли. Если ты, по счастливой случайности, останешься мною нетронут. *Это* ты хотел сказать?

- Да. Для того я и подобрался не к самой границе ночи, а на пару суток ее раньше. Посмотреть, как и что. Только вот ваших котов не учел.

- Сильно подрали? - осведомился Люций, уже почти смеясь в душе.

- Нет. У меня запасная сменка была. Я не думал, что у вас тут такие тропики. Палатку еще взял, зимний спальник и одеяло - хотел перемогнуться. А вот еды у меня почти не было.

- И как ты от одного этого не помер за время осадного сидения, - Люций всё более проникался абсурдом ситуации.

- Мыши выручили. Я от них котов отвел, а потом они меня в свои закрома пустили. Кашу варил на костре.

- Угу. В ладонях.

- Зачем? Котелок у меня тоже имеется. И термокружка.

Тут до парня дошло, что кое-что неладно в их задушевной беседе:

- Ой, через порог толковать - плохая примета и неуважение. Я мог бы вас к себе пригласить, но... вам же на пороге кланяться придется.

- Долго тебе еще?

- Это как сказать. И о чем.

- Тогда пойдем ко мне. Я - Люций.

- Знаю. А мое прозвание - Владислав Кугаевских. Слава.

- Поляк, что ли?

- Скорее якут и сибиряк. Мама моя за потомка польских ссыльных вышла. Русские цари в девятнадцатом веке весь полюс холода набили разгромленными повстанцами. Знаменитый словарь якутского языка Пекарского - слышали? Тоже «еще Польша нэ згинела».

Тем временем они неторопливо шли по направлению к дому. Слава озирался вокруг, по временам издавая тихие восхищенные вопли:

- Как чудесно: икэбаны эти из бутонов и ветвей раkitника. Бонсаи прямо в открытой земле! Гранитные валуны среди подушек мха! И острая кость земли, что рвет цветущую ткань жизни.

- Ты напрасно тратишь на меня свою лесть. Ваши человеческие сады и парки куда богаче - я видел их образы.

- Я не лъщу, что вы! В земных садах бывает очень нарядно, очень изысканно или изящно и вместе с тем просто, но здесь сама природа по своей воле творит красоту и гармонию. Вы ведь только что проспали полгода, а ничто не нарушено. Правда же...мессер Люций?

Дошли, устроились на низком пороге.

- Едой и питьем я тебя угощать не стану, - сухо заметил Люций. - Сам не ем и другим не даю.

- Понимаю, - кивнул Слава.

- Ты понимаешь и видишь слишком уж много. Что среди ночи, что среди бела дня, как говорится. И как давно ты, такой чистый мальчик, с вампирами якшаешься?

- Не очень, - спокойно ответил юноша. - С первого курса Московского геологоразведочного. Мы с моим земляком...

Он глубоко вздохнул.

- У Валерия сразу завелась девочка из Ленинского Педагогического. В чужие общежития нашему брату ходу после двадцати двух ноль ноль не было, так они по Усачевке гуляли, по кривым переулкам Малой и Большой Пироговок, около больниц, моргов, заводов и старого троллейбусного депо, его года три назад еще до основания разрыли. Глухая кирпичная стена в три, что ли, метра высотой, человек ее и не перепрыгнет. И вот там на них весной два местных кровососа наскочили. Его только одурманили, чтобы столбом стоял, а ее... в общем, извращенно высосали у него на глазах. Просто на клочки порвали. И удрали с первым рассветным лучом.

- Вам захотелось отомстить?

- Ему. Я попробовал сначала заявить в милицию - как о людях, конечно.

- Не поверил дружку-то?

- Не знаю. У Вальки голова всю жизнь была светлая. Что-то он точно еще раньше знал, и верно... В тот день прибежал в общагу совсем без ума, еле уняли его. А когда поуспокоился, я ему и говорю: погоди днем рыскать и колом размахивать, а ночью с канистрой подстерегать. Хоть до следующего дня погоди.

- И утром...

- Мы прямо на первом этаже обитали, внизу. Ровно в четыре утра, еще только рассветать начало, - хорошая горсть песка в окно. Мы выскочили, как ошпаренные, мимо спящей вахтерши в палисадник, а там...

Слава нервно сглотнул.

- Один из *этих*, голый и крепко связан чем-то вроде волосяного аркана, какими у нас на празднике Ысях лошадей в табуне ловят. И тут как раз солнце, робкое такое. Вмиг сторел на наших глазах и мелкой трухой рассыпался.

На вторую ночь... Словом, всё то же самое, только другой был в одежде и грязи побольше, стало быть. Валька и говорит: «Мне не смерть этих говнюков

была нужна, а чтобы моей Свете жить. Уеду отсюда сразу, как билет куплю, а пока во двор ни ногой!»

- Наелся до отвала, значит, - раздумчиво заметил Люций. - А ты сам?

- А я понял, что это еще не всё. На следующее утро вообще в комнату не пришел, всю ночь сторожил в сквере напротив. Часа в два появляется такой... Светлый. Тихий, как тень. Ну, что я это вам говорю! Опускает прямо на то самое место табличку: «Вендетта исчерпала себя. Теперь это только наши проблемы». И глядит прямо на меня своими алыми гляделками, только угол бледного рта чуть дергается вроде как в усмешке. Я как прочел - сразу пошел за ним. Не раздумывая.

- Верю, - ответил Люций.

Толстая беременная кошка подошла к ним, тихо мяукая. Юноша рассеянно почесал ей за ухом, погладил тугое пузо.

- Что дальше - не так важно. Видите ли, они сразу мне зачли, что уберет товарища от всяких там обоюдно острых глупостей. Сходиться близко - ну нет, упаси от того обе наших стороны, и их, и лично меня. Они меня вроде как премировали по-всякому: роскошная полевая практика на Алтае, Южном Сахалине и Курилах, поездки в забугорье на стажировку, альпинистские туры, заповедные места по всему миру. Учили, не без того. Но не в крови. Просто кой-чему хорошо забытому человечеством.

- Например, вертикальной стометровке с полной альпинистской выкладкой за плечами, - съязвил Люций.

- Думаете, если эта вертикаль не воздушная, а каменная, то намного легче? - спросил его собеседник.

- Так, значит, вампирское сообщество города Москвы всего лишь устраивало тебе познавательные экскурсии.

- Нет. Скоро я понял, что придется платить. По моей доброй воле, как они мне сказали. Их Высшие, я имею в виду.

Юноша поднялся с места, глянул вверх. Звезды звенели в такт его словам, как ледяные колокольцы, луна била в огромный серебряный бубен, когда он начал говорить снова.

- Все мы видим, что природа прошла ту критическую точку, когда она может восстановить сама себя в пригодном для человека виде, и знаем, что теперь сможем лишь тянуть время. Ох, уж это они мне доподлинно показали! Как никому из смертных. И еще показали, как природа умеет сопротивляться. Ей ведь всё равно, может жить на ней человек или нет; она сумеет низвести саму себя до уровня живого студня и вновь зачать от молнии...

Наводнения, ураганы, опустошающие целое побережье, взрывы вулканов мощностью в триллионы тонн тротила и трясения земли, что срывают с подножия целый континент, - это еще вроде как мальчишка из соседней комнаты тебе кулаком погрозил. А когда некто под видом чужака привольно

устраивается в тебе самом и начинает управлять твоими помыслами, да так, что ты принимаешь это за самое естественное твое свойство?

- Ты что, имеешь в виду врага рода человеческого? - с подозрением и легкой неприязнью спросил Люций.

- Нет, самого человека. Ту его часть, которая неистребимо природна и благодаря которой природа способна им командовать.

- Вы истребляете эту природу в себе как дурную. Укрощаете - и думаете, что правы.

- Нам говорят так. Если рука соблазняет тебя, лучше отрежь ее, чем попасть в ад. Но ведь еще лучше вылечить ее от гангрены, правда? Если мы гибнем от встроенной в человека «деструктивной» или даже «конструктивной» агрессии, то ведь должно быть средство попросить саму природу ее укротить, а не стараться убить нас нашими же руками. Окоротить не самого зарвавшегося хама, а его темперамент. Если в самой природе уже стерся записанный в ней верный путь, то нужно отыскать того, кто помнит запись или сумеет ее заново прочитать.

- Древние боги все это умели, - медленно проговорил Люций. - Говорить, лечить, писать пером на чистом листе. Низвергнутые древние боги.

- Опозоренные древние боги, - повторил юноша. - Вампиры уверяли меня в том, что сами они - это осколки величественной древней аристократии, скажем так. Приближенные Царя и потомки приближенных Владыки.

- И еще в том, что они могут не пить крови, - продолжил Люций. - Хотя потребность в ней всегда остается.

- Да. Потому что существование не равно жизни. Полноценной жизни. Кровь человека еще несет в себе часть великого прямого пути, а вампирская кровь - уже нет. Поэтому каждый из Высоких или просто Старых пытается выкупить себя в одиночку. Вести праведный образ жизни, преодолеть соблазны, убивать одних только негодяев, повсеместно творить добро и красоту, питать юношей науками, выдавливать из себя дракона по капле и так далее...

Да, а когда я спросил: как глубоко простирается трещина между человеком и несущей его малой вселенной, они ответили мне: с Адама. Потому что он нарушил завет не столько с Богом-Отцом, сколько с Великой Матерью.

- Ничего нового, - заметил Люций. - Это известная ересь.

- А когда я спросил, в чем слабость ночного народа, они сказали, что их царь был равен богу, а сейчас - всего лишь человеку.

- Кажется, драгоценная наша Аннушка Райс попала... как это? в струю, когда отыскала вампирам прародителя в лице египетской живой богини, - Люций жесткостью своей интонации поставил точку в их обоюдной нескончаемой фразе.

- Вы умеете и такие мелочи прочесть в наших головах? - с удивлением спросил юноша.

- Да, но только не в твоей. Снова вампирская выучка?

Владислав промолчал.

- Когда смотришь отсюда вниз на этот гигантский ледяной щит, - заговорил он снова, - кажется, что больше ничего на земле и не существует. Царство застывшего величия. Глубокая синева и серебро. Знаете, почему альпинисты рискуют покорять снежные и ледяные вершины в одиночку? Там, на самой высшей крутизне, в миг наибольшего риска и слепящего сияния, каждый из них на короткое время смотрит в лицо Единого. И пред лицом этого прекрасного видения меркнут все наши теологические споры.

- А когда тебя окружает уютная рукотворная вселенная, созданная твоими руками и твоим собственным даром, этакий крошечный огонек посреди ледяного молчания, - подхватил Люций, - это ведь может оказаться дороже всего мирового господства... Пойдем, выюнош, сам я не евши живу, но для тебя уж найду кое-что на зуб положить. И куда как получше зерновой смеси.

Они уютно устроились на циновках посреди желтоватых, как ночное солнышко, стен и пили густой суп из чего-то вроде крупно смолотого проса, пряных трав и некоего подобия грибов, налитый в глубокие плошки из неровно обожженной и небрежно глазурованной глины. Слава, как и прежде, восхищался изысканной простотой здешних нравов. «Япония одно к одному», «Ваби, саби и далее по списку» невнятно раздавалось между звучными глотками и стуком деревянной ложки о дно.

- Ты уж прости, - говорил ему Люций, - что нет мяса. Я не могу тебя кормить своими соратниками, а одной с ними пищей - получится и неблагодарно, и него-степриимно.

- Да всё путем, - отмахивался рукой юноша. - Мне мясо не требуется - ни мышинное, ни какое еще. Одной красотой могу прожить сколько-нисколько, а тут, у вас, самое главное ее средоточие. Меры, изящества и гармонии. Вкуса и запаха, цвета и света.

Свет исходил из множества плоских блюдец с фитилями, опущенными в растительное масло, запах - от сухих, необыкновенно ярких цветов розы, лаванды и табака, от самых различных ароматических трав, что оплетали кругом темные, причудливо изогнутые ветви, любовно выскобленные обсидиановым стеклышком.

Люций не спорил: он сам в глубине души понимал это.

- Тогда что же ваш народ говорит, что якут без мяса - не якут? - улыбнулся он.

- Еще мы говорим так. Якут не умеет жить без железного кюяга, душа истого сармата в его карабеле, а у бедного иудея только и есть, что его хуцпа, - ответил Слава. - Знаете это присловье?

- Якут - природенный воин, он перенял от монголов легкий и гибкий плетеный доспех с продетыми в ремни бляхами. Польский шляхтич пуце жизни дорожит своей саблей. А что такое хуцпа?

- Это когда тощенький робкий еврей идет через весь зал, чтобы пригласить на танец самую красивую девушку в городе, и не смотрит на то, что вокруг нее стоят сплошные славянские комоды. И в самом деле с ней танцует.

- А бьют его за это?

- Как ни удивительно, почти нет. До танца - и вообще никогда.

Юноша отставил чашку и снова вздохнул.

- Давайте поговорим без обиняков, мессер. Девать вам меня некуда. Тридцать соток дачной земли меня, может быть, и прокормили бы летом, но зимой только и остается, что с вашими сотрудниками мышковать. Так что на выбор: или вы меня опускаете вниз, как мертвую кошку, либо через полгода выставляете то, что останется, на здешнее солнышко, жесткое, как урановая щетка, либо... либо вы от всего меня пьете.

- Чего ты, сволочь этакая, с самого начала и добивался, - ответил Люций самым ровным тоном. - Зачем?

- Животные и растения вашего малого мира постепенно приспособились к здешней нехилой радиации и процветают, - ответил Владислав. - Им это было просто, они солнечники. А вот вас самого она как цепями сковала и постепенно забирает всё больше силы. Так думают Старшие и так вижу я. И сила, и освобождение ваше могут прийти только от смертного человека. Не от подчиненного вам кровопийцы, а от того, кто в проекте равен самому Высокому и Великому.

- Кажется, я дал тебе понять, что не хочу ни свободы, ни царства.

- Ни ответственности за жизнь микрокосма в макрокосме, - четко продолжил юноша. - Я еще не сказал достойных слов о вашем карманном творении. Это поистине живое семя, в котором свернуто пружиной всё бытие.

- Сдается мне, - раздельно сказал Люций, - что мои бывшие лорды тебя крепко обучили.

- Так говорится в Благородном Коране, в суре «Преграды» - медленно произнес Владислав.

«Мы создали вас, потом придали вам форму, потом сказали ангелам: «Поклонитесь Адаму!» - и поклонились они, кроме Иблиса; он не был из поклонившихся.

Он сказал: «Что удержало тебя от того, чтобы поклониться, раз Я приказал тебе?» Он сказал: «Я - лучше его: Ты создал меня из огня, а его создал из глины».

Сказал Он: «Низвергнись отсюда; не годится тебе превозноситься там! Выходи же: ты - среди оказавшихся ничтожными!»

Он сказал: «Дай мне отсрочку до дня, когда они будут воскрешены».

Он сказал: «Ты - среди получивших отсрочку».

Он сказал: «За то, что ты сбил меня, я засяду против них в Твоем Прямом пути,

Потом я приду к ним и спереди, и сзади, и справа, и слева, и Ты не найдешь большинства из них благодарными».

- Это правда? - спросил Владислав, перестав читать наизусть.

- Поэтическая, - угрюмо ответил Люций. - Я не хотел кланяться тому, что еще не выросло.

- Ну, знаете, до выросшего, бывает, еще и тянуться приходится! - рассмеялся Владислав.

- Но меня, собственно, и не наказали. Потому что не один я - все вестники в один голос говорили, что человек, созданный из той же материи, что и всё живое, не сумеет исполнить залога, который так опрометчиво взвалил на себя. Что на одном чистом божественном духе он не удержится и тем более не сумеет отдать его земле, небесам и горам. Просто один я ответил на вызов и спустился вниз, чтобы вложить в брэнную глину свой бессмертный телесный огонь.

- Древние говорили, чтобы я сам начал разговор, - ответил Владислав, - а то вы первым нипочем не скажете. Это же не в наказание вам самому началось то содрогание осей и потоп вселенского масштаба?

- Нет. Хотя кто может угадать мысли Творца? Я думаю, что это смертные взвалили на хребет верблюда некую последнюю соломинку. Неважно ни для кого, какую. И не в первый раз, кстати.

- А теперь совсем рядом последний «раз». Даже ученые согласны с тем, что истинное творение пришло в упадок и человечеству остается лишь худо-бедно тормозить на склоне. Растения вырождаются, звери и скоты уязвляются в разуме, люди подвержены вспышкам неконтролируемой ярости и прочим душевным и телесным недугам. А ваши условно бессмертные слуги уже давно работают пугалами для половозрелых детишек.

- Что я могу поделать?

- Изображая из себя благодушного Робинзона - ровным счетом ничего.

- Ты искушаешь искусителя, Пятница.

- Я не назову вас Сатаной-искусителем, потому что вы правы - искуситель здесь я сам. Не назову и Диаболом, разделителем, хотя по своеволию своему вы разделяете оба мира - низкого разума и высокого разума. Я верну вам прежнее имя - Денница, Сын Зари. Люцифер.

Оба встали и выпрямились друг против друга, взявшись за руки: ледяные - у падшего ангела, горячие и трепетные - у человека.

- Ты бросаешь мне вызов, сын Адама.

- Так прими его, бессмертный.

- Ты полагаешь, одной твоей красной жидкости хватит, чтобы меня поднять?

- Не знаю. Только я нарочно встал на перекрестке, в перекрестье. Во главе угла, как закладной камень в фундаменте. Так что, надеюсь, моей крови тебе будет достаточно.

- Ну, тогда поговорим. Склонности к суициду ты за собой не наблюдал?

- Что это такое... А, понимаю. Не знаю, правда.

- Почему это?

- Для меня просто нет такого понятия - смерть. Такой особенный способ жизни, что ли.

- Было что-то в мире смертных для тебя особенно дорогое? Родители...

- Умерли оба. Как говорят в Библии, насытившись днями.

- Жена... Любимая девушка.

- Я их отпустил, не причинив им никакой беды или ущерба.

- Те, которых ты обязан оберегать...

- Конечно. Это мои знакомцы иной крови. А больше никому я ничем не должен - так уж вышло.

- Утехи и богатства, признание, почитание и любовь, знания, запечатленные на бумаге и на этих ваших новомодных... носителях.

- Не изображайте из себя глупца - не поможет.

- Красота ближнего мира, ради которой ты идешь на...

- Я никогда не смог бы исчерпать ее до конца, потому что она близка к тому, чтобы самой себя исчерпать.

Люцифер улыбнулся - очень ясной и какой-то совсем простой улыбкой.

- Твоей жертвенной крови, мальчик... Такой чистой крови мне достаточно одной капли.

И нежно поцеловал юношу в запястье.

...Сфинксы ведь почти всегда изображаются с крыльями, - азартно говорил Люцифер, слегка щурясь на полуденное солнце. Очки из непрозрачных каменных пластинок с вертикальными прорезями, наработка одной из малых северных народностей, были ему пока в новинку. - Ты ведь не подумал о том, что кое-какие анатомические детали могут иметь, скажем так, двойной уровень невидимости? И мутации здешние - это прямо невиданное диво какое-то.

- А зачем мне было вообще о том думать? - Владислав переложил сплетенные из конопляных вожжи из руки в руку - для большего удобства - и сплюнул прямо в простертое далеко внизу огненное озеро. - Мне просто ваши египетские друзья сразу по душе пришлись. Я легко с ними общий язык нахожу - с той поры, как прочел моим кошкам те стихи Бодлера, которые он посвятил персонально им.

- Всё спросить тебя забываю, уж очень бурно прошли последние полгода. Сколько тебе лет по-взаправдашнему? Те институтские дела начались лет по крайней мере пятьдесят назад. Теперь еще твое личное знакомство с поэтом девятнадцатого века...

- Не меня - моих любимцев. Кошки иногда живут долго, почти как черепахи или там орлы.

- Ты мне от ответа не увиливай!

Владислав пожимает плечами:

- Я ведь сразу сказал, что время для меня не играет такой роли, как для прочих. Я ведь не раб по природе своей, точно так же, как и ваши четвероногие боги и богини.

- Ты что, разве не человек? Я уж думал, за давностью времен чутье мне отказало.

- Фи-фай-фо-фам, дух британца чую там... Да нет, человек я. Всамделишный. Настоящий и без подделок. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

- Да?

- И одно из них, самое главное: иногда мне удается переправить минус на плюс. Как говорится, это легче противоположного действия - ничего не приходится стирать, лишь бы карандашик был какой надо.

Разговаривая, оба проверяли ремни безопасности, которые удерживали их на облучке громоздкого экипажа.

- Ну что, отправились в дорогу или сначала снеговую корку растопим? - спросил Люцифер. - И так еле держится из-за местных вулканов. Вон, перешеек один растопился, еще одна большая ледышка готовится выйти в дрейф.

- Всё-то вы, мессир, о конце света хлопчете! Одного потопа вам мало? Подождем, однако, пока здешние постояльцы до нефти не доберутся или до всяких полезных ископаемых, а там и припугнуть чуток будет нелишне. Чтобы твердь не очень буравили, а то ведь вся планета Земля стала как сырная корка. Перед Ним Самим стыдно.

На этих словах Владислав тряхнул вожжами, лихо свистнул и крикнул:

- Эй, залётные!

И упряжка из восьми огромных крылатых котов с почти человеческим выражением на мордах слегка напряглась, чтобы сдвинуть остров Лапуту с угретога места, а потом стройно двинулась вперед, ввысь, заложила крутой вираж над Эребусом и понеслась в направлении к экватору, всё убыстряя ход и попутно роняя на зеленеющую гряду Трэмвэй пышные охапки ярких весенних цветов.

Фауста и черный пудель

Я, отец Альбертас Дуремарус из славного города Бремена, бывший секретарь Святейшего Трибунала, блюдущего веру и огнем выжигающего неверие, пред лицом новой Чрезвычайной Триады инквизиторов, состоящей из отцов наших Пьера Арльского, Пинусадель Карловичи и Каролуса фон Буртсгофф, свидетельствую о том, что произошло здесь, в этой палате, ровно неделю назад. И клянусь именем Господа нашего Иисуса Христа, что, отвечая на вопросы Священного Судилища, буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. А потом делайте со мной всё, что захотите.

Да, почтенные отцы именем Петер фон Карабас из ордена св. Франциска и Пауль фон Барабас из ордена св. Доминика были призваны местным магистратом и епископатом, чтобы судить простолоудинку и бобылку по прозвищу Фауста, или иначе Фаустина, которая

была обвинена достоверным свидетелем в том, что она - особо зловредная ведьма, а сие заключается прежде всего в том, что, невзирая на преклонные лета, она Фауста ни разу не была замужем, а также в том, что ей хорошо удаются всякие излечения, и в том, что в ее доме всё время околачиваются всевозможные скоты и звери, которых она лечит и обихаживает наравне с людьми, - а среди них хотя бы одно животное наверняка является так называемым домашним духом, или мелким бесом, коего враг рода человеческого посылает каждой присяжной чародейке для помощи и ради присмотра над нею.

Да, казённая палата, предназначенная для Суда Церкви, в городе Бремене отсутствует, однако для целей Святейшей Инквизиции было приспособлено небольшое здание, которое обыкновенно занимает городской магистрат, когда ему нужно рассмотреть какое-либо особо важное и секретное дело. Здание это расположено несколько на отшибе, в четверти мили от городской стены, состоит из большой залы, окруженной малыми каморами, и глубокого подвала, занимающего всю ширину гранитного основания дома, где обыкновенно ожидают вызова на суд преступники. Так что строение это весьма надежно.

Зачем было выносить его за городскую черту? Господам инквизиторам должно было быть известно, что казни у нас не совершаются внутри врат;

последнее считается дурной приметой. Тем более что на особо впечатляющие зрелища стекается люд со всех окрестностей. А ему ничего не стоит даже и городскую стену разнести по кирпичику.

Да, предварительно судебную палату и темницу хорошенько освятили под моим личным руководством, так же как и орудия судебного разбирательства, причем за последним я проследил особо. Нет, ведьмы я тогда еще не видел, ибо ее перевели в подземную тюрьму несколько позже.

Да, когда наш городской дознаватель именем Базилиус Мечник, по прозвищу Кот, представил на суд оную Фаусту, далеко ходить ему не пришлось. Надо сказать, что когда мы узрели ведьму, она показалась нам троим по виду не заслуживающей своей дурной репутации. Я имею в виду только то, что она была вовсе нехороша собой - коренастая ширококостная мужичка, на каких только воду возить. Единственно что было в ней красивого, - это недлинные седые кудри, что даже после мыканья по разным норам и закутам казались чистыми и мало того, имели явственный голубоватый оттенок. Отец Петер даже изволили пошутить, что дьявол, наверное, польстился именно на сии локоны и надо было бы перед дознанием остричь их, как положено по правилу. Быть может, Враг от одного этого отступится от нашей колдуньи. Однако придется сделать это попозже, так как разбирательство не терпит отлагательств.

И когда судьи спросили Фаусту, сколько ей лет, та ответила: пятьдесят. И когда замечено было ей, что это долгий срок жизни для черной кости и уже одно это свидетельствует против нее, на сии слова она Фауста ответила молчанием.

И когда досточтимый отец Петер спросил ее, верно ли, что она дает мужчинам отвар козлиного копыта, что, без сомнения, есть название какой-то бесовской травы, Фауста ответила, что трава эта называется копытень, ее плотный округлый лист отменно помогает при запоях, которые постигают местных жителей весьма нередко, а толченый корень вместе с листом пригоден тем из них, кто желает излечиться от тяги к вину навсегда.

И когда достопочтенный отец Пауль спросил вышеозначенную Фаусту, верен ли слух, что она дает девицам порошок синих злаковых рожков в меду, дабы они скинули незаконно прижитый плод, а также для чего еще она его применяла, Фауста ответствовала «нет» на первый вопрос, на второй же пояснила, что таковой порошок отлично сокращает муки рожениц, способствуя усилению схваток. Причина же того, что местные жены плохо зачинают и скверно рожают, а телесные выделения их гнуснейшим образом смердят, - в зерне, которое сплошь заражено пшеничной и ржаной спорыньей, от чего может произойти не одно это, но и трясучка, в просторечии именуемая пляской святого Витта, и жгучее гниение плоти под названием Антониев огонь, когда мясо отваливается от костей кровоточащими кусками, и злейшие видения, которые любого сведут с ума. Первому мы не поверили, о втором отец Пауль сказал, что Господу неуютно, когда мы умягчаем страдания за Евин грех - съеденное райское яблочко. А насчет прочего мы трое услышали впервые и не знали, что и

подумать, кроме того, что это снова игра Искусителя с человеком. И достойный отец Петер еще добавил, что сие может быть и ко благу, ибо здешний вахлак уж слишком живуч.

И когда мы трое спросили Фаусту, имеет ли она колдовского помощника, как и все ведьмы, и не является им тот пес, именно черный пудель, которого взяли вместе с ней в ее доме, она отвечала «нет» на оба вопроса.

На вопрос, отчего же, в таком случае, она дала псу человеческое имя Артамон и не крестила ли она, часом, свою скотину для вящего уязвления Господа, отвечала она Фауста, что такого людского имени нет в кафолических святцах и, следовательно, окрестить им нельзя и человека, но кличку таковую у нее на родине кобелю дают невозбранно.

И когда мы трое спросили, отчего эта скотина так легко избегла допроса с пристрастием, которому мейстер Базилиус Кот хотел ее подвергнуть, ведьма с некоторым раздражением ответила, что дознавательное снаряжение сотворено по размеру человеческому, так что бедный щенок кое-как выдрал свою лапу из тисков и убежал, вовсю хромя, восвояси, пока палач со вкусом обедал у себя дома.

На вопрос, как она может называть щенком огромную и страхолюдную псину, указанная Фауста отвечала, что до года крупная собака считается еще ребенком, а до полутора - отроком и что нам следовало бы это знать, раз мы так любим гончую травлю. И мы трое сочли эти слова особенным кощунством.

И когда мы спросили Фаусту, не кормила ли она скотину, чего доброго, своею грудью, та рассмеялась нам в лицо, отвечая, что груди ее давно иссохли, утроба родящая окаменела, а месячные крови еще ранее перестали ей докучать. На что мы сказали, что об этих смутительных вещах она не должна была нам докладывать.

И тогда достопочтенный отец Пауль, желая сразить ведьму наповал, спросил строго, не кормила ли тогда она своего пса из колдовского соска, что, как известно, отрастает у ведьмы над ключицей, на спине или в срамных местах и походит на кожистую тряпочку с алой точкой на конце. Та отвечала, что похожая отметина имеется у нее под левой мышкой – не нужно приказывать мейстеру Базилиусу осматривать ее, Фаусты, тело, – и что малый щенок возрастом до месяца любит сосать всё, что в пастюшку попадет, а кожа у нее с возрастом стала дряблая. Однако мы трое не поверили, что это так.

Когда же достопочтенный отец Пауль добавил: а не поила ли она пса кровью, - Фауста дерзко ответствовала, что это-де обычное у них дело и что когда мясник или кто-нибудь из местных жителей режет скотину, те крестьяне, у кого слабые дети или взрослые дочери, страдающие бледной немочью, покупают у него парную кровь и тут же, на месте, дают своим больным. И что собаки беспрепятственно подбирают остальное, а она так даже деньги мужику платила, чтобы отлил ей в баклагу.

Но когда ведьма торопливо прибавила, что во время мора, когда некому было резать коров, свиней и овец и вся как есть скотина бродила голодная и неухоженная, она, Фауста, нимало не отпаивала занемогшего щенка своею кровью за неимением скотской, и когда добавила еще, что сама лишь оттого осталась нетронутой сим поветрием, что пила травяные составы, которыми прочие пренебрегли, не желая у нее одолжаться (и мылась с ног до головы, кстати отскребая грязь со всего в доме, что под руку попадет, добавила она далее), - мы нисколько ей не поверили. Ибо ведомо всем и каждому, что дьявольский домашний дружок именно тем и служит хозяйке, что отводит от нее кары Господни, о чем я так прямо и сказал Фаусте.

Только вот дальнейших ее слов, что мор сей произошел не от гнева, а от тесноты и нечистоты телесной, досточтенный отец Петер изволили не выдержать и сказали ей, что доносительница на нее, верная супруга и многоплодная мамаша Феврония, супруга шорника и ее ближайшая соседка... Дальнейшего он не успел выговорить, ибо, как вы, почтенные инквизиторы, ведаете, невместно произносить перед обвиняемым имя тайного обвинителя.

Однако Фауста нимало не удивилась, сказавши, что она Феврония, то же Хаврония, как произносят это имя в родной деревне Фаусты, неряха и задери подол даже по здешним меркам и давно точит на нее свой кривенький желтый зубок. А всё потому, что как-то при ней и про нее была сказана поговорка: «Выдно, шо Хивря пырыжки пэче, и ворота в тисте». Мы ни слова не поняли, и тогда Фауста, ухмыляясь, пояснила, что когда такая умелица, как Февря, затворяет тесто и лепит из него сдобные пирожки, столь любимые с опохмелу ее муженьком, даже на дворовых воротах остаются следы ее кулинарного вдохновения; а про юбку, полы, двери, одеяла и совместную с мужем постель вообще речи нет. В ответ мы сказали, что Фауста дерзка не по своему унылому положению, но в душе каждый посмеялся, ибо соседку-доносчицу она ужалила не в бровь, а в глаз.

Когда же отец Пауль, бывши старше и солиднее отца Петера, строжайше спросил, признает ли Фауста себя виновной в варении ядов, отравлении, чародействе, волхвовании и особенно - в гнуснейшем стоворе с Дьяволом, та самым решительным образом ответила «нет». И тогда достопочтимейшие отцы Пауль и Петер в один глас воскричали, что самое время мейстеру экзекутору по имени Базилиус приступить к обвиняемой. На что тот резонно ответил, что по всем правилам допроса он обязан сначала устроить ведьму видом своего инструмента и объяснением тех действий, какие тот инструмент производит над брэнной человеческой плотью, а там уж и к самой пытке можно приступить - без большого перерыва. Еще и слаже для вас получится, добавил мейстер, непристойно хихикая.

Когда палач, крепко ухватив ее за руку, показал колдунье скамью для пребывания на ней, глухую маску и воронку, а также полное ведро воды, которую надлежало влить через ту воронку в согрешившее нутро, Фауста лишь

попросила давать ей теплую воду с солью, чтобы легче было потом ее выbleвать. Ибо, как пояснила она, нутро у нее не молоденькое и если порвется, дальнейшей пытки ему не сносить.

Тогда мы четверо поняли, что этого она не устрасится.

Когда палач поставил Фаусту над решеткой, к которой надлежало ее приковать, и к очагу, который полагалось разжечь под решеткой, та ответствовала, что во время сих терзаний непременно будет молиться св. Лаврентию - с тем, чтобы святой даровал ей свою силу. Ведь когда с ним проделывали то же, что сулят ей, он шутил над истязателями, прося их как следует поворачивать его над огнем и хорошенько поливать горячим маслом, дабы он мог равномерно поджариться со всех сторон и стать поистине лакомым блюдом.

Тогда мы четверо поняли, что она не устрасится даже и этого.

Однако при виде дыбы с ножными грузами для растяжки и плети со свинцовыми шариками на концах, которой палач хлещет пытаемого, сдирая кожу с мяса и мясо с костей, Фауста чуть побледнела и произнесла:

- Не шутите с ведьминской кровью в вечер перед самым полнолунием, господа мои. Вы не знаете, какой ужас она способна приманить и поднять из ада.

И вот тогда мы четверо поняли, что достигли цели, и узнали, чего и, главное, за кого она боится более, чем за себя.

Тут достопочтимейший отец Петер как раз обратил лице свое к окну и узрел, что решетка на нем, Бог знает с какой целью, была покрыта толстым листовым серебром. Как вы можете узреть, досточтимые судьи, окно здесь устроено таким образом, что длинный стол и высокие кресла всегда оказываются на ярком свету, дабы показать, что праведный суд и есть истинный свет миру; а место, где должен стоять грешник, выслушивая строгие речи обвинителей, и хранилище пыточных орудий пребывали во тьме, как душа оногo грешника, - тьме, разгоняемой лишь двумя смоляными факелами, которые дознаватель мог при случае использовать и для своих эскуторских нужд.

Достосвятнейший же отец Пауль произнес:

- На нашей груди - большие серебряные распятия. Что, как не чистое серебро, может оградить против нечисти и нежити лучше изображения Господа нашего?

Разумеется, святые отцы, я привел эти слова доподлинно, к тому же ведь именно я их записывал... еще десяток минут от силы. Вы легко сможете это проверить по тексту протокола, который счастливо уцелел.

А мне оба достосвятнейших судьи сказали:

- Твой крест поменее наших и не так хорошо защитит. Приоткрой дверь, она здесь одна, и стань подле, чтобы сразу ее захлопнуть, когда Фаустинин поганый пес явится на вопли своей госпожи и на ее смрад.

Да, так они оба сразу и решили, на свое злосчастье. Ибо общеизвестно, что ведьма, лишенная своего личного дьяволенка, сдается Господу куда быстрее, чем только разлученная с ним.

А сразу после того Базилиус, который сразу понял, что именно мы задумали, объяснил, что для нашей цели кнут - не самое надежное и удобное. Что он, Базилиус, некогда подрабатывал на улицах славного Бремена цирюльником и с той поры сохранил медный тазик. Похожий сосуд изображают вздетым на голову рыцаря Алонсо Кихано, описанного модным писакой Сервантесом.

- С подачи этого еретика, который в своих «Назидательных новеллах» заявил, что ведьмы - бред расстроенного дурманом воображения, их испанская Супрема и святое воинство Папы-итальянца долгое время не простирали карающей длани к собственным ворожеям и колдуньям, - проворчал отец Петер, - и к тому же мешали нам выгрести наше собственное дерьмо.

Нет, этого они всё равно не дали бы мне записать. Однако ведь теперь эти разногласия между Германией и латинцами миновали, разве не так?

- Он у тебя близко, тазик этот? - восторженно взревел отец Пауль. - Так давай тащи его сюда, мигом ведьме кровянку пустим!

Уяснив себе, наконец, в полной мере, на что мы ее обрекаем, Фауста изо всех сил рванулась из рук экзекутора, а ведь она была баба дюжая. Тогда Базилиус крепко хватил ее в висок кулаком, будто скотину какую, и привязал к пыточному сиденью с высокой спинкой и сырмятными кожаными ремешками. А сам, отойдя ненадолго, притащил свою посудину, такую полукруглую и с широким бортом.

Там, как вы, конечно, видели, на краю имеется выемка для того, чтобы приставить к шее...

Нет, конечно, не из яремных вен: тогда бы он просто вмиг убил ведьму своим кровопусканием, а ведь святые отцы желали допросить обоих сразу и со вкусом.

Да, Базилиус приставил таз выемкой ко сгибу левой руки женщины и начал отыскивать что-нибудь острое, чтобы отворить ей кровь. Цирюльничьих бритв и лекарских своих ланцетов он не сохранил, поэтому второпях и желая угодить нам выбрал один из тонких ножики, какими подрезал кожу, когда хотел снять ее с живого мяса.

Разве я говорю что-то неподобающее, святые отцы? Это же наша обыкновенная судейская практика.

Так вот. Либо Базилий не рассчитал силы, либо лезвие не годилось для такой работы, но он располосовал руку так, что не одну вену - и артерию повредил. Кровь не потекла вялой струей, а брызнула вверх фонтаном, переполняя тазик и одновременно растекаясь по всему полу.

В этот самый миг взошла луна: огромная, в полнеба, распухшая и желтовато-багровая. Мне с моего поста отлично было ее видно. И тотчас же, перекрывая тьмой это апокалипсическое зрелище и срывая оконную решетку напроочь, в зал суда влетело нечто огромное и чадное. Это был Артамон. Его темная шерсть дымилась от прикосновения к серебру, а величиной он казался вдвое больше того

долговязого собачьего заморыша, который убежал от своих истязателей. На троих людей, застывших в непонятном оцепенении, и четвертого, который, грохоча, уронил себя ничком, оборотень, казалось, не обращал никакого внимания: мигом достиг лужи на полу и стал лихорадочно слизывать кровь с плоских камней, потом шумно лакать из ужасающей медной миски, лизать руку и шею хозяйки, повисшей на ремнях, потом...

Потом он, кажется, почуял недоброе, ибо поднял свою жуткую узкую морду к луне и завыл как бешеный. Завыл, постепенно... постепенно выпрямляясь во весь двуногий рост. Не щенок, не пес, не человек, а жуткая тварь с курчавыми шерстяными клоками по всему бледному телу и когтями на грубых лапах, сточенными, как то бывает у пса, который все лето бегал по шершавому камню городских мостовых. Нижняя пара длинейших клыков доставала до пламенных глаз, как усы лихого седого вояки, верхняя почти касалась длинных ключиц, точно у злобного северного зверя, называемого моржом.

Услыхав этот вой, наши отцы вмиг сообразили, что их кресты поверх серебра густо крыты золотом - а ведь золото как раз и притягивает адских созданий! И на четвереньках ринулись в открытый мною проем. К великому моему прискорбию и вящему стыду прибавлю, что досточтимый отец францисканец Петер фон Карабас по дороге к избавлению ронял некие округлые катышки, как будто напился воды из козлиного копытца, а достопочтенный отец доминиканец Пауль фон Барабас с ног до головы обдристался - вельми жидко и зловонно, точно с ведьмина зелья, приготовленного из рожков черной спорыньи. Дознаватель же Базилий удрал еще раньше, хромя на одну ногу и приволакивая другую. Я так думаю, напоролся в темноте на что-нибудь родное, палаческое.

Да, я их больше не встречал, и среди вашей челяди их тоже, как полагаю, нет.

Но это я видел краем глаза. Потому что жуткое двуногое чудище снова наклонилось к бездыханной ведьме и одним ударом клыка перервало той шею. В открытую рану, зияющую как бы вторыми устами, полилось из его пасти и с конца длинного языка нечто густое и более темное, чем былая кровь. Артамон поднял Фаустину на руки, от чего лопнули последние пыточные ремешки, шагнул к окну - и в нем скрылся.

Я долго стоял у окна и смотрел в него, как замороженный. Лунный диск постепенно бледнел, как будто небесные псы и с него слизывали багряную краску.

Стали ли они оба, ведьма и оборотень, вампирами, спрашиваете вы?

Да, отцы-инквизиторы. Ради этого он и пил оброненную кровь своей госпожи так торопливо. Для того и сделал ей рану, которая смогла быстро поглотить его новую, темную кровь. Помните, я долго описывал его неуклюжие пальцы с грубыми когтями? Для такой работы они годились куда меньше, чем клыки.

А там, где теперь укрываются оба, они по-прежнему живут как хищники?

Почем мне знать. Я сказал всё - или всё, что могло бы вас интересовать.

И теперь я прошу вас, святейшие и справедливейшие отцы инквизиторы, поступить со мной, как с достославным отцом Ремигием, который сам обвинил

себя в невольном сношении с нечистой силой, и сам настоял на том, чтобы его пытали, дабы Враг отошел от него в смятении, - а потом сожгли ради того, чтобы дьяволу не было куда возвратиться. Ибо не покидает меня соблазн, и днем плывет над ресницами, и ночью изузоривает веки с обратной стороны прельстительною картиной.

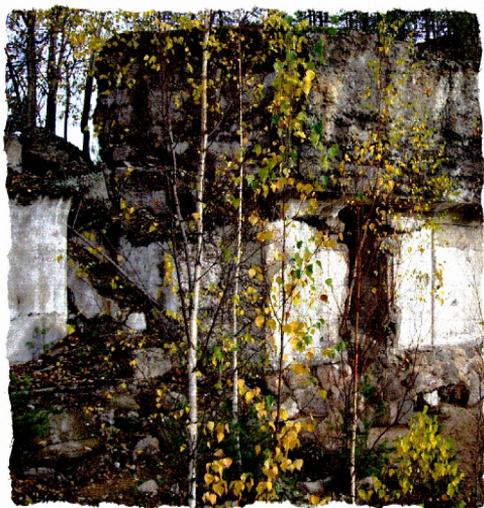
Будто стою я, наполовину перевалив тело через подоконник, и густой вампирский туман подступает к рукам моим, точно море, и от блестящего серебряного диска тянется ко мне по морю широкая лунная дорога. По той дороге идут прямо в огромную звонкую луну двое - и нет им никакого дела ни до ее красот, ни до моей подлой и невместной влюбленности. Они держатся за руки и не отрывают друг от друга сияющих глаз: стройная молодая мать с голубыми волосами и ее веселый чернокудрявый сын.

Прав был святой Ремигий, когда сказал мне под конец своей многогрешной жизни: карта смерти бьёт все прочие карты, но и ее покрывает великая карта Любви.

Любовь к Кэтлин, дочери Холиэна

Это подражание кельтской сказке про сидов основано на реальных событиях, связанных с Килкеннийским Статутом 1366 года. За нарушение его в 15 веке был обезглавлен знатный англичанин по имени Томас Десмонд, кстати, воспетый Томасом Муром в стихах. Мне удалось отыскать материал о распре Десмондов и Ормондов, в которой королева Елизавета поддерживала то одну, то другую стороны. Ирландскую жену и вдову Десмонда в самом деле звали Кэтлин (Кэтрин). Имя же «Кэтлин, дочь Холиэна» позже употреблялось как поэтический синоним Ирландии - тем же Йейтсом.

Стихи в рассказе - подражание тем, что перемежают прозаическое повествование в ирландском эпосе: семисложная силлабическая строка, четыре строки в стихе, которые, по всем правилам, надо было еще оснастить смежными рифмами. Последнего автор уже не выдержал.

Моя прабабушка, сидя за прялкой, любила рассказывать мне удивительные повести. В них старинные легенды Зеленой Страны перепутывались с историческими хрониками и потрепанными жизнью романами, купленными покойным прадедом у букиниста.

Вот одна из них.

Мудры были в свое время белокожие сыновья Пернатого Змея, то есть испанцы Кортеса, когда, переплыв Море Мрака, увенчали войну с царством Анауак почётными браками с его дочерьми; хотя и

жестоки были также. Не менее жестоки, но не столь мудры были короли Альбе, когда, оттеснив сынов Эйре внутрь их исконной земли, дважды отгородили завоеванную землю под названием Пайл: каменной стеной по границе и стеной законов под названием «Килкеннийский Уклад». По этим законам нельзя было альбенам привечать сынов и дочерей Эйре в своем доме и гостить у них, учить язык и слушать песни и сказания этой земли, охотиться с собаками Эйре, благородными сеттерами и могучими борзыми, есть еду, пить доброе пиво и лечиться здешними снадобьями, ходить на проповеди местных клириков и состязания филидов и бардов Эйре, но более всего - заключать браки с прекрасными женщинами покоренной земли. За последнее знатым людям рубили голову топором, а простолюдинов вешали. Делалось так, дабы не возросло число природных врагов страны Альбе.

Но нет преград для красоты и мужества, нет таких пут, чтобы могли связать любовь, и цепей, чтобы сковать ее.

Отправился однажды могучий альбенский лорд Томас Десмонд на охоту. Ибо не было у него дома ни жены, ни детей, и погоня за красным зверем была единственной его отрадой. И видит лорд, что невдалеке от него бежит через кустарник прекрасная белая лань, а за ней дружно спешат увенчанные рогатой короной олени-самцы: а был канун колдовского дня Самайн. Любопытно ему стало. Пришпорил Томас коня и погнал его вдогонку за стадом.

Так скакал он с утра до позднего вечера, когда вмиг пропали и лань, и ее олени. Остался лорд в густом лесу один и думает: «Надо найти, где заночевать мне, ведь того и гляди пойдет снег и задует ледяной ветер». Огляделся - и видит: светится сквозь вековые стволы поляна, а на поляне - три дома.

Уж и странные то были жилища!

Первый дом был из грубого камня и от земли до конька крыши одет буйным пламенем, что расстилалось вокруг по траве.

- Негоже это: ибо никогда не бывает огня без битвы с ним, - проговорил лорд. - Злое это место и опасное.

Второй дом был из огромных осклизлых бревен и стоял посреди мрачного озера.

- И это не годится нам, мой конь, - проговорил лорд снова. - Учили меня, что в таких домах не бывает ни воды, чтобы напиться и умыться, ни ведра, чтобы слить туда помои. Тоскливо всё это, как дурной сон.

А третий дом был точно сплетен из золотых и серебряных прутьев и покрыт сверху целой шапкой белых перьев, и ветер певуче звенел вдоль его стен и кровли.

- Вот это поистине то, что я искал, - сказал лорд Томас. Направился прямо к широкой двери дома, сошел с седла и привязал коня к столбу посреди сочной зеленой травы.

К его удивлению, внутри не было ничего, кроме низких полатей, на которые брошено жалкое тряпье, и очага, что годился лишь для самой последней бедноты. Однако хозяйева, муж и жена, радушно приветствовали его словами, что они-де жители холмов Эйре и вассалы лорда. Потом старики обернулись куда-то вглубь дома и позвали девушку, чтобы та служила господину.

Как выглядела девица? Нетрудно сказать. Ничего не было на ней, кроме белого платья из тонкого льна и простой зеленой накидки поверх него, что была скреплена на плече тяжелой бронзовой заколкой. Тонки и алы были губы на румяном, как боярышник, лице, а ясные, как изумруд, глаза смеялись. Как рассыпанный жемчужный град сверкали ее зубы. Сквозь все одежды светилось ее тело, словно снег, выпавший в первую ночь зимы. Три пряди волос были уложены вокруг ее головы, четвертая же спускалась по спине до икр; цветом они были как червонное золото.

Принесла девушка серебряный кувшин для умывания с теплой водой, таз для того, чтобы слить туда воду, и расшитый дивными узорами утиральник.

Потом поставила она перед лордом широкое блюдо с едой - и вкуснее той пищи не пробовал лорд за всю свою жизнь. Поблагодарил он девицу со всей учтивостью и спрашивает:

- Как имя твоё, красавица, и верно ли, что живущие в доме - твои родители?

- Нетрудно мне ответить тебе на это. Различная в нас троих кровь, - отвечает девушка, - хотя приняли они меня с великой радостью и гордостью; и так поступают многие в здешних краях, что бедные, что богатые. А зовут меня Кэтлин, дочь Холиэна.

- Не хочешь ли ты, Кэтлин, возлечь со мной?

- Нет между нами уговора, - отвечает она, - как не может быть у меня такого уговора ни с кем из вас, альбенов.

- Тогда иди без него, - ответил лорд, взял ее за руку, вывел из дверей и увез впереди себя на седле. Не противилась Кэтлин, только легкая тень набежала на ее лицо.

Однако так хороша была собой Кэтлин и так царственна, что не мог лорд и помыслить о том, чтобы овладеть ею, пока не обвенчались они в глубокой тайне у священника из тех, кто бреет голову спереди и зовет Христа «мой друид». Совершилось то по ее настоянию.

И стали Томас Десмонд и Кэтлин жить в полном согласии.

Правда, блистательная красота сиды постепенно померкла и стала прелестью земной женщины, но наш лорд нимало о том не кручинился.

Много ли, мало времени прошло - проснулся лорд на супружеском ложе с криком и говорит жене:

- Видел я такой сон. Будто повадились на мое пшеничное поле удивительные птицы с золотистым и алым оперением, скованные попарно золотой цепочкой, и стравили на нем почти всё зерно. А было их десять раз по две и еще пять раз по паре. Я вышел из своих каменных палат, криком согнал стаю с поля и бросил в нее копьё. Оно пронзило самую переднюю птицу, и та повисла на цепи. Ее подруга взяла убитую или раненную мной птицу в когти и унесла. А прочие бросили на крышу моих палат по перу, и она сразу же занялась буйным пламенем. И пропели все птицы такой стих:

Дом твой сгорит над тобой,
Жизнь оденется мраком.
Твоя глава упадет
Деве сердца подарком.

- Это называется у нас «Песнь Плача», или «Позорная Песнь», или «Музыка Поношения», - сказала в гóре Кэтлин. - Есть три вида напевов в земле Эйре, и этот - самый худший. Скверно ты повел себя с вестницами, а до того не дал мне достойного выкупа за честь мою. Жди всем нам беды на твой тридцать первый год.

Так и случилось. Прознал король страны Альбе, что нарушил его лорд закон, воспрещающий женитьбу на одной из покоренных, и что не рабой и не наложницей держит он при себе дочь Эйре, а милой супругой. Тогда схватили Томаса и бросили в самую темную и влажную темницу самой главной королевской крепости, где он дожидался позорной смерти. А Кэтлин выгнали из крепкого дома мужа с ребенком во чреве, хотя приспело время ей родить.

Вот лежит Томас Десмонд в крепости на гнилой соломе и видит сон.

Будто прилетели снова те прекрасные птицы, двадцать восемь связанных попарно цепочками, а одна сама по себе, и сели на пшеничное поле, А Томас глядит на них с порога бревенчатого дома и говорит себе самому:

- Неладно сделаю я, если не дам птицам подкормиться. Там, откуда прилетели они, верно, засуха, ибо, как я думаю, вся вода на земле собралась у моего порога. Но отпугнуть их стоит - иначе и на семья нам с женой не останется.

Вложил он малый камешек в пращу, раскрутил и бросил. Попал камень в крыло старшей птицы и застрял там. Вмиг перелетела она через воду, села на порог и оборотилась красивой женщиной в зеленом плаще с бахромой, с алыми губами и румяными щеками, а светлые ее волосы струились поверх плаща до самых бархатных башмачков.

Говорит женщина Томасу:

- Мы спешили к тебе с доброй вестью и проголодались в дороге, а ты ранил меня за это.

- Не того хотел я, однако невелика эта беда, - ответил Томас, нагнулся и высосал камешек из руки женщины вместе с кровью. Тотчас закрылась ранка, как не бывало.

- Не могу я с тобой после этого породниться, ибо смешалась наша кровь, - сказал отчего-то лорд.

- Сделано уже это, - произнесла женщина, улыбаясь. - Хоть и не совсем по нашему обычаю, зато с отвагой. Должен был ты после свадьбы отдариться от нас, родичей твоей Кэтлин, и не совершил того, а теперь выходит, что мы снова в убытке.

И протянула Томасу серебряную ветвь с белыми цветами на ней. Трудно было различить, где кончается серебро ветви и где начинается белизна цветов, и звенели эти цветы, как крошечные колокольчики. А посреди них сияли золотом три небольших золотых яблока, и пели эти плоды, навевая сладкий сон.

- Это «Дремотная песнь», или «Музыка Сна», - проговорила женщина. - Вторая мелодия из трех, что барды и филиды приносят на землю от нас. Возьми ветку в руки и иди через весь дом, пока не выйдешь через противоположную дверь. Никто из стражников замка не заметит тебя и не остановит, ибо накрепко сомкнуты будут их глаза. Волшебство разомкнет также все препоны, запоры и засовы. Однако поторопись - лишь на короткое время дана тебе Поющая Ветвь.

И в самом деле - прошел Томас сквозь людей, двери и стены, будто их и вовсе не было. Очутился он уже на улице, оборванный, грязный, слабый от

истязаний, коим его подвергли. Шел дождь, летел мокрый снег, и руки его были пусты.

Лишь простые люди Альбе и Эйре попадались Томасу по пути - местная знать не хотела себе никакой беды. Зато никто и не отказывал ему в ответе, когда он блуждал и петлял по всему городу и спрашивал, где ему найти Кэтлин.

А Кэтлин к тому времени дошла до столицы и тайно поселилась у самых стен тюремного замка в лачуге, которая никому не была нужна, кроме нее.

Вот входит, наконец. Томас под низкую, просевшую посередине крышу и видит, что светлая жена его лежит мертвая, и мертвый младенец у ее бока.

- Зачем мне нужна свобода без тебя и от тебя, Кэтлин, дочь Холиэна, - произнес лорд. - Зачем мне жизнь, если ты умерла. Зачем мне отчизна моя Альбе, если нет у меня надежды подарить Эйре своих и твоих о Кэт, отважных сыновей и прекрасных дочерей.

Взял ее руку в свои и лег рядом так плотно, как одна полированная деревянная дощечка прилегает к другой.

Тут распалась, разлетелась крыша вплоть до самой горней синевы, ибо состояла она из легких перьев. И увидел Томас: летят переливчатой вереницей, длинной семицветной лентой чудесные огненные птицы, пересекая небо по огромной дуге. Все они скованы золотом попарно, лишь самая большая летит одиноко.

- Птица Эйре, возьми меня с собой! - крикнул он. - Нет мне здесь, внизу, ни еды, ни питья, ни песен, ни плясок, ни мольбы и ни хвальбы без моей нареченной.

Тогда кругами спустилась стая вниз, подхватила Томаса, мужа Кэтлин, на свои крылья и унесла с собой в неведомые страны. В полете выпевали огненные птицы третью мелодию земли Эйре, самую прекрасную:

Музыку смеха, песнь радости
Струят реки светлые.
Краски блещут величием
В краю Вечной Радуги.

Обман неизвестен людям,
Горесть им неведома;
Играют мужи с женами
Без греха, лишь на счастье им.

Избыли дряхлость и смерть
Возничие колесниц;
С берега моря алого
Мчат кони с белой гривой.

Вдоль вершин леса плывет
Стая птиц огнекрылых.
Ты с ними, о муж Кэтлин,
В Светлую Землю летишь,

Чтобы играть вечно
В лучшую игру мира
И пребывать счастливо
В Царстве победоносном.

А еще были в том дальнем краю серебряные яблони с серебряными ветвями, на которых росли сразу белые цветы с пурпурной сердцевинкой, листья из белого золота и яблоки из золота червонного. Бродили по садам и лесам ручные, кроткие звери. Зеленые поля, ровные и чистые, простирались вокруг сияющего дома, покрытого пышными, как снег, перьями, а в доме том ждали Томаса его прекрасная, как сида, жена и их сын.

- Войди в жилище, что предназначаю я для тех, кто погиб во имя мое, - сказал голос из середины птичьей стаи. - Хоть не за свободу мою и гордое мое имя сражался ты, не за четыре моих зеленых удела, но воздаётся тебе по одной твоей любви к той, что носила прозвание моё на земле.

...Когда пришли люди в хижину у крепостной стены, поняли они, что не удастся разомкнуть руки Томаса и Кэтлин, чтобы похоронить их отдельно. Ибо соединились они, как жимолость обвивается вокруг ствола. И удивились эти люди несказанно, только совсем разным вещам.

- Как это он ухитрился сбежать из такого грозного замка и такой крепкой тюрьмы, как наша? - спрашивали друг друга альбенские воины и знать.

- Дорогого спрашивает Кэтлин, дочь Холиэна, с сынов своих и возлюбленных, - говорили мужи Эйре. - Зачастую бледнеют их румяные лица, голод точит их кости в чужой стране, смертная петля сжимает им горло. А этому альбенцу воздала она без расчета.

- Забирает она к себе мощных героев, дарующих ей славу, и блеск оружия, и ратные труды свои. Впервые отдала она себя смертному по одной любви, - говорили другие мужчины. - Хотя, пожалуй, не такой уж плохой выкуп за любовь и честь он заплатил - всю свою жизнь. Не новость, однако, всё это.

- Значит, крепко сошлись они друг с другом - как Байле Доброй Воли и Айлен, дочь Мугайда, - тихо говорили девушки Эйре меж собой.

- Позор Альбе и ее законам, что сгубили такую любовь и не сумели удержать ее на земле! - восклицали гордые жены Эйре.

А одна совсем юная альбенка, совсем девочка, спросила:

- Не станут ли лучшими победами Кэтлин, красы Эйре, и не прославят ли ее громче всего те, которыми будет обязана она не оружию и силе бранных мышц, но красоте сказаний и песен земли Эйре, мудрости филидов и сладкогласию бардов ее, а также красоте и гордости дев? И не в них ли вечно пребудет слава великой дочери Холиэна?

И вот на этих самых словах слетело с вышины огненное, переливчатое и радужное перо невиданной красоты и согрело ей обе ладони.

- А что, получила ли Кэтлин, дочь Холиэна, свои четыре удела обратно? - спросил я прабабку.

- Да, конечно. Ты же их знаешь: Коннахт, Лейнстер, Мунстер и Ульстер.

- А много было тех, кто пел и сражался во славу ее?

- Ой, да тьма-тьмущая, и первых куда больше, чем вторых. Альбены долгое время считали, что любой их поэтический и писательский талант должен обладать нашими корнями. Вот тебе имена, взятые наугад: Свифт, Мур, Уайльд, Йейтс, Шоу... Я слышала, что даже за морем есть человек, что прославляет нас, - имя его Борхес. Хорошая половина всех сказаний человеческих происходит из того сада, где растут серебряные яблони с золотыми плодами, - и текут эти легенды на нижнюю землю как реки, вливаясь во все ее моря. А Кэтлин до сих пор привечает всех своих возлюбленных в своем саду, и остаются они там так долго, как захотят. Но большего тебе не скажу: прости уж полуграмотную старуху.

На том она замолчала...

Сватовство к Ируйн

В 697 году н.э. по настоянию аббата Адамнана в Ирландии был принят закон, освобождающий женщин от воинской повинности.

До того и отчасти вследствие того ирландские женщины пользовались практически теми же гражданскими правами, что и мужчины, и участвовали во всех мужских делах.

Историческая справка

Эту повесть мой славный дед по имени Бран рассказывал не иначе как взяв на колени самого крупного из дворцовых котов и поглаживая его по ушам и по пузу, а потом слегка приподнимая его с места за большие уши с кисточкой на конце, отчего тот начинал зло урчать без перерыва:

- Мррр-миау-ау-ау-ау-а! Миау-у-рр!

Похоже на боевой клич? Именно так, по словам деда, пели, разъярившись, прекрасная дама Ируйн и кавалер по имени Ирусан, славнейшие из славных. Те, от которых есть пошла вся наша знаменитая кошачья порода.

И сразу же после этого, откашлявшись, дед начинал говорить...

Был в одной из ирландских земель владыка по имени Эоган. Его любимую дочь Айфе воспитывали двенадцать женщин благородной крови, чтобы привить ей любовь к учености, чувство долга и хорошие манеры. Содержались все эти женщины вместе с Айфе в отдельном доме, красивом и хорошо укрепленном.

Случилось так, что один могучий и знатный воин выступил в поход против земли Эогана. Имя воину было Дубтах, и с ним было трижды по девять людей. Напали они на большой и богатый дом, что одиноко стоял на пустоши, подожгли его и убили всех, кто там находился, кроме одной девушки, которая спрыгнула с крыши в самую гущу воинов Дубтаха и силой расчистила себе дорогу к лесу. Девушка эта была Айфе, а убитые - двенадцать ее воспитательниц и их служанки.

Так и не узнали люди, кто учинил это смертное злодейство.

Вот приходит Айфе к своему отцу и говорит:

- Мести я требую.

- Кому я смогу отомстить, дочь моя, если никто не может назвать мне имен?
- сказал Эоган.

Рассердилась девушка и отвечает:

- Пробегая сквозь ряды этих трусов, видела я всех и каждого. Вожак их носит под бурым плащом темно-красную рубаху из тонкого полотна, заложенную на груди в пять складок, складки же скреплены красивой заколкой из светлой бронзы. Короткое пятизубое копье с пятью серебряными кольцами, скрепляющими древко, было у него в руке, а на широком поясе из бычьей кожи с серебряными заклепками висел тяжелый меч из железа, пять раз прокованного. Прямо и гордо стоял он в свете пожара, что сжёг моих учителей.

Собрала она друзей и слуг своего отца и отправилась искать след Дубтах - а он был широк. Долго шли ее воины по этому следу, нападая на врага ночью и днем, ранним утром и после заката солнца. Много людей они убили и много домов и заезжих дворов разграбили по пути. С тех пор стали люди почитать Айфе за редкостную учтивость и за ту доблесть, что выказала она в сражениях.

Как-то отошла Айфе от своих людей, увидев не очень вдалеке прекрасный источник, что протекал посреди голой пустоши и был окружен глыбами. Решила она искупаться в источнике, положила оружие и одежду под прибрежный камень и вошла в воду.

Случилось так, что и Дубтах был там. Встал он между Айфе и ее оружием и платьем, обнажив меч над ее головой.

- Прошу от тебя пощады, - сказала девушка.

- Обещай исполнить три моих желания, - ответил Дубтах. - Прекрати убивать моих людей. Упроси отца своего, Эогана: пусть настанет мир между твоим домом и моим. И ложись сейчас со мной, чтобы я мог сполна получить удовольствие от твоего тела.

- Уж лучше всё это, чем быть убитой, - произнесла Айфе.

И возлегли они тут же, на берегу. Люди Айфе стерегли их справа, а люди Дубтах - слева, потому что взяли с них со всех клятву, что перестанут они отныне сражаться друг с другом.

Когда отпустил Дубтах Айфе, говорит она ему:

- Чувствую я, что рожу тебе ребенка. Дай мне украшение с твоей рубахи, чтобы ты его узнал, когда я пришлю его тебе в твою землю.

А то было правдой лишь наполовину.

На этом расстались они.

Вернулась Айфе к своему отцу. Но так как сперва показалось ей, что не понесла она от Дубтах, продолжала она жить, как привыкла в девичестве. И часто ездила на охоту со своим отцом и его воинами. А так как была она уже

взрослой женщиной с сильным и крепким станом, то служила королю Эогану возницей.

Вот однажды увидели они стаю прекрасных птиц и устремились за ними на своих колесницах, запряженных каждая двумя конями. И скакали так, пока не наступил вечер.

Хотели они ночевать на земле, но Айфе отчего-то стало так скверно, как никогда не было.

- Распряжем коней и поставим колесницы в круг, - сказал король, - а сами поищем ночлег. Ибо нужен он дочери моей больше, чем всем нам.

Вскоре заметили они небольшой дом самого жалкого вида и вошли. Ни полатей для спанья и еды не было там, не видно было ни чем умыться, ни чем накрыться, ни чего поесть и выпить. Только бродила по полу небольшая белоснежная кошка с розовыми ушами и носом, а глаза у нее, как у всех подобных зверей, горели алым в свете плашек с горячим маслом, что были прикреплены к стенам.

- Какая польза нам идти в этот дом? - сказал король. - Слишком мал он, чтобы приютить всех.

- Тогда я одна останусь, - ответила на это Айфе.

Она уже давно поняла, что с ней приключилось.

Когда оставили ее одну, сказала она голым бревенчатым стенам, и обвисшему, как брюхо, потолку, и занозистому полу, и мерцающим огонькам:

- Помощи прошу я, ибо по истечении девяти месяцев настало мое время.

Тогда прыгнула кошка ей на грудь и облизала шею, лицо и глаза шершавым язычком.

Когда же вновь подняла Айфе свои веки, всё в доме переменялось.

Девять прекрасных лож стояло вдоль стен. Опирались они на серебряные основания, столбы их были из красной бронзы, и украшала всё остальное сверху донизу чудесная резьба по тису. Легкие и яркие одеяла были брошены на постель. В изголовье каждого ложа горел самоцвет, освещающий огромную комнату подобно ясному дню. Потолки были дубовые и такие гладкие, что умножали этот свет многократно, а пол был сплошь устлан душистыми травами. Тут же стоял золотой кувшин с медовым питьем и золотое блюдо для еды, приличествующей роженицам и родильницам, а также серебряный кувшин и серебряная лохань для мытья. Ополоски можно было слить в большой сосуд из меди, а объедки - положить в большую бронзовую миску. Все эти вещи были сплошь покрыты узорами - письменами древнего алфавита, похожего на ветви и сучья.

Поднялась Айфе, попила и поела досыта и обмыла свое тело. Затем взошла на самое красивое и широкое ложе и родила без грязи и мук сына с ясным лицом, крепким телом и зелеными глазами. Казался он не менее двух лет отроду и заговорил, как только отделила мать его от пуповины золотыми ножницами, что также были заранее приготовлены.

И сказала Айфе белой кошке:

- Благодарю тебя за помощь. Чем теперь отплачу я тебе?

Тогда усмехнулась кошка, подошла к ребенку и взяла его ручку в пасть. Выросла она теперь вышиной по колено Айфе, а вместо очей у нее, казалось, были вставлены пылающие рубины.

- Мать моя, - сказал мальчик, - она говорит мне, что зовут ее Ируйн и что хочет она взять меня себе в дом, чтобы воспитать вместе с другими своими приемышами. И просит она также, чтобы ты сколола мои пеленки брошью Дубтаха, моего отца.

- Жаль мне бросать тебя, - ответила на то Айфе.

- Не думаешь ли ты, что видеть меня будет в радость деду моему? - спросил мальчик. - И не принято ли в самых знатных домах Ирландии отдавать сыновей и дочерей своих друзьям, чтобы обучились они всевозможным искусствам и завязали узы дружбы со сверстниками?

- Верно ты говоришь, - снова сказала Айфе. Нарекла она тогда сына Кондлой и оставила в доме, а утром присоединилась к своему отцу Эогану и стала жить, как и раньше. Рассказывают еще, что была она выдана за сильного и знатного мужа и жила с ним в ладу.

А Белая Кошка привела в дом своих воспитанников, и были они все людьми. Начала она обучать Кондлу и прочих детей всем боевым приемам, которые знала: приему с яблоком, приему боевого грома, приему с клинком, приему с копьём, приему с веревкой, приему прыжка лосося, приему вихря смелого повелителя колесницы, приему косящей колесницы, приему удара рогатым копьём, приему сильного дыханья, а также геройскому кличу, геройскому удару, бегу по копьё и стоянке на острие его. Показала она им всё хитроумие игр под названием финдхелл и брандуб, хотя не слишком Кондла в них преуспел. Одного не смогла кошка передать никому из своих названных сыновей: того приема, что называется «крик пламенеющего кота». Ибо не записано это было в человеческой природе. Кроме того, не однажды зазывала она в свой дом олламов и филидов, чтобы учили отроков понимать старинную мудрость и распутывать плетение древних сказаний.

Так прошло семь лет: вырос Кондла и возмужал куда более прочих отроков. И решил он принять боевое оружие, а можно это было сделать лишь при дворе знатного человека.

- Настало мне время возвратиться к матери моей Айфе и королю, отцу матери моей, - сказал он Белой Кошке.

- Верно ты говоришь, - ответила она. - Только помни, что не самое короткое на свете - прямой путь и не самое легкое - предначертанный человеку жребий.

- Как это? - спросил Кондла.

- Так, - отвечала кошка, - что тело твоё обучено, а разум по-прежнему как у малолетнего дитяти и мало что разумеет.

- А что должен он уразуметь?

- Легко сказать, - отвечает Ируйн. - Нежеланен ты будешь отцу твоему, ибо мать твоя скуёт из тебя орудие мести.

Однако решил Кондла всё же вернуться на землю своих родичей, ибо, как учили его, дело возницы - править конями, война - встать на защиту, мудрого - дать совет, мужа - быть сильным, женщины - плакать.

Тогда Ируйн сказала:

- Иду и я с тобой: не было у меня ученика столь понятливого, и не хотела бы я потерять его так легко.

А за эти семь лет выросла она с хорошего пса из тех, что помогают ирландцам пасти скот и сражаются вместе с ними на поле. Собаки эти могли раскидать в стороны зимнюю стаю волков, согнать в одну узкую лощину конский табун и положить передние лапы на плечи вражескому воину, чтобы откусить его голову. Причем это касалось самых мелких из этой породы.

Вот идут Кондла и Ируйн по холмам и пересекают ручьи и реки. Сначала поспевал юноша за зверем, но потом приустал, и тогда говорит ему кошка:

- Садись на меня верхом, как на лошадь.

Так он и сделал, и люди, которых становилось вокруг всё больше, дивились им и смеялись - не только потому, что дикий зверь служит человеку, но и из-за того, что мало было верховых в ту пору в Ирландии и скакунов запрягали в колесницы. И еще говорил кое-кто из встреченных ими:

- Ликом похож этот всадник на Владельца Рогатого Копья, и застежку такую видели мы давно на его воротах.

Вот после долгих расспросов подъезжают они ко двору Дубтаха.

А надо сказать, что был Дубтах наделен могучим даром предвидения и лишь оттого ополчился он на Айфе и ее женщин. Ведомо было ему, что не сможет он никак устоять перед ее белым телом и что если появится у нее сын от желания его, смертью будет грозить это рождение одному из двоих. А еще был Дубтах обучен всем древним повестям - и главным, и предваряющим их - и знал, что хотя первым ополчается на отца сын, верх всегда одерживает отец. Но это происходит, если отец не узнаёт свое семя в неведомом пришельце. Оттого и дал он Айфе приметную вещь со своей одежды по первой ее просьбе.

Сидел однажды Дубтах внутри дома на богатом ложе, и толстая доска из звонкой меди висела перед его лицом: когда ударял он в доску, означало это, что хочет он говорить со своими людьми.

Вот ударяет он и спрашивает своих слуг:

- Кто это подъезжает к моему дому на таком странном животном?

В то время гостила у него сильная ведунья и заклинательница по имени Леборхам. И ответила она, хоть не осмеливался никто ее спрашивать:

- Это юный и сильный муж. Никого не найти в целом свете прекраснее плотью, обличем и видом, оружием и снаряжением, ростом, достоинством, отвагой и статью, чем он. Он враг всем. Он неудержимая сила. Он налетающая волна. Мерцание льда этот юноша. Ствол молодого ясеня, заостренный и обожженный на конце, но еще покрытый корой, держит он в правой руке. Его зеленый плащ с серебряной бахромой застегнут красивой бляхой.левой рукой

он держится за оголовье мягкой кожи, чтобы направлять своего зверя. Зверь же его - не подневольный скот, а могучий друг из обители, что прячется под зеленым холмом и выходит на волю лишь в ночь Самайна или когда человеку бывает в том великая нужда.

- Назови клички обоих, - приказывает Дубтах.

- Не таким голосом и не в таких словах следовало бы тебе просить меня, - отвечает ведунья. - Но так и быть, скажу. Имя юноши - Кондла Прекрасный. Имя его подруги, ибо это самка, - Ируйн Великанша. Говорят про нее, что она оборотень, однако в ином ее сила.

Тут подъехал Кондла к воротам усадьбы, как есть верхом, и постучался в них. Дубтах выглянул наружу.

- Приятна эта встреча и мило лицо должника, когда наступает время требовать уплаты долга, - сказал Кондла.

- Что я тебе должен, мальчик? - спросил Дубтах. - Ибо не знаю я тебя и никогда в жизни не встречал.

- Не ты, а я должник, - ответил ему Кондла. - Подарил ты моей матери эту серебряную бляху, что с тех пор не снимая ношу я, в день ее бесчестия. Своей жизнью я обязан тебе.

- Поистине мало желал я этого, - отвечает Дубтах.

- Тогда пойди забери ее назад, если сможешь, - отвечает ему юноша.

Вышел Дубтах за стены дома и ограды, и был на теле его роговой панцирь, а на ногах поножи. На голову он надел бронзовый шлем с гребнем, украшенный сорока самоцветными камнями, в левую руку взял щит с краем, что был остро заточен и окован сверху темным железом, с шишкой из красной бронзы посередине его, а в правую руку принял свое знаменитое пятиконечное копье, которым было можно пронзть сверху и снизу одинаково. Лишь с мясом можно было извлечь его из тела, в которое оно вонзилось.

На Кондле же было лишь то, в чем он прибыл: шлем и боевой пояс из семи слоев бычьей кожи, что достигал сверху подмышек, а снизу колен, и поверх него такое же боевое ожерелье, прикрывающее плечи и шею. Выделана эта кожа была так, как положено для больших лодок по имени *карра* или *коракль*; на них без страха пересекают ирландцы бескрайние морские воды. Когда сошел он на землю, один лишь легкий шест был у него в руке, и оттого воскликнул Дубтах:

- Вижу, явился ты как трус, безоружным и беззащитным.

В ответ на это в один миг пропустил Кондла ствол ясеня между пальцев ног и пальцев рук, и стал шест ровным и чистым, гладким и лощеным - столь гладким, что и муха не могла на него сесть.

- Славно вооружился ты, - засмеялся Дубтах. - Воистину не пройдут наши удары мимо цели.

- Воистину мимо цели пролетят они, - ответил на это Кондла, - если поразят кровного родича или названного им.

- Вижу, много ты в этом понимаешь, коли уж говоришь так краснó. Позаботься лучше о скотине, чтобы ей не вмешиваться в наш спор.

- Слышал я тебя и сделал по твоему слову, - ответил Кондла. И в тот же миг ударил Дубтах копьём, но попало оно как раз в середину щита и отскочило. А сам щит повернулся и острым обожженным концом звонко ударил в середину щита Дубтаха, так что он весь задрожал.

- Прекрасное начало положено! - сказал Дубтах и снова ударил. Но еще раз отбил его сын страшное копьё и снова прозвонил в щит. Тогда направил Дубтах свое копьё в грудь юноши, однако отскочило оно от семи скользких бычьих кож, продублированных и пропитанных жиром, не оставив и царапины. И так длилось, пока силы обоих противников не начали иссякать.

Решил тогда Дубтах поразить сына копьём снизу, ибо знал он грозный и тайный удар ногой.

Поняла это Белая Кошка и испустила свой боевой клич, тот самый, что не мог повторить ни один человек на земле по слабости горла своего. Раздулась она, как огромный шар из чистого серебра, и на каждом волоске ее шерсти повисли крошечные капли огня, а из алого горла ее раздался ужасающий вопль. Застыли на месте все, кто слышал этот крик в доме и в поле, а рыжие молнии отлетели от кошачьей шкуры, по пути диковинно сплетаясь между собой, и накрыли Дубтаха и его оружие мерцающей сетью. Упал он на спину и говорит как будто сквозь морок:

- Не по правде людской поступил ты, сын.

- Я поручился за скотину, а не за учителя моего и друга. Надо было тебе лучше слушать достойную Леборхам, - ответил Кондла и ушел с этого места.

- Он что, теперь умрет? - спросил потом Кондла свою милую Ируйн.

- Не знаю, право. Скорей всего, только проспится, будто с перепоею. Хотя может и умереть без еды и воды. Так будет всяко лучше для него, чем если твоя грозная матушка до него доберется, - ответила кошка.

- Благодарю тебя за это, - ответил Кондла. - Много сделала ты для меня за семь лет моей жизни, многим обязана тебе и мать моя Айфе. Не знаю, чем смогу расплатиться.

- Нетрудно мне сказать, чем, - отозвалась кошка. - Знаешь ли ты, что родина моя - не здесь? В стране Винланд появилась я на свет, в Блаженной Земле виноградных лоз, где царит одна лишь правда, где нет ни старости, ни дряхлости, ни печали, ни горести, ни зависти, ни ревности, ни злобы, ни надменности. Весь огнистый род наш - как бы из светлого живого золота, только у детей бывают крапины на шкурке. Ни белизны, ни черноты не знаем мы. Но вот я родилась такой, как ты видишь, и такой же осталась. Малым ребенком взяли меня викинги на свой Корабль Дракона и перевезли через Море Мрака, ибо показалась я им не вырожденкой, а непостижимым чудом. Узнала я позже, что много воевали они с ирландцами, однако был у них обычай - самый лучший изо всех обычаев: во время войны дарить противнику нечто для себя особо ценное. Так я попала в землю твоих отцов. Взяли меня в курган прекрасные существа и вырастили, и живу я теперь так, как мне желанно. Одна беда у меня: нет здесь

мужа, чтобы во всем был мне подобен. Некому взять меня за себя и назвать милой супругой.

- Ты хочешь вернуться?

- Некуда мне возвращаться: закрылась настоящая страна Винланд для людского взора.

- Тогда отправимся в другие дальние края и поищем вместе, - решил Кондла.

Однако до того повидались они с Айфе и мужем ее Фергусом, и была всем им от того радость. Снарядили Фергус и Айфе добрый коракль и нагрузили всяким припасом, и в урочный день взошли на него Кондла и его Белая Кошка.

Много дней носило их по волнам, но в конце концов прибило к берегу, что выступал в море, будто большая купа деревьев. Холодом веяло оттуда.

- Это мой край - и не мой, - сказала Ируйн. - Хорошим делом будет начать с него.

Позвала она - не тем голосом, что появлялся у нее в бою, но куда более нежным. Тотчас явился огромный прекрасный кот-самец и стал изгибаться всем телом в игре. Золотистая шкура его была вся, от носа до хвоста, покрыта узором из темных колец, в каждом из которых был такой же кружок, и всё это лилось перед глазами, как бегущая вода в реке.

- Берешь ли ты его? - спросил Кондла.

- Три цвета было у тех, кто родил меня: желтый - чепрака и наружной стороны лап, белый - живота и внутренней части лап, черный - глаз и губ. Лишь такого я смогу полюбить, - ответила ему кошка. - Красив этот муж, но очень уж пёстр и тем выхваляется. Подобаает такое холодной змее, а не теплой крови.

Оттолкнулись они от этого берега и поплыли дальше.

Снова видят они землю, песчаную и пустынную. Вдали виднеются коренастые деревья посреди желтого поля, будто злаки полевые либо перезрели, либо давно высохли. Давит с неба жара, будто именно там живут огненные кошки, родня Ируйн.

Тут вышел к ним на зов мощный зверь с гладкой шкурой цвета песка. Косматая грива его развевалась на жарком ветру, рык его был подобен грому, поступь - сотрясению земли.

- Прекрасен этот зверь, - сказала Ируйн, - и жены его подобны мне почти во всём. Однако нет у каждой из них не только гривы, но и одного мужа, и сами они делят себя между многими самцами. Не годится мне это.

- И уж больно тут жарко, - промолвил Кондла.

Вновь плывут они много дней и ночей и, наконец, пристают к иному берегу, теплому и влажному: лес купает свои корни в соленой воде, нет в нем ни дорог, ни тропинок.

Вышел навстречу им прекрасный зверь, как бы отлитый из червонного золота. Весь в следах от лесных теней был он, что навечно слились с его шкурой. Бил по бедрам его могучий хвост, как молот по наковальне, а от рыка его сотрясались самые могучие деревья.

- Хорош, ничего тут не скажешь, - сказала Белая Кошка. - Только боюсь, что совместные дети наши будут больше похожи на флаг одной из будущих стран моей земли - одни звёзды и полосы, полосы и звёзды.

Снова поплыли они и вскоре увидели большой остров, который почти весь представлял собой гигантскую гору со снежной вершиной.

- Туда лежит наш путь, - говорит Ируйн. - Оставим на берегу коракль и двинемся, ничего не боясь, ибо вижу я конец дороги и достижение цели.

Сколько ни шли они, сколько ни пробивались сквозь дремучую чащу - то по земле, то по стволам и ветвям, то по верхушкам деревьев, а достигли они подножья гор близ самого рассветного часа.

Взобрались они по крутому склону и видят: обвился вокруг всей горной вершины диковинный зверь и спит, а от жаркого дыхания его тает снег и плавится лед. Из ярого золота его чепрак, из белого золота лапы его, и сияет он, как расплавленный слиток. Только едва различимые темные пятнышки просвечивают сквозь это сияние.

- Вот кому хотела бы я стать милой супругой, мощной соратницей, верной подмогой во всех его делах! - воскликнула Ируйн.

Пробудился Золотой Зверь и улыбнулся им обоим.

- Хороши твои слова, о Пламенная Кошка Ируйн, - произнес он голосом, подобным летней буре. - И имя твое тоже сходно с моим, ибо зовут меня Огнедышащий Кот Ирусан. Жаль мне, что лишь невестой могу тебя я назвать: вечной и непорочной моей невестой.

- Отчего так? - спросила она.

Говоря это, встряхнулась кошка и оборотилась юной девушкой: белый плащ с красивой серебряной пряжкой облекал ее гибкий стан, серебряный обруч обрамлял ее светлые и как бы седые волосы, ниспадающие до колен, В розовых ушках сияли рубиновые серьги под цвет глаз, на розовых ногах были серебряные сандалии, а сквозь сорочку из тонкого шелка просвечивала белая плоть.

В ответ и сам Ирусан стряхнул свою шкуру и оборотился прекраснейшего вида мужем: желтый плащ с большой узорной пряжкой облекал его мощный стан, широкий обруч красного золота охватывал крутые темные кудри, что достигали пояса. Золотые сандалии на высокой подошве делали его еще выше, а сквозь тонкую ткань длинной рубахи виднелась темная кожа, вся покрытая еле видными смуглыми крапинами.

- Скажи сначала, не пугают ли тебя мои отметины? - спросил он. - Не кажется тебе, что они делают меня похожим на ребенка?

- Это ведь знаки Солнца, - ответила Ируйн. - Так оно говорит всем, что нет совершенства без пятен и показывает, что само Солнце в досталь их имеет.

- Ты права. Ведь так же, как ты родилась белоснежной и сохранила свою белизну, точно так и я появился на свет в детских крапинах и сохранил их навсегда. А теперь назови меня.

- Ты само Солнце.

- Права ты, о Ируйн. Последние мгновения беседуем мы перед тем, как мне подняться на небо. А когда я проделаю весь свой путь, слишком устану я для чего-либо помимо сна. Но знаешь ли? Тогда настанет твоя пора, потому что темны и непроглядны все ночи на земле. И будешь ты плыть по небу, как серебряный диск или серебряная лодка, а люди будут говорить, что заимствуешь ты свет от меня. Неправы они будут, но лишь я да ты - мы двое будем понимать это. А когда совершишь ты урочный путь и вернешься на вершину горы, откуда он был начат, только одно и сможешь ты - спать. Имя же тебе будет - Луна.

- Значит, никогда нам не встретиться? - в печали спросила девушка.

- Нет, почему же? Един будет для нас обоюдный наш путь, и на нем будем мы чувствовать тепло шагов друг друга. Когда тень моя падет на твоё милое лицо или когда ты загородишь меня от земли, это будет встречей. И всякий раз, посылая на землю отражение своё в каплях воды, расплываясь многоцветными искрами в струе или мерцая сквозь туман, я буду дарить тебе еще одну радугу.

- Да будет так! - улыбнулась Ируйн.

Солнечный Кугуар взошел на небо по крутой дуге, а она осталась его ждать. Кондла же вернулся на свой коракль и отправился назад, в Ирландию, к матери своей Айфе и мужу ее Фергусу. Там принял он из рук Фергуса боевое оружие, и рассказывают, что среди этого оружия был меч по имени Лейте, что как радуга светился в воздухе, когда его поднимали, чтобы сразить неприятеля, оттого что сам был радугой, отлитой в светлом железе. А может статься, вовсе и не так это было. Также рассказывают, что, изредка появляясь на земле, становится Ирусан львом с ликом человека или медведем с золотистой шкурой - Ортос или Арктос называют этого медведя. А Ируйн на земле обращается в белую сову, и тогда кличут ее Финдабайр или Гуинивир.

И еще говорят, что со временем появились пятна и на чистой Луне - и что это не кролик, похитивший траву бессмертия, и не враждующие братья, а просто маленькие лунные котята, что рождаются после каждого затмения, солнечного или лунного. Иногда они спускаются по радуге сюда, к нам, и здесь вырастают в котов и кошек - совсем обыкновенных с виду, только что очень сметливых, своенравных и преданных тому человеку, который их от души полюбит.

Сага о Йорун Ночное Солнце дочери Асгейра Пестрого

Жил человек по имени Асгейр Дышло. Он был по происхождению чужеземец и отличался высоким ростом и худобой, от чего и получил такое прозвище; но во всем остальном был не хуже иных прочих. У его родичей имелась земля поблизости от Пастбищного Залива, и там он поставил свой дом, когда вернулся из Миклагарда. Люди говорили, что Асгейр был на хорошем счету у тамошнего конунга, много за него сражался и получил богатые дары; и доля его в добыче была всегда большой. Но известней всего был тот его меч, что Асгейр непременно надевал, когда в дом прибывали гости или когда сам ехал

на большой тинг; только тогда он завязывал на ножнах и крестовине так называемые «путы мира» в виде тонких кожаных ремешков. Был этот меч прямой, с острым концом и хотя длиной не уступал клинкам местных кузнецов, - вдвое их легче. Выкован он был из металлов разного вида и цвета. Средняя пластина - голубовато-белая, как пролитое молоко, тверда и отменно прокована, была вложена между пластинами более мягкого синего железа. Это железо с трудом брала ржавчина, и на нем играли разводы более тёмных тонов. Поверх железа был жёлтый с огнистым отливом металл, слишком твердый для обычной бронзы, а поверх него еще и красивые накладки из красной меди, изукрашенные тайными письменами - рунами в округлых рамках. Эти знаки давали клинку его силу, отчего он долго сохранял остроту и не притуплялся от бранного дела: только становился чуть уже.

Асгейр раздобыл его неизвестно как и где: сам миклагардский конунг в жизни не видел ничего похожего, и поговаривали, что именно его зависть прогнала Асгейра с прибыльной и почетной службы.

Однако сам Асгейр меча не любил и говорил, что он слишком легок для того, чтобы им нанести добрый удар. К тому же и рукоять клинка была странной. На ней умещались полторы мужских ладони и две - хрупкой женщины или ребенка, оттого и рубить им было неудобно.

Впрочем, этот клинок все равно был великой ценностью. Его красота и редкость послужили тому, что имя самого хозяина переменялось к лучшему. Так

как меч стали именовать Пестрым, владельца его прозвали Асгейр Пестрый Клинок, или попросту Асгейр Пестрый. Впрочем, позже меч получил куда более почетное имя: Радуга Сечи.

В Исландии Асгейр высватал себе недюжинную женщину по имени Торбьёрг Корабельная Грудь, красивую, как статуя на носу боевого корабля, и умелую хозяйку. Ее мягкий нрав и приветливость всем были по душе. Жили они в добром согласии, и скоро у них пошли дети. Торбьёрг родила мужу много сыновей, здоровых и годных к любой работе: что на воловьей пашне, что на бранном поле. Однако Торбьёрг всё кручинилась оттого, что у нее никак не получалось родить дочку.

Тут надо сказать, что до прибытия в Исландию Асгейр одну или две зимы провел у норвежцев и был очень хорошо принят. Там ему сильно понравилась женщина по имени Сигню Нерожденная, весьма знатного рода, и когда он собрался домой, она попросилась с ним. Он спросил, есть ли на то воля ее родни.

- Им всем нет до того никакого дела, - ответила Сигню. - Я ведь всего-навсего побочный ребенок Харальда Серого.

На это Асгейр сказал, что у него слишком мало людей, чтобы решиться на увоз женщины из такого сильного и влиятельного семейства, как ее.

- Тогда я объявляю тебе, - сказала Сигню, - что я беременна и что ты - отец ребенка. Когда он родится, я пришлю его тебе с моим знаком на пальце, и сделает это мой доверенный раб. А там - как хочешь.

- Я думаю, что приму это дитя как должно, - ответил Асгейр.

На том оба расстались.

Лет через пять-шесть приехал из Норвегии человек по имени Индриди Вольноотпущенник. Он говорил, что Сигню отпустила его на свободу, чтобы он мог послужить ее дочери, и что на Западе, где он был взят в плен, род его был не менее хорош, чем род самой Сигню. Он привез девочку, у которой на шее висел шнурок с кольцом. Эту вещь Асбьёрг однажды подарил своей побочной жене, и она ее очень любила. Девочка была очень хороша собой: тело у нее было стройное и гибкое, лицо белое и округлое, глаза темные и ясные, а черные волосы блестели как шелк и уже сейчас рассыпались по плечам и доставали до пояса.

А был второй день полнолуния, когда они оба прибыли с побережья, и уже смеркалось.

- Как твоя госпожа ее назвала? - спросил Асгейр.

- Йорун, - ответил Индриди.

- Йорун Ночное Солнце, - сразу прибавил Асгейр. И проговорил еще:

- Думаю, многие люди дорого заплатят за подобную красоту.

Прозвище, которое дал девочке отец, сохранилось за ней до конца жизни.

Торбьёрг приняла девочку с радостью, потому что ей всегда хотелось такую. Асгейр же более того радовался, получив Индриди, потому что с первого взгляда понял, какой тот хороший боец.

Индриди стал воспитателем и защитником всех детей Асгейра и его жены. Он был великодушен, спокойного нрава, справедлив, на диво храбр и искущён во всех воинских искусствах. Он убил в Исландии много людей, но ни за одного из них не было присуждено виры. В доме его сразу полюбили.

Тем временем Йорун росла и хорошела. К четырнадцати годам она была по плечо своему отцу, за что ее ещё прозвали Йорун Длинноногая. Волосы ее стали еще красивее и такими длинными, что когда она их распускала, закрывали ее до самых щиколоток. Скальды любили говорить, что ночью в Йорун отражаются три луны: две в зрачках, а одна запутывается в косе и играет на глади волос. Но она этого не слышала.

Несмотря на молодость, Йорун слыла хорошей хозяйкой: любая работа у нее спорилась. Она была такой искусницей, что мало кто и из женщин постарше мог с ней потягаться в любом рукоделии. А когда мужчины семьи сеяли, Йорун всегда находилась рядом и пела заклинательную песню вардлок, чтобы всходы были дружнее, а урожай лучше. Никто не умел петь вардлок так хорошо и таким красивым голосом, как она.

Однако нрав у нее был не по возрасту крутой, и когда нужно, она была очень храбра. То, что было у нее на уме, могла сказать в лицо любому. Оттого многие говорили, что не Индриди надо было бы приставить к Йорун, чтобы ее усмирять, потому что в самом главном они слишком схожи друг с другом.

Также нередко видели, как она и Индриди вдвоем уходят куда-нибудь на ровное место: на морской берег или темный песок каменных пустошей, - и там упражняются, оттачивая удары, наносимые разным оружием. Это считалось странным занятием, хотя не то чтобы совсем неподобающим женщине. Происходило это, впрочем, открыто и на виду у всех.

Асгейр и Индриди очень доверяли друг другу. Как-то учитель полушутя спросил у своего хозяина:

- Моя любимица уже невеста, и многие сильные мужи уже делают вокруг нее круги, точно ястреб вокруг лебедицы. Что скажешь, если и я к ней посватаюсь?

- Скажу, что ей нужен кое-кто получше бывшего пленника, будь он хоть трижды из царского рода, - ответил Асгейр. - И не такой, что вдвое старше, а к тому же покрепче духом, чем ты и чем любой из тех, кого я знаю. Не ожидал я от тебя таких слов.

- Ты прав: я и в самом деле не тот, кто мог бы с ней совладать, - ответил Индриди.

На том дело и кончилось, и никто из двоих не захотел обидеться на другого.

Жил в то время человек по имени Хёгни с Осинового Холма, человек достойный, но небогатый и, по слухам, не во всем удачливый. Женой его была Гудрун Пригожая. У них родилось трое сыновей и столько же дочерей, и все стали людьми весьма уважаемыми. Самым старшим из сыновей был Старкад

Золотая Пуговица. Прозвище своё он получил оттого, что эта пуговица была единственной его драгоценностью, добытой в опасных походах, и он перешивал ее с одного плаща на другой, когда прежний совсем уж истреплется. Ставил он эту дорогую пуговицу как раз на то место, где сходятся на горле ключицы, и, говоря что-нибудь, теребил ее пальцами. Был он высок ростом, на голову выше других мужей, и очень силен. Он был приветлив, нерасчетливо щедр, прекрасно владел оружием, дельно судил о людях, и его многие любили. Никто не мог отвести ему глаза, ибо он видел всё как есть: однако был по природе молчалив, на словах прям и резок и казался ко всему равнодушным. Узнавал ли он о смертельной опасности или радостной новости, он не становился печальнее или радостнее. Выпадало ему счастье или несчастье, он ел, пил и спал не меньше и не больше, чем обычно.

Старкад единственный из братьев остался холостяком, хотя был на хорошем счету и успел нажить кое-какое добро.

Вот говорит как-то ему отец:

- Всех невест мы с тобой перебрали, кроме одной. Не хочешь ли посвататься к Йорун, дочери Асгейра Миклагардца?

- Отчего ж нет, - говорит Старкад. - Только молода очень, не отдадут ее из-за одного этого.

- А если бы отдали?

- Взял бы за себя с радостью.

- Говорят, у нее дурной и резкий нрав. Нелегко будет вам поладить.

- Может, и правда, только я не верю. Хочу попытать счастья.

- Что ж, это тебе с ней жить.

Поехали они к Асгейру и посватались.

- Я-то всей душой, - говорит им Асгейр, - да и супруга моя скоро пожелает снять с себя бремя. Но нехорошо такое решать без самой Йорун - она еще своей волей не сыта.

Йорун же, услышав от Асгейра о сватовстве, отвечает:

- Тебя послушать, так лучше Старкада нет на свете человека; но пусть бы это хоть как-то было написано у него на лице. Чтобы уж мне наверняка знать.

- Так ты его хочешь или нет? - спрашивает Асгейр прямо.

- Как ты, отец, прикажешь, так и поступлю, - отвечает Йорун, а на лице ее ничего такого не видать.

Вышел от нее отец и говорит обоим мужчинам:

- Согласна моя дочь, только вот подождать надобно три года.

Отец с сыном так не хотят, и решают все четверо, что отпразднуют свадьбу не далее чем следующим летом. На том заключили стовор и ударили по рукам.

А стояло тогда время первого инея.

Вот, значит, вернулся Старкад к себе, а вскорости отплыл в Бьярмию и Гардарику по торговым и иным делам.

На том пока это дело закончилось.

Жил человек по имени Хёскульд, прозвищем Медовый Язык. Он скрылся из родных мест, потому что сразил на поединке человека, который в чем-то перешел ему дорогу, а родичи убитого никак не шли на мировую и не соглашались на выплату виры. Он был на голову выше всех других мужей, кроме разве Старкада, широкоплеч, тонок в поясе и крепок в груди. Руки и ноги у него были стройные и сильные. Также он был очень красив с лица: кожа у него была белая, черты крупные, нос с горбинкой, глаза голубые и взгляд острый. У него были прекраснейшие светлые волосы и великая сила. Он лучше всех плавал, дальше других бросал копьё и попадал в цель из лука и мог долго рубиться мечом и секирой без того, чтобы кто-то держал перед ним щит. Также он был неплохим скальдом и мог долго веселить любое собрание. Словом, всем был хорош. Были у него там, откуда вышел, двое братьев и сестры, а жены и детей не было.

Пришел Хёскульд к Асгейру в дом и говорит тому:

- Хотел бы я послужить тебе, Владелец Радуги Битвы, своей секирой, ручка коей заплетена золотой нитью. А нить эта делает столько оборотов, сколько неприятелей было у моих друзей и родичей.

Удивился Асгейр, что молодой человек говорит так краснó и метко. А обо всём прочем давно был слышан.

- Что же, - отвечает Асгейр, - лучше уж мне служи, чем тому, с кем я в ссоре.

И с тех пор сидел Хёскульд напротив него на всех пирах, и люди не могли оторваться от его губ, когда он рассказывал саги или слагал висы: смеялись, когда он того хотел, и проливали слезы, когда он желал этого.

Вскорости заметили, что он часто шутит с Йорун, а она охотно ему улыбается. Многие стали поговаривать, что он, должно быть, собирается ее одурачить. Тогда Асгейр позвал к себе дочь и начал крепко ее отчитывать.

- Остерегайся говорить с Хёскульдом, когда других нет при этом, - наказал он ей под конец.

- Я и не говорю. Иначе кто бы мог тебе насчет нас донести? - отвечает Йорун.

- Я сказал - ты слышала.

- Когда ты велел мне ждать Старкада из его странствий, я тоже тебя слыхала, - отвечает девушка. - Тогда я поступила, как хотел ты, а теперь - как желаю одна я.

- Ты истинная дочь своей высокорожденной матери, - только и сказал Асгейр.

Вскорости Хёскульд заговорил о своей женитьбе на Йорун. Асгейр на то ответил, что она уже давно просватана за достойного мужа и не след это рушить.

- Это ты не потому говоришь, что хотел бы сдержать слово, - отвечает Хёскульд, - а оттого, что я тебе не люб как зять.

- И оттого тоже. Не хотел бы я видеть дочь за человеком, чьи беды написаны у него на лице, - отвечает Асгейр.

Впрочем, размолвка эта далеко не зашла. Однако Асгейр велел Индриди ходить за молодыми людьми следом, куда бы они ни шли.

Вот однажды видит Индриди, что Хёскульд взял девушку за руку и повёл. Тогда он прихватил свою секиру и пошел за ними. И видит Индриди, что оба лежат в кустах. Замахнулся он на Хёскульда своим оружием, но тот мигом вскочил и в один взмах перерубил рукоять. Видит Индриди, что остался безоружен, и стал отходить назад. Тогда обрушил Хёскульд лезвие своей собственной секиры на спину Индриди и убил его наповал.

- Теперь тебе никак нельзя оставаться у Асгейра, - говорит Йорун. - Он разгневался, но мои братья - еще пуще. Мы все любили Индриди не меньше, чем родного отца. Но еще больше мой Асгейр будет разозлён другим: я от тебя беременна.

- Я пойду и при всех скажу ему о том и о другом, - возражает Хёскульд.

- Тогда тебе никак не уйти живым, - говорит она.

- Будь что будет, - отвечает он.

Асгейр сидел на почетном месте посреди гостей, что как раз случились, и самого разного народа. Его меч по имени Пестрый стоял для почета рядом с ним, с рукоятью, что была привязана к ножнам.

Хёскульд стал перед ним, держа секиру наперевес.

- Отчего ты принес сюда кровь на лезвии? - спрашивает Асгейр.

- Я вылечил холопа твоей дочери от болей в спине, - отвечает ему тот.

- Вряд ли ему это понравилось, да и моей Йорун тоже. Ты убил его?

- Верно.

- За что?

- За мелочь, которая не стоит твоего внимания: он собирался разделить меня ровно надвое.

Во время разговора Асгейр был в таком волнении, что лицо его делалось попеременно красным, как кровь, бледным, как трава, и синим, как смерть.

- Почему он того захотел? Что ты сделал?

- Красивого ребенка твоей дочери. Ему это страх как не понравилось.

- Люди, схватите его и убейте! - тотчас крикнул Асгейр и, выхватив Пестрого из ножен, отчего лопнули путы, замахнулся сам. Однако ему удалось лишь рассечь Хёскульду щеку.

- Хорошо же ты обращаешься со своим зятем! - ответил Хёскульд. Мигом обернулся на пятке, как волчок, и, размахивая тяжелой секирой во все стороны, разогнал толпу, расчистил себе путь и выскочил из дверей. Когда за ним погнались, он уже скрылся в лесу.

Братья Йорун долго его искали, только попусту.

Говорили позже, что Хёскульд вернулся к родичам, которые жили далеко отсюда, и что с вирой там как-то уладилось.

Сколько ни прошло после этого, но вот Старкад возвращается с полными руками добычи. На нем хорошие сапоги до колена, русская бобровая шапка и

синий плащ с золотой нитью, отороченный соболями; но пуговица как была, так и осталась. И просит он не медлить более со свадьбой.

- Стыдно мне будет на пиру глядеть тебе в глаза, - отвечает Асгейр. - Не я, но Йорун нарушила сговор по своей дурной воле: в этом она поистине дочь своей матери.

- Не говори плохо о своей родной крови, - отвечает Старкад. - Ну да, говорили мне, что с нею возьму изрядную прибыль, но, по-моему, большее всяко лучше меньшего.

- Теперь уж ей не вернуться, - отвечает Асгейр.

- Не неволь ее, - возражает ему жених. - Дай мне поговорить с Йорун так, чтобы никто о том не знал.

Асбьерг позволяет.

Тогда Старкад идет и находит девушку в молочном сарае, где та делает отменный сыр со слезой.

- Послушай меня, Йорун, - говорит он. - Когда ты родишь мальчика, это будет всё равно что мой родной сын, и я наделю его богатством вровень с прочими моими сыновьями. Но врать на его счет я тоже не хочу. Ну а если то будет девочка, я выдам ее замуж куда лучше и выгоднее, чем твой отец тебя.

- Думаешь, это возможно? - отвечает она и утирает лицо долгим рукавом.

На том оба поладили.

И еще одно говорит жениху Йорун:

- Отец на радостях даст за мной целое богатство. Но ты поторгуйся и не уступай, пока он не отдаст тебе свой пестрый меч. Потому что, скажи, без него я с тобой не уйду и не унесу из дома свой позор.

Асгейр, однако, и не подумал долго противиться. Клинок ему никогда не был по душе, а тут еще и подвёл его в деле с Хёскульдом.

Свадьбу сыграли великолепную. Все, однако, видели, что невеста сидит печальная: как говорят, что смолоду запомнится, то не скоро забудется. И еще говорят: глаза не могут скрыть любви. Поэтому никто не ждал добра от этого супружества.

Хоть Старкад и разбогател так, что с ним стали считаться многие, но Йорун приходилось трудиться и держать дом, двор и скотину в порядке. Всё у них с мужем было словно о двух головах - такие они были рачительные хозяева. Однако заправляла делом больше Йорун, ибо Старкад нередко бывал в отлучке. Скоро ее начали считать властной женщиной, которая держит тихоню мужа на короткой привязи.

Так и шло: весной, летом и осенью работали не покладая рук, но зимой все домашние получали передышку: играли в тавлеи, рассказывали и пели у огня саги, всяко улещали своих женщин - словом, вволю занимались всем тем, что придает веселье домашней жизни.

Ребенок, девочка, родился в положенный срок, Старкад облил ей головку водой из ковша и нарек Фрейдис. Так как у Йорун не хватало для нее молока, ее

сразу же отправили на богатый дальний хутор в лесу, где никто не строил догадок насчет того, чья она дитя, и постепенно все про неё забыли. К слову, она выросла на диво крепкой, умелой и покладистой, но красоты своих родителей не унаследовала. Вышла замуж Фрейдис, тем не менее, прекрасно и всю жизнь провела в большом почете.

После первой брачной ночи Старкад не входил к жене всё то время, пока она была в тягости, да и потом навещался в ее спальню редко и всегда закрывался изнутри на щеколду. Детей у них больше не было. Сплетничали люди, будто так получается оттого, что Пестрый Клинок всегда лежит между ними третьим. И говорили еще так: «Хитра и умна Йорун: вместе со срамом унесла из дому свою главную любовь».

В самом деле, в отсутствие мужа она постоянно полировала меч и гладила точилом лезвие, а в тайные знаки смотрелась, будто в зеркало. Также она обмотала рукоять тонкой кожаной лентой.

Вот как-то говорит Старкад жене, лежа рядом на постели:

- Знаешь, как ты могла бы со мной развестись? Твой отец ныне один из законоворителей на тинге и хороший знаток уложений. Пойди к нему и скажи: «Я не хочу больше Старкада возле себя. Когда он приходит ко мне, плоть его становится так велика, что он не может иметь никакой утехи со мной, и хотя мы стараемся по-всякому, ничего не выходит».

- Ты тогда, в молочном сарае, не захотел говорить неправду, так и я нынче не стану, - отвечает она.

На том и покончили.

Однажды вскоре после этой беседы снова ночевали супруги вместе. А надо сказать, что Старкаду нередко снились вещие сны, особенно когда лежал он рядом с Мечом-Радугой. Вот посреди темной ночи вскрикивает он, будто его убили, и садится на ложе.

- Что с тобой? - спрашивает Йорун.

- Приснилось мне скверное, - отвечает ее муж. - Будто в поле подъезжает ко мне статная женщина на сером коне, надевает на меня тесный красный плащ и такую же красную шапку, и отвечаю я на ее дар таким стихом:

«Кровью моей окрашено
Ложе лозы покровов,
Меркнут лучистые луны
Ресниц сосны ожерелий.

Влагу ланит не скоро
Осушит осина злата,
Стеная о павшем в бурю
Клёне моста великана».

- Это та старая виса, что сложил и спел перед смертью твой дед по имени Скарпхеддин Неудача, которого сожгли в отцовском доме, - отвечает Йорун спокойно. - Только две вещи в ней новые: серый конь, что пророчит кому-то кровавую смерть, и мост великана - а это означает крепкий щит, который перебрасывают с борта одного корабля на другой при штурме. Невелика сила такого предсказания.

- Всё же надо быть к тому готовым, - отвечает Старкад. - Распоряжусь-ка я, пожалуй, чтобы Фрейдис увезли в глубь страны, где никто не селится из-за горячей земли, кроме ученых монахов Белого Христа. Заодно и читать выучится.

Прошло еще время: лет пять или шесть. Сидят однажды Йордис с мужниной сестрой в малой светлице и шьют из дорогого скользкого шелка. Звали ту сестру Хильдис Женщина-Скальд, и язык у нее был поострей иного копья. Любила она говорить людям вещи, для них неприятные.

- Не откажи, сестрица, помоги мне скроить рубашку для мужа моего и твоего брата Старкада, - просит Йорун.

- Как это? Такая искусница и рукодельница - и не умеет? Отчего бы тебе не скроить ее своим дареным мечом? - отвечает Хильдис.

- Не смейся надо мной, - просит Йорун.

- Я вовсе не смеюсь. Вот только думаю я, что навряд бы ты стала просить кого-нибудь скроить рубашку для Хёскульда, отца твоей дочери и твоего настоящего мужа.

А тогда еще не отменили старый закон, по которому для заключения брака мужчине только и надо было, что посеять семя в чрево и дождаться плода. Но поистине мало кто так поступал.

- А что там с Хёскульдом? - отвечает Йорун. - Я совсем забыла про него.

- Зато он, я так думаю, помнит. Говорят, что он высадился на побережье неподалеку от Осинового Холма и что с ним немало народу.

- Не могу ему этого запретить, - отвечает Йорун. - Я не владею всеми землями в Хельгеланде с его подземным огнем и черными песками, но только малым клочком земли, который дал мне муж как приданое моей дочери Фрейдис.

А это была строка из старинной висы, что начиналась так:

«Малый клочок земли
Смелому служит уделом.
Золота клён оделил
С лихвою вершителя боя».

Стихи эти, которые все знали, наизусть, предсказывали битву или поединок, грозящий верной гибелью тому, кто заставил их вспомнить.

А Старкад всё слышал и понял, потому что как раз стоял рядом с дверью. Отворил он ее и произнёс:

«Пламени бури сражений
Должно покинуть ножны.
Всадник коня приливов
Падёт от удара секиры».

И все прочие сошлись на том, что предсказал он себе самому гибель такую же, как Индриди.

Потом вышло следующее. Привёз некогда Старкад из своих странствий немного самосевной пшеницы, что росла в Винланде на влажных местах, и решил высеять ее весной на дальнем заболоченном поле, которое было распаханно на старый лад, совсем неглубоко. А выглядел он так: в руках у него было решето, на плечах старый плащ, на голове старая шапка, а за поясом меч. На краю поля стояла Йорун с Мечом-Радугой в руках и ждала, когда надо будет петь варлок по мужнину слову.

Тут видит Старкад, что его жена чуть пригнулась и развязывает кожаные ремешки на ножнах.

- Что такое? - спрашивает он.

- Пустяки. Там вдалеке едет Хёскульд со своими людьми. Не так их много, но все хорошо вооружились.

А надо сказать, что после того дела Хёскульд не таил обиды на Асгейра, сочтя свою рану виной за смерть Индриди. Но вот то, что Старкад забрал у него жену с ребенком, казалось ему бесчестьем. Все в округе успели об этом от него услышать.

- Может статься, не простые бонды нынче ему нужны, - ответил Старкад жене. Однако поставил решето наземь и взялся за меч.

Как раз на этих его словах Хёскульд поворачивает коня, и его люди тоже. И говорит он:

- Вот и увиделись мы, Старкад. А теперь уступи-ка мне доброе оружие, что у тебя в руках, а в придачу к нему твою супругу.

- Завоюй их в честном бою! - отвечает тот. - Иначе не бывать твоими ни мечу Радуге Сечи, ни жене моей Йорун Ночное Солнце!

И лицо его нисколько не меняется при этой беседе.

- А ведь Хёскульд полагает, что я и так его, - говорит Йорун себе под нос. - И тот клинок, что у меня в руках. Он, кстати, их перепутал: ведь ножны у обоих мечей одинаково простые и незатейливые. И что моя дочь - его имущество, он тоже не сомневается. Но уж вот ее он ни под каким видом не получит - ведь ты, мой супруг, отлично о том позаботился.

С этими словами достаёт она Пестрый Клинок из ножен, и его цвета и знаки ярко вспыхивают на солнце.

- Лиха ты не ко времени, женщина, - говорит ей Хёскульд. - Никогда ты не видела человеческой крови, помимо своей собственной, и не знаешь, что с тобой станется, когда увидишь. Убийство - оно не по тебе.

- Кто многожды видел свою темную кровь, не побоится и чужой светлой, - отвечает ему Йорун.

- Отступи пока в сторону, милая жена моя, - говорит на это препирательство Старкад. - А ты, храбрец, сойди с седла, оставь тех людей и иди ко мне один. Иначе будешь злословить, что вы всем скопом не могли одолеть двоих.

Тут соединили мужи свои клинки и стали обмениваться сильными ударами. При Хёскульде была его знаменитая секира с рукоятью, что заметно потолстела от золотой обмотки, и крепкий большой щит, а у его противника вместо того и другого простой меч, да и тот был коротковат. Однако не было Хёскульду в щите большого проку, потому что никто не держал его перед ним, а секира отчего-то вдвое потяжелела. Почуввав это, ударил Хёскульд по мечу Старкада и вышиб его. Он хотел отрубить тому правую руку, но не вышло с первого раза.

- Стыдно тебе нападать на безоружного, - говорит тут Йорун Хёскульду.

- Пока воин держится на ногах, он бьётся, - рассмеялся тот. - И не тебе говорить о стыде, жена двух мужей.

- Одного, - коротко ответила Йорун и послала Радугу Сечи в полёт. Говорили потом те, кто видел, что именно так всё и было: клинок на миг стал живым, почуввав знакомую кровь, и обрёл крылья. Всё это выдумки глупцов и трусов. На самом деле Йорун попросту обхватила рукоять меча своими тонкими ладонями и в длинном прыжке ударила им вперед, как копьем. Целила она между щитом и левой стороной груди, но случилось так, что щит опустился и острие проткнуло низ живота Хёскульда, выйдя рядом с хребтиной. Женщина тотчас выдернула меч, и наружу показались кишки.

- Отъелся я в родных местах, - промолвил Хёскульд, - вон сколько тут жира.

И упал ничком, зажимая рану руками.

Говорят, что напоследок сложил он такую вису:

«Вязу сражений пристало
В Одина буре погибнуть.
Дивной дисе нарядов -
Ливень двух лун проливать.

Тонкую льдину сечи
В грудь мою направляет
Хозяйка моста дракона,
Ива огня приливов.

Подем пламени волн,
Фрейей льдины ладони
В Бездну Мрака отправлен
Возничий морского вепря».

- Поистине, всё золото и всё серебро мира должны стать твоими, - сказал на это Старкад. - Ибо всегда знал я, что мне досталась хорошая жена, но только теперь вижу, насколько хорошая.

- Я не такая жена, какой хотела бы быть, - ответила на это Йорун. - Нечто случилось между нами обоими в ту первую ночь, когда ты подарил мне дитя взамен потерянного. Почему бы тебе не вложить свой добрый меч в достойные его ножны, как я поступила ныне с Радугой Сечи?

- Дело ты говоришь, - сказал ей муж.

Однако сперва поручили они Хёскульда стараниям его людей, которые мигом позабыли, как драться, и сели оба на его рьяного жеребца. Так объездили они ближайшие дворы и усадьбы, рассказывая тем, кто хотел их слушать, что они убили Хёскульда, но платить за это всю положенную виру не станут, потому что он первый начал. Впрочем, впоследствии оказалось, что Хёскульд выжил, хотя долго пробыл в постели рядом со смертью. Вот только детей у него больше не получалось.

А Старкад и Йорун жили в полном ладу и богатстве еще долго, и от них пошло многочисленное и славное потомство. И говорили все, кто их знал, что вдвойне счастлив тот муж, которому одно солнце светит летним днем, а другое - бесконечной зимней ночью.

На этом кончается сага о Йорун.

Примечание. Все примеры вис взяты из русских текстов саг, только та, что сложил Хёскульд, - авторское подражание стилю.

ОГНЯНИК

Молодая женщина сгрузила свою котомку у покосившихся ворот и стала пытаться ржавый висячий замок ключом, который висел на потертом шейном гайтане. Все ее движения, все вещи, которые окружали ее, были нарочито неловкие, старомодные, дряхлые, будто она хотела заклясть ими само время. Не эlegantный рюкзачок, который подарили ей на позапрошлый день рождения, - но та самоотрочная поделка, что бросил наземь ее муж, отправляясь в город налегке. Не брючный костюм успешной бизнес-леди, а шерстяная, вся в складках, юбка, жакет в талию и платок, скрученный в тугую жгут и повязанный поверх кос. То **памятное**, что осталось от матери, да и самой матерью сохранялось лишь по чистой ностальгии.

А уж ключ! Копию этого чудища отказывались делать еще десять лет назад: длиной в ладонь, с многоступенчатой, как космический корабль, бороздкой, он так и оставался в единственном экземпляре. Это при том, что на замок никто не покушался даже в эпоху тотального воровства. Старый, из грубого чугуна - чем снять, проще поверх калитки сигануть.

Так она и поступила, благо ловкость осталась девичья.

Открыла изнутри засов, соединивший два куска гнилой ограды, прошла по замусоренной мхом и грибами-дождевиками тропке, что вилась под зарослями бурьяна и одичавшей малины, по пути потрогала одинокий, весь в парше, яблоневый ствол - и оказалась лицом к лицу с домом. Ах, наш общий семейный угол - дряхлое прибежище летних времен! Совсем прежний, если не вглядываться. Даже удивительно после стольких лет и после унылой шеренги брошенных элитных особняков, которую она видела по дороге со станции. Конечно, перила завалились, но крыльцо даже не подгнило - на цементные блоки ставили. Как хорошо было тут сидеть с книжкой или миской земляники на коленях! Или с ними обеими. Окна не побиты, и сквозь мутное стекло видны щиты, которыми окна были заложены изнутри. Дикий виноград, когда-то еле живой, разросся узловатыми плетями - последние годы всё растительное так и прёт, как из квашни с хорошо расстоявшимся тестом. Тропинка ведь по голому месту шла. И эти люпины шеренгой перед фасадом, все сплошь фиолетовые, как назло. Вырождаются без ухода, как ей говорили.

Вдова решительно поднялась на ступеньки, вынула маленький блестящий ключ с фигурной бородкой и отперла дверь на веранду. Прошло точно по маслу, подумала она. А ведь двойные створки что ни год опускались, приходилось без конца подпиливать снизу.

Внутри хлам и дрязг, ватную обивку зимней двери, что ведет в теплое помещение, пообъели мыши, этажерка - винтажная, с резными столбиками, - одной ножкой провалилась в гнилой пол. Снова достаётся ключ, английский замок опять поддается без малейшего сопротивления, и женщина оказывается в комнатухе, которую можно назвать столовой. Хотя семейное название было - кухня. Здесь, на столе, вписанном в стены, как квадратура круга, резали овощи и прокручивали мясо, ломали надвое краюху черного хлеба и макали горбушку в мёд. Под умывальником мыли посуду, складывая на тумбочку - внутри последней коварно затаилось вонючее помойное ведро - или на трухлявый венский стул.

Из кухни два открытых дверных проёма ведут - один к зеву, другой прямо к плите большой голландки. Чтобы печь исправно готовила еду, ее саму приходилось кормить досыта. Вот и сейчас женщина видит, что на обитом железными полосами куске пола перед печной дверцей стоит чугунная корзина с дровами, а рядом - кочерга с тяжелой бронзовой рукоятью и такой же совок.

Женщина только сейчас ощущает, как продрогла: лето холодное - год от года всё холодней - и насквозь сырое. Однако прежде чем растопить голландку, надо залезть на стул и открыть заслонку в трубе - прямо над плитой с двумя конфорками. Крышка вся в чернющей саже и пачкает непривычные пальцы. Когда женщина слезает вниз и открывает малую дверцу поддувала, оказывается, что там полно золы - хрупкие серебристо-серые хлопья, которые приходится выгребать в ведро.

Наконец, дрова загружены, подожжён для затравки клочок старой газеты, робкое пламя лижет сначала слова - **«тягой к аскетизму... возврат к идеалам сельской и загородной... апатия»** - потом нащепанные ножом лучинки и, наконец, почуяв исправную тягу, весёлым флажком перекидывается на сухие, хорошо выдержанные дрова.

- Так только насчет коньяка говорят - «выдержанный», - вслух думает она. - Или о человеке.

И садится на корточки перед открытым огнем.

Щедрое березовое тепло понемногу заставляет ее раздеться из всего вдовьего и вороньего: сменные одёжки она успела найти в огромном, на полкомнаты, дубовом шкафу. Голубое ситцевое платишко, что выгорело до неразличимости рисунка на нем, синюю кофту с роскошными янтарного цвета пуговицами, мягкие туфли, чуть тронутые зеленоватой плесенью, но сухие.

Пока она справлялась с ними - потолстела, детушка, раздалась в боках от своей конторской, то бишь офисной жизни, приговаривает некто в ней едким

старушечьим голоском - огонь в печи развеселился, начал прыгать и стрелять в пол угольками. Только успевай бить по ним кочергой...

В этот момент во внешнюю дверь что-то тихонько поскреблось и стукнуло - будто когтем.

Женщина вышла, накинув поверх кофты платок,
На пороге стоял мужчина.

- Здравствуйте. Я, собственно, сосед ваш.

- Очень приятно, - машинально пробормотала она. Какие тут соседи - дома насквозь пустые, а на другой стороне улицы лес. Ну, лесопарк бывший, разницы-то сейчас...

Молодое смугловатое лицо, длинные волосы будто пылью присыпаны и собраны сзади в пучок. Черноглаз и чернобров, в плечах, правда, узковат и роста небольшого - таких она почему-то не боится, будь они хоть какие айкидошники и каратэисты.

Да, она не боится. **Не боится.** Ибо не отнимешь того, чего нет, будь то положение в несуществующем обществе, работа, семья, дети... сама жизнь.

- Я, собственно, вот зачем. У вас тут медного лома не найдется?

- Вот кочерга только. Тяжелая. Не подойдет? - инструмент в одну секунду поворачивается к антагонисту боевой частью. Он смеется:

- Я о вторсырье думал. Бронза тоже неплоха.

- Не думала, что пункты приёма цветных металлов еще водятся на этой грешной земле, - отбивает она.

- Я для себя. На переплавку. Электрум тоже можно. И латунь. И мельхиор. Золота не отдадите, если и имеется, верно? А вот олова и чистого серебра мне даром не надо. Все в угар уходят.

- Ремесленник? Мастер?

- Можно и так сказать.

Внутренней старухе приходит в голову, что золотое колечко и серьги в ушах можно бы и обменять на кой-какой съестной припас или кухонную утварь, но затевать торг как-то неуместно.

- Я же не даром, - отвечает пришлец на невысказанные мысли. - Даром - это на полигонах и развалинах.

- Посмотрю, - отвечает женщина. - Вряд ли что отыщу, правда. Здесь оставляли то, на что никакой вор не польстится. Книги, тряпье, всякая рваная рухлядь...

- Разные бывают вору, - философски отвечает мужчина. - Так я загляну завтра, можно?

- Отчего же нет, - отвечает она, прикидывая, осмелится ли дожидаться - или, наоборот, пуститься в дальнейшие странствия из места, как ни на то уже угретого. Странствия, кстати, совершенно бесплодные.

- Погодите, - решается она. - Я поищу сейчас, а то мало ли что завтра случится. Вы что на обмен даёте?

- Да что угодно, - глухо говорят ей в спину. - Вплоть до себя самого.

Пока женщина лихорадочно обыскивает схроны и детские прятки, шарится по углам в поисках старой проводки, сантехнических запчастей и оковок от мебели, съеденной жучком еще до ее рождения... Пока руки перебирают всякий пустой хлам, рассудок удивляется; отчего это на язык приходят такие архаичные обороты?

- Вот, - она предъявляет спутанную трансформаторную обмотку, пестик без ступки и пригоршню латунных шайб. - Но это и всё, наверно.

Одна рука протягивается, другую отводят. Немой ритуал торга.

- Что вы можете предложить на обмен?

- Стограммовую пачку кофе. Настоящего.

Это слишком дорогая, подозрительно дорогая плата и лишь помеха на долгом пути, но...

- Покажите образец.

- Турка у вас найдется? Или хотя бы кофейник. Сахар с собой в котомку брали?

Через минуту стальная кастрюлька с носиком уже на плите, надбитые чашки и штук семь черствых пряников - на салфетке, брошенной с краю стола, люди - за столом.

- Неудобно распивать напитки с незнакомцем.

- И с незнакомицей.

- Зоя Владимировна. Просто Зоя.

- Владислав. Просто Волек.

- Иностранец?

- Славянин, однако.

- А кофе хороший.

- Редкий даже по докризисным меркам.

- У нас был кризис? Вот не заметила.

- Вялотекущий. Растянулся лет на двести, по моему подсчёту.

В большом, «чистом» зальце расположена тыльная часть голландки, ровно побеленная панель с одной вьюшкой на верху и даже без трещин в обмазке. Когда Зоя протопила печь, а Волек затворил трубу, оба догадались, что это самая тёплая комната в доме. И самая светлая - если щиты в окон отвалить.

...широко распахнут старый диван под названием «тахта», низкий, с подушками и валиками, и застелен пледами и шальями. Не беда, если всему этому больше лет, чем самой Зое, что распахнула, расстелила саму себя посреди тахты, закрылась маленькими ладошками. Не хватает их на всё и вся, да что поделать!

Руки Волека бережно отводят их, губы снимают пылинки с кожи, зубы чуть покусуывают соски.

- Какие холодные. Какие острые. Ты вампир, что ли?

- Ой, нет. Я из противоположной сказки.

В самом деле - его тело как жаром налилось, в глазах пляшет сизый туман, а волос... рыжий совсем сделался, когда пыль отряхнулась.

- Ты что в чашки, кроме кофе, плеснул - коньяка, что ли?
- Отвар любистка. Да ты, небось, и не знаешь, что это такое.
- И знать не хочу. Ой, Волек-волк, я совсем дурная.
- Это от счастья. Мой дружок Георгий верно говорит, что самое лучшее блюдо - это молодая вдова, что несколько лет томилась в собственном соку.
- Наглец непотребный. Непочётник.
- Да? Так ударь меня в отместку. Хотя бы этой косою распущенной.

Она некрасива, хотя сейчас об этом не помнит и не знает. Одни волосы хороши - что длиной, что цветом. Гладкие, каштановые, скрученные в жгут - скользят по его спине, как змея, и снова падают ей на живот вместе с его поцелуями.

Вместе с его руками, что позволяют себе невиданные дерзости. Обхватывают грудь, скользят по пышным ягодицам, отчего безымянная женщина выгибается навстречу ему, как боевой лук. Проникают во все тайные, запретные отверстия.

Вместе с его языком, что раскрывает лепестки губ, нежно касается ушных мочек, играет с сережками, скользит в глубь раковины, вливает в нее дотоле несслыханные слова:

- В тебе много светлой воды, прекрасная моя: ты течешь как ручей.
- А ты - темный огонь. Ты раскалённая твердь. Кто говорит с тобой за меня?
- Твоё желание. Твоя жажда.

Он как мощное копьё в ее ладонях, но противится. Перехватывает руки, прижимает к ложу:

- Сам. Твоё дело - подчиняться.

И вот она уже поднята, как мост, пронзена, точно клинком, нанизана, словно скатный жемчуг на нить. Не сорваться. Не уйти.

Это он уходит.

Откатывается волной жара.

На дальнюю сторону постели.

- Я не умру?

- Что за мысли приходят тебе в голову! Нет. Во всяком случае, пока не родишь моего ребенка.

- Что за мысли приходят в голову тебе. Я же... прости... стерильна.

- Вот оно что... Как вы - почти все.

Владислав не спеша одевается - душно обоим. Оранжевый вечер глядится в окно, завтра будет непогода. Но сегодня солнце смотрит сквозь поредевшие облака.

- Зоя. Жизнь. Ты пока в паломничество не пускайся. Я вернусь. Беспременно.

На следующий день Зоя послушно ждёт. Бродит по саду, обламывает сухие ветки с плодовых и бесплодных деревьев, смотрит в печной огонь, пытаясь расшифровать его арабески. Есть неохота, хотя в мешке найдутся припасы на первое время. А вот кофе легко идёт: славно, что хотя бы эта отрава имеется.

Волек пришел нежданно-негаданно, хоть и глаза проглядела.

- Вот, подарок тебе. Рядом с ключом и крестом повесь.

Овальный слиточек из перевитых прядок разного цвета: желтых, красных, рыжих. Будто расплавились, но не перемешались. И ушко на нем.

- Амулет. Сегодня слепил.

Это вульгарное словцо режет слух - но в нём имеется какой-то иной смысл, пугающе буквальный.

Но Зоя не успевает додумать эту мысль - минуту спустя любовное безумие накрывает обоих снова.

И сливает день с ночью.

Утром снова уходит: жди. Разжигай своё пламя втуне.

Зоя смотрится в зеркало, упрямое в недра славянского шкафа: наверное, когда-то узкое пространство между отделений служило сервантом. Она сильно похудела в эти считанные дни - но и похорошела. Зеленоватые глаза обведены черным и блестят, губы напухли, прямые волосы чуть завились на концах.

Когда она выбирается за ограду - та, впрочем, капитулировала наподобие самой Зои и теперь лежит на вялой траве - за поворотом ждёт прекрасная неожиданность. К бывшему продуктовому магазинчику подъехала крестьянская лошадка с возком, на котором, белым по зеленому, неумело выписано слово «Хлеб». И что самое замечательное - так и есть взаправду. Некий сельский житель решил подкормить остатки дачного населения самодельным продуктом. Хилая очередь из трех-четырех человек стоит терпеливо, Добавочное удовольствие - вдыхать упоительный дух свежей выпечки, торговаться напоказ, выбирать из нехитрого изобилия: взять калач, халу или франзольку? А, может быть, сладкую булку, сдобренную хрустящим, с косточкой, изюмом?

Зоя оставляет здесь свои сережки - кольцо стоило бы поберечь до следующего раза - и с гордостью несет в руках добычу: слоёное, обсыпанное сахаром сердце величиной в обе ее ладони.

Сердца хватает на два дня. Волек только для виду отщипнул кусочек, да и ей не больно охота.

На следующее утро возок снова приезжает, но очередь как-то странно косится на Зою - вернее, на дарёное Владиславом яйцо.

Той последней ночью, после любви, ей снится сон.

Будто лежит она посреди зеленой лужайки, и высокая трава, смеясь, гладит и щекочет обнаженное тело. Колышется...

И тут Зоя понимает, что это огромный змей, и она лежит в его извивах, точно в колыбели. Голова змея увенчана короной, чешуйчатый хвост охлестывает бедра женщины, длинный тонкий язык разнимает стиснутые колени, проникает в лоно, как струйка огня. Дрожит, трепещет - и встречает встречную волну содроганий.

От ужаса или счастья она кричит?

Наполовину проснувшись, женщина видит, что змей никуда не ушёл. Только он алый, золотой, черный... Смердный.

- Просыпайся, дурёха. Угоришь ведь. Испечёшься заживо, - голос Владислава доносится непонятно откуда. - Слишком я увлёкся.

- Печь, - еле доходит до Зои, когда ее уже уносит - неужто через рухнувшую крышу? - Сажа в трубе загорелась.

- Или поселковые доброты ведьминское гнездо подожгли. Тоже вариант.

Наверное, она всё-таки погибла, потому что летит внутри жаркого алого смерча, а внизу - блики и мерцание, которые ширятся... ширятся кругами.

- Дыши против лёта, а то горло воздухом забьёт, хуже того задохнёшься, - говорят ей.

Она видит огромную плоскую голову, увенчанную рогатой короной, чешуи, в которых, как в раскалённых угольях, переливается рыжеватое-синее пламя, и, наконец, **понимает**.

- Ты дракон. Огненный Змей. Который летает к молодым вдовам, чтобы ввести в соблазн и убить.

Владислав - а это он, он! Оборотень клятый! - смеется:

- Умница, даром что современное воспитание с образованием имеешь. С пол-оборота угадала.

- Куда ты меня уносишь?

- Куда захочу. Подальше от вселенского пожара. Погляди вниз, любимая моя. Видишь? Смотри еще.

А там нет ничего: только чернота и яркие искры, что хищно перемигиваются, перелетают из одной тьмы в другую. Оттуда, где они есть - туда, где их еще не было.

- Ты всё попалил. Всё, что мне осталось на земле.

- Как это «всё» было ничтожно! Горсть праха и гнили.

Зоя изо всех сил бьёт кулаком по колючему панцирю.

- Я там родилась, скотина.

- И хотела там же умереть, наверное? У тебя это прямо на языке вертелось все дни. Погоди, вот разомкну кольцо, упадешь вниз - будет тебе смерть.

Пока они спорят, пепелище понемногу кончается и вдруг **перестаёт быть**.

Внизу - одетая утренним светом густо-зеленая кипень, бреющий полет Змея колышет ее, опрокидывает наизнанку кроны. Лес. Бор. Пуща. Тайга. Парма. Зоя вспоминает все имена сразу.

Корабельные сосны, прямые и мощные стволы. Редкие кедры и ели. Курчавая шевелюра светлых берез, кленов и лип.

- Что это?

- Мой дом, - говорит летучий зверь и начинает кругами заходить на посадку. Ложится брюхом на плиты и размыкает объятие.

И ничего такого особенного. На противоположном краю поляны стоял обыкновенный «новодеревенский» коттедж, какие строили тысячами, а потом бросали тысячами, рассчитанный на столетия, но пришедший в негодность сразу же, как отключили свет, воду и канализацию.

Хотя этот ловко срубленный из лиственницы (такое Зоя выучилась понимать на одной из прежних работ), плотно сложенный «в чашку» бревенчатый дом выглядел живым.

Внутри него тоже была жизнь.

Люди в странных тускло-желтых туниках, с неподвижно красивыми лицами вышли из него и выстроились шеренгой, кланяясь прибывшим.

Змей тем временем совершил нечто уж вообще неопишное: поднялся с земли спиной к людям и закрутил себя в заднее сальто - наружу блестящим золотым брюхом. И снова перекинулся в человека.

- На меня смотришь? Нет, ты туда смотри. Они ждут, когда ты на их «здравствуйте» ответишь. Не очень-то старайся. Это бронзовые роботы.

- Не поняла.

- Андроиды. Как у моего уважаемого предка Гефеста. Только у него было - две девушки для услуг и еще Талос для защиты окрестностей, а у меня целых девять. Четыре юницы и пять мужей. Те еще были хлопоты. Их ведь нельзя делать из самородной руды - только из того, что было приближено к настоящему человеку.

- Вот зачем ты вторсырье собирал.

Прозаичность беседы почти успокаивает Зою, лишь некая тошнотная мусть скопилась где-то под ложечкой и давит.

- Ага, вот за этим, - Владислав протягивает вперед руку и слегка сжимает в кулак. Будто мнёт и лепит.

Он и в самом деле вылепил этих тварей. Размягчил металлы своими раскаленными лапами, соединил в какой ему вздумалось форме и вдунул в них парадоксальную жизнь, понимает Зоя. Как и... в амулет.

Рука тянется к замусоленному шнурку, пытается сорвать.

- Не смей. Это не твоё. Лес вокруг твой, особняк твой, рабы твои, но оберег - для моего сына.

- Какого? Господи...

- Того, кого ты мне родишь. Здесь, в этом доме, под строгим присмотром. Нет, ты думаешь, я тебя из беды выручал? Я своё нынешнее семя спасал в тебе. Это ему одному защита и различие. Хочешь, чтобы я дитя потом нашёл и принял - наденешь амулет ему на шейку. Поняла? А теперь прощай - и помни хорошенько. Приду - спрошу.

Снова круговорот, колючий вихрь искр и пыли. Гром и мимолетная зарница с той стороны полуночных облаков.

Андроиды, не дожидаясь ответа от своей новой владелицы, окружают ее, никак не могущую оторваться глазами от неба, берут под руки и почтительно уводят в палаты - отдыхать.

«Ведь он сам и поджог, - говорит себе Зоя перед тем, как окончательно погрузиться в видения. В эти минуты мысли особенно похожи на кристалл, ибо не замутнены телесными ощущениями. - Распался страстью, как говорили в

старину. Может быть, он и куркуля в посёлок заманил - посулил выгоду ему, получил сам. Не золото... это мог бы и без такой выдумки со всех жителей получить. Выхватил, что хотел, и сделал, что задумал».

«Он» - других названий для зверя у нее нет и не будет.

«Но ребенок. У меня будет ребенок! Не человек, а...»

Этого Зоя уже не успевает домыслить: постель непривычно мягка и ластится к чисто вымытому телу, к сытой утробе, и так же ласково и вкрадчиво льнёт сон к обожженным глазам, к отравленному разуму.

А утро - совсем обычное утро, как до Пандемии Равнодушия. Когда чудовищно гипертрофированный вирус меланхолии погрузил человечество в состояние вялого дистресса и самоубийственной тоски по тому, чего никогда не было и быть не могло.

Большая чашка кофе вместе со сливочником, рогалями и крупно порезанным грейпфрутом резво подкатывает к постели на каком-то забавном треножнике с шаровидными опорами понизу.

Девушки, певуче приговаривая, выкладывают на одеяло халат и башмачки - и уходят. Где тут комната для омовений (грубое «санузел» никак не стыкуется с бассейном три на два и жутко навороченным биде), Зоя уже поняла с одного раза. Вообще-то у ее шефа было покруче. И вышколенная прислуга, само собой. И столовая не на два лица, а на два десятка очень важных персон. А если библиотеки - со свитками в футлярах и томами поперек себя шире - у шефа и в заводе не было, так ведь зато в усадьбе ни компьютера, ни спутникового ти-ви. Уже проверено.

Одни треножники эти - марсианские боевые сервировочные столики...

Марс. Иная планета.

И тут ее точно драконьим хвостом по башке ударяет: по всей земле уж года три как нет ничего, кроме анклавов, их еще оазисами называют. Только здесь уж никак не оазис.

Здесь иное время. Мифическое. Мир Первокузнецов. С треножниками Вулкана, девами и отроками, в которых ни одной шестеренки, ни одного колесика не скрипит, потому что их нет; с естественной подземной каверной для слива нечистот и очень странной кухней - рядом с мезонином, где она расположена, раз в полчаса взмывает страусовое перо гейзера.

С оградой, больше похожей на Великую Китайскую Стену, причем по сути невидимой. Нет, ее Зоя видела, пролетая, но не поняла сразу, что это за ведьмино кольцо в траве, которая оказалась дубовой рощей посреди тысячелетних секвой. И с лесом за ней, полным непуганого зверья. Лесом, который застилает весь континент.

Здесь иное время. Медленное, тягучее, как свежий мёд.

Зое тут не скучно, но и веселья нет никакого. Знай слоняйся по огромным светлым залам, что бесконечно перетекают одна в другую, неторопливо

разгуливай по ухоженному парку, что весьма успешно притворяется диким, длинными тёплыми вечерами разгибай на пюпитре надвое старинные кодексы с цветными рисунками на полях: из-за ее особенного положения их подвозят за ней те же треножники или несут следом бронзовые леди, что следуют и следят за нею неусыпно.

Ибо дом кажется ей целым замком, парк внутри ограды - лесом, лес вовне - целой вселенной, а время - бесконечностью.

Завороженность оборвалась, когда подступили роды. С тоскливой мукой и такой невообразимой болью под самый конец, что одно это наверняка должно было бы уничтожить саму Зою. В те долгие часы, сутки или минуты роженице казалось, что внутри нее пребывает и хочет излиться наружу гибкий слиток пламени, стукотка раскалённого живого золота.

...Уже почти в беспмятстве она видит, что металлические повитухи - и то берут ребенка щипцами, прежде чем опустить в кадку с холодной чистой водой. Шипучий, едкий пар исходит от поверхности, но когда девы поднимают дитя из воды и кладут рядом с матерью, оно кажется ей самым прекрасным существом в мире: белый, прямо-таки светящийся лоб, светлые бровки и кудри, тонкая серебристая шёрстка по всему тельцу. Счастлив будет, говорит в ней внезапно ожившая древняя старуха. Удачлив будет. Младень Вук Огнезмей. Всеслав Беловолк.

- Всеслав. Слава тебе, сын, - вчуже повторяют материнские губы. - И приходу твоему слава.

И умолкают надолго. Почти навсегда...

Зоя прекрасно поняла в те часы, что одно лишь Змеево яичко, неведомо с какими заговорами сотворенный амулет, спасло ей жизнь, и решила в дальнейшем ни за что с ним не расставаться.

А сын пускай будет вторым ее талисманом.

Дни срываются в галоп и мчат карьером: маленький Всеслав растёт со дня на день и всю проявляет характер. В первые дни едва не оторвал ей сосок - материнского молока показалось ему маловато. А уж когда - с воплями и воем - прорезались первые молочные зубки, кормить его стало совсем невмощу. Сцеживай - не сцеживай, а иссякла благодать. Девы и треножники стали делать и таскать ему прикорм - кашки всякие из диких семян, протертые клубни, сок из диких ягод. Шерсть с него сошла в первый же месяц или неделю, и открылась нежная смугловатая кожаца.

- В батюшку пошел, в самого Змиулана, - с почтением сказал мужчина-охранник. - А ясные очи - как зелен камень Алатырь.

Янтарные с зеленцой, как у кота или рыси, уточнила про себя Зоя. Священный звереныш. Змей, ты сделал мне то, чего я сама хотела, - путь в иные страны, дитя от моей зачерствелой плоти. Но сделал так, что мне только и остаётся тебя проклинать.

Впрочем, даже эти проклятия выдержаны в несколько архаическом стиле, что не был ей раньше свойствен.

А мальчик как-то сразу сделался подростком. Отроком. Ни улыбки для матери и прислужников, ни злости на выговор. Немногословен и хмур - ни ответа, ни привета, как говорится.

Сколько времени прошло?

- Семь лет и семь зим, - с лёгким поклоном говорит одна из бронзовых дев.

Действительно, зимы в этих блаженных краях весьма чувствительны, хоть и коротки: задувает северный ветер, наметает снег до самых древесных вершин, укрывает землю от своей злобы.

По этому снегу на восьмой свой год Всеслав убежал. Перелез через каменную стену и сгинул.

Зоя чуть с последнего ума не сошла. Едва кулаки не разбила о натуральные панцири слуг: ищите скорее! Мало ли какая опасная живность в лесу прячется.

А те:

- По такому снегу не отыскать. И какой след тропить - не знаем.

Зоя - в крик:

- Как то есть не знаете!

- Не будет горя волку среди волков, туру среди турьего стада, соколу в поднебесье, - ответили ей. Взяли под руки и увели в дом - отпаивать духмяным ведовским чаем.

А через три дня и сам мальчик явился. Глаза дикие, волосы колтуном встали, пахнет какой-то дремучей берлогой - но счастлив донельзя.

Когда потом еще отлучался - на день, на неделю, на месяцы - уж не боялась. Забиралась в библиотеку, прижималась к теплой изразцовой печи - книги смотреть. Или шла на поварню - от гейзера серный запах, противный, но, говорят, слабым легким полезен. Заказывала себе разные снеди и лакомства. За стену ни ногой, но когда расцветало всё кругом, даже спала внутри нее под звёздами на чьей-то медвежьей шкуре. С амулетом на шее никакие гады ползучие и перелетные, никакие выходцы из нор и берлог не страшны. А если и явятся, то пусть их. Моя любовь их приманит, моя ненависть - убьёт.

Лишь только один-единственный раз испугалась она ночлега под открытым небом.

Когда с окутанного тучами неба, шелестя, хлопнулось рядом нечто огромное, нежно тёплое и всё в мятущихся искрах.

А мгновение позже отрок Всеслав, сидя над ее вмиг уставшим телом, рассеянно гладил мать по руке, смотрел в темноту фосфорными своими, иззелена-золотыми глазами и вполголоса пел:

«Я буду змеем перед войсками,
Волком во всяком лесу,
Оленем с серебряной короной,
За коим гонится волк.
Я буду карпом в глуби озерной,

Косаткой в волнах морских,
Я стану ястребом в чистом небе,
Чайкой прыгну на воду.
В земле, порождённой заново,
Вечно пребуду в славе,
И будет герою подарено
Имя владыки жизни».

Эти стихи Зоя отыскала в книге древних сказаний, изукрашенной по полям сложными узорами из сплетенных лоз и змеиных тел. Но что ее сын знает еще какой-либо язык, кроме того, на котором она с ним разговаривала, а тем более - умеет на нём читать, ей не приходило в голову.

Юноша Всеслав выросал по-звериному гибок, не по-человечески красив. Пропадал то в лесной чаще, то на мужском подворье, то на женском. Зоя с удивлением обнаружила, что у «железяк» есть не только разум, но и чувства, первое из которых - уединиться на своем поле. Потом уж пообщаться - строго со своими. А она, смертная женщина с мягкой плотью, - существует лишь для того, чтобы принимать служение.

Но Всеслав необходим латникам для чего-то иного.

Да-да, она стала воспринимать любого из своих слуг как ожившие латы, рыцарский доспех, внутри которого, в тёмной пустоте, спрятано нечто ей неведомое и опасное. Не так ее мальчик: они любят его, учат бою и наслаждению, колдовству и ведовству всяких родов и видов, и это для них и для него точно воздух.

К чему готовят, для чего учат? Она долго не раздумывала. Сердцем знала и не противилась.

Наконец, пришёл день.

С утра ясное весеннее небо заложило хмурыми облаками, за которыми погромыхивал гром. Зарницы полыхали в полнеба, от одного края до другого. Сизые молнии рвали стороннее облако в клочья, но тут же сшивали вместе с другими такими же - стегали, простёгивали небесную ткань, чтобы крепче была.

Но разорвалась она в одночасье по всей своей ширине.

И прыгнул внутрь стен Огненный Змей во всей многоцветной его красе.

Стал на хвост посередь саженой, ухоженной рощи и дохнул пламенем:

- Где отчее гнездо моё? Верните. Где сын от крови моей? Отдайте.

Вышел молодой Всеслав навстречу ему, а за ним - его рыцари. И мать его стала на крыльце - за триединое, трех цветов яйцо рукой держится.

- Не возвращается ни один в места, откуда изошёл, - говорит Всеслав. - Забрал ты мою мать из-под ее родного крова, чтобы ей вовек под него не вернуться. Здесь теперь её гнездо, и нет тебе в нем ни тепла, ни пристанища.

- Хочешь драться, сынок? - грохочет огнём Великий Дракон.

- Не тебе я сын, - отвечает юноша. - Не наложила на меня Зоя-жизнь, матушка моя, твоего священного знака. Кого уж пожалела, себя или меня, - то мне неведомо. И войну не я, ты начал, сюда явившись. Хочешь - продолжим.

Тогда взлетел Огняник обратно в небо и оборотился ширококрылым орлом с пламенем в клюве. Только Всеслав опередил его: стал малым Соколом - Золотое Перо, ушёл в самую высь и прибил отца к земле, так что понапрасну ушло пламя в ее глубины.

Пал Огняник наземь и стал великанским Кабаном-Одинцом - хладное голубое пламя ручьём бежит по хребту, одевает щетины, клубом пышет из открытой клыкастой пасти. Морда к земле пригнута - берегись!

Но поднялся ему навстречу могучий Белый Волк. Нет у него никакого огня, только против одного кабаньего клыка - дюжина, против одной щетины - сто шерстин, голова на плечах гордо поставлена - не согнется, хвост бока точно бревном обметает - собьёт врага навзничь.

Прыгнули они друг на друга - и повис Волк на спине Кабана, вцепившись тому в загривок. Не повернуть тому головы, не добыть сыновьей крови! Но и Волку отцовой шкуры не прокусить.

Разошлись они снова.

Опять стал Змей самим собой. Только теперь два головных острия вперед выставил - сыплются с них желтые искры, жалят пчёлами.

А Волк оборотился Белым Туром - Золотые Рога. Сорвались с их концов две ярых зеленых молнии - и ударили Змею прямо в грудь.

Тут кончились и время, и безвременье. Всё кончилось...

Владислав упал, но тотчас оперся на локоть и выкашлял в ладонь остатки огня или крови. Плотный комок цвета пурпура. Сжал в кулаке.

- Вот. Забирай, победитель.

А потом лежал на обгорелой земле и уходил в нее прямо на глазах жены - черные глаза, серые волосы, белая кожа. И цвета его мира уходили, струились прямо в глубь дорогого камня: кровь, огонь, золото, трава и деревья, вода, небо дня и небо звездной ночи.

Остались только три цвета мрака.

Сажа, пепел и зола - вот что осталось мне от Мира Радуги, думает Зоя. Три оттенка старинного дагерротипа.

- Зачем ты его убил, сын? - спрашивает она.

- Ты сама того хотела, не спорь, - говорит Всеслав. - Мести.

- Все матери того хотят, но долг сыновей - им не подчиниться.

И тут юноша смеётся - первый раз в жизни и по-настоящему.

- Мама, ты не поняла, да? Во всех легендах именно отец убивает сына вопреки своему желанию и самой логике. Одиссей - Телемаха, Хильдебранд - Хадубранда, Кухулин - Кондлу, Илья-Муромец - Сокольника, Рустам - Зохраба.

Но ты понимаешь - это не просто смерть. Это восстановление прежнего кольца времен. А моя победа, победа сына, победа младшего, впервые начинает новое время.

- Страшное время. И страшная земля.

Потому что вокруг пустыня. Ни дома, ни механических созданий, ни леса, ни даже камней и вод. Один темный песок на много верст вокруг.

- Это же земля неживых, - снова смеётся Всеслав. - Он собрал в ней все то, что ушло сверху, а теперь возвратил это мне, своему однородному сыну. Разве ты не знаешь, что Волк Огнезмей может переходить с Земли Живых на землю Мертвых и обратно? Как до этого делал его отец - и сама свёрнутая в комок Тёмная Радуга, что теперь у меня в руках.

Разумеется, талисман-яйцо потерял силу - прежде всего оттого, что стал глиняным. Зато внутри яичка что-то слегка шуршало и перекатывалось.

- Коровий бог, - произнёс Велька глубокомысленно. - деток охраняет. Тоже неплохо.

Ограда наполовину разрушилась, и перелезть через нее оказалось совсем просто: надо было только покрепче уцепиться за жилистые плети девичьего винограда.

И, конечно, в доме - никакого отхожего места: на то оно и отхожее, чтобы в тёплых стенах свою вонь не приходилось копить.

Но стены были точно тёплые: бревно с внутренней стороны обшито тонкими дощечками, а снаружи в пазы кончика ножа не протолкнешь.

Водовода внутри не было тоже - сырость еще разводить. Однако Велька уже сбегал живой ногой и разведаль родник - нюх на воду у него был прямо-таки звериный. Принёс ее в наскоро сшитом лыковой веревкой берестяном куле. Настоящие ведра, бочата, лохань и всякие чашки-плошки-ложки-поварешки обещал потом вытесать из поваленного ветром сухостоя, благо кой-какой инструмент в доме сохранился. Ну и дров заодно нарубить для печи. Одного взгляда на ее пышное русское великолепие было достаточно, чтобы понять ненасытность этой утробы. Зато годна и хлебы печь, и кашу варить, и белье кипятить в чане, и самим на скорую руку в широком зеве мыться, а потом спать в тепле на лежанке под самым потолком. Только что горшков боги в ней не обжигают.

- Без еды на первых порах мы не останемся, - сказала Зоя Владимировна. - Коренья всякие прямо из земли торчат, клубней накопаем, травок нарвём... И без одежек и покрывшек не будем. Не соткать, так хоть связать из конопляных да крапивных волокон получится. Веретено выточить не так сложно, труднее его в пляску запустить. Любопытно всё-таки, где наши металлические слуги. В големов оборотились? В колоссов на глиняных ногах?

- Я так понимаю, просто в оружие, - ответил сын. - Стоят, как живые клинки, на страже по периметру и никого не пускают в рай. И из рая пока тоже. Десятого ждут, что ли?

- Ты что, думаешь, охрана сработает? Как я понимаю, в нашем новом мире нет никакой магии, а без нее девять железок - всего-навсего девять простых железок.

- Мам, здешняя магия - это не тарабарщина всякая. Это способ договориться с окружающей природой. Быть как она и жить ее нуждами. Шагать со ступеньки на ступеньку и поднимать ее до своего разума. Ничего не бояться.

- Нас только двое.

- Почему ты так решила? Есть птицы в небесах, звери на лесных тропах, рыбы в реках, киты в море...

- Ни одна тварь тебе не невеста, хоть ты и сущий вовкудлак.

В это мгновение в дверь тихонько стукнули - будто ногтем поскребли.

Сын Зои сделал ей знак - помалкивай. И рывком потянул дверь на себя.

На пороге стояла девочка. Рыжие волосы, смуглая кожа, весёлые зеленые глаза.

- Извиняйте пожалуйста, я соседка ваша буду. У вас не найдется какой-никакой худой утвари? Чугунков дырявых, сковородок ржавых, тазиков для варенья, вафельниц без зубьев, на худой конец просто от них отломков и огрызков? Мы и золото берем, и серебро, хотя проку-то от них! Чинить-паять кастрюли, как в песне поётся.

- Ты кто по чину, мелюзга? - спросил он строго.

- Кузнецова дочь. Владиславой зовусь. А батя мой Вольга - ох и знатный коваль! Чего хочешь сообразит и откуёт. Не видел разве - каждый день за той горкой дым прямо к небу подымается? Это мы кузнечную печь раздуваем, только оно шибко тяжело - старику-то с девкой.

- Лишнего у нас пока нет и не скоро появится. Только то, что самим позарез надобно. А вот не возьмете ли подмастерья в вашу кузню? - спросил Велька.

- Что же, парень ты видный, здоровый, - девица оценивающе повела по нему взглядом. - Плечи вона какие. Обучить тебя грубой работе можно вскорости, а там уж что Бог даст.

«Видно, в начале новых времен кузнец, как и раньше, - самая видная фигура, - смеясь в душе, подумала Зоя. - Владыка рудных земель. Вот тебе и всё волшебство и волхование».

Только главное волшебство было не в этом, а совсем в другой вещи.

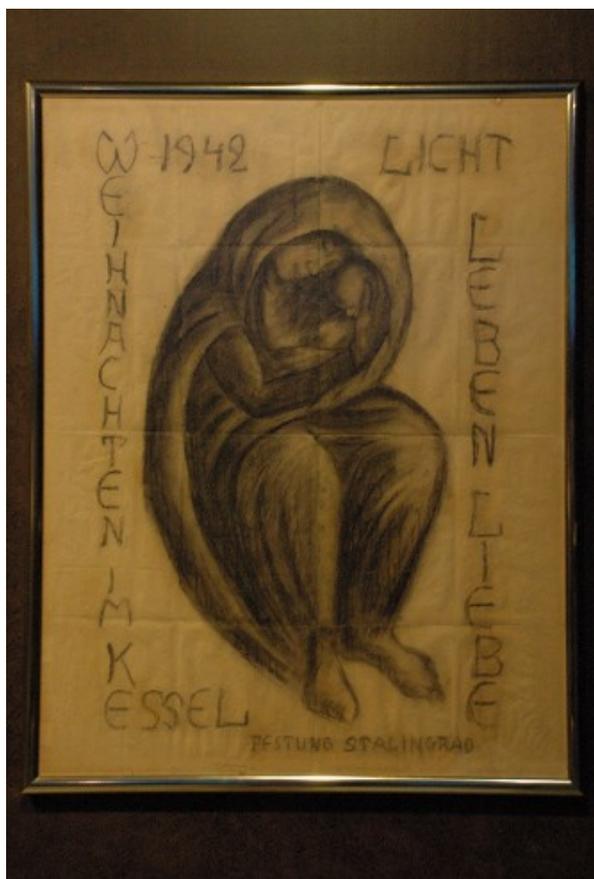
В том, что ее сын и рыжеволосая девчушка взяли за руки и пошли рядом, бойко разговаривая - просто ни о чём.

Ни о чём и обо всём сразу.

Мадонна спускается в Ад

*В квадрате сто сорок четыре похоронен он.
Дал холостыми залп по нём пропавший батальон.
Хотя не воин был, в руках винтовки не держал -
Он с честью углем и пером на фронте воевал.*

Анонимная баллада о Курте Ройбере

20 января 1944

Человек лежал на убогой постели в сердцевине погибельной елабужской земли и бредил. В своей не такой долгой земной жизни - тридцать восемь лет - он хорошо научился трем вещам: молиться, лечить и рисовать. В армии его пытались обучить еще и стрельбе из «вальтера», однако последним он не овладел. Да и мало было толку в этом умении сейчас, когда череп разрывала постоянная боль от гнойника в мозгу, плоть оцепенела от голодной лагерной слабости, а совсем рядом с кроватной ножкой разверзлась черная пропасть, которая затягивала его в себя... затягивала...

В этот миг две мягкие руки охватили его голову сзади - и он открыл запухшие глаза.

Зрение у этого человека отчего-то стало как у новорожденного в первые две недели его жизни: он видел мир, как и воспринимал, перевернутым, и то лицо, что появилось в изголовье, стояло перед ним прямо.

Трагическая маска древней старухи, глаза - как два темных колодца, черный вдовый платок обтянул голову и плечи, в его складках прячется безликое дитя. Такую мадонну он нарисовал незадолго до того, как самому стать на пороге бездны.

Богоматерь Заключенная.

- Святая Мария, - пробормотал он и попытался поднять чугунную голову.

- Марина, - сказала она ему беззвучно. - А ты мой сын Мур, который погиб на фронте, мною не прощенный. И не святая, а навеки проклятая. Из-за тебя и твоего тяжелого слова я совершила над собой смертный грех, умерла в нем... и теперь должна искать того, кто сумеет выкупить и меня, и себя.

- Я Курт, матушка. Курт Конрад Ройбер. И вовсе тебе не сын. Ты русская - а я ведь немец.

Отчего он понял, кто эта женщина, умершая в Елабуге? Он, неудачливый завоеватель, не знал русского, не читал русских стихов даже в переводе - но тут звучал совсем иной язык.

- Курт. Пусть будет так. Мой друг Райнер Мария Рильке был родом из близких земель. Не беда, что ты не складываешь и не рифмуешь строк, у тебя иное мастерство.

- Что я могу сейчас, Мари? Я умираю.

- Вернись назад по стреле времен... Вернись. Ты сумеешь, у тебя три силы в одной: живописец, лекарь, клирик.

Ночь с 24 на 25 декабря 1943

Завоеватели. Поработители. Ныне - мухи в броневом, латном кулаке, который рано или поздно сдавит их намертво.

Затишье перед бурей, которая завтра утром сотрясет всю одетую руинами приволжскую степь.

...- Кто пустил эту русскую оборванку в распоряжение воинских частей? - спросил Штайндлер.

- Наверное, всегда здесь была, герр генерал, - ответил лейтенант Даниэльс. - То есть жила. Это из тех, кого наш пастор прикармливает. Делится пайком и в качестве благодарности использует как модель.

- Смеетесь?

- Никак нет. Он еще когда недавно в отпуск улетал, вместо трофеев повез своей фfrau и деткам стопку зарисовок со своих пациентов. Больше ста, наверное.

- Пациентов? Так вы об этом медикусе говорите. Главный врач госпитального бункера.

- Да.

- Из неблагонадежных, но очень полезен. Мастер на все руки, что называется. Это он изобразил вашего маленького сына в виде ангела, чтобы вам его на вершину елочки повесить, верно?

Даниэльс улыбнулся - насколько позволяли обмороженные губы и кожа.

- А, пусть эта мужичка здесь бродит. Что у нас разглядишь? Из-за иванов всё к черту. Что адский котел, что сталинградский.

- Пускай бродит. Рождество ведь, герр генерал, - ответили ему.

- Да уж. И мы снова, как прошлый год будем желать друг другу счастья и удачи, хоть это всё пустые слова. Никто не изволит прекратить огонь, ни мы, ни иваны. Хотя мы недостойны, верно?

- Мы всегда недостойны, - снова отозвался тот же голос. На этот раз он, похоже, так экономил дыхание, что опустил звание Штейндлера. - Мы совершаем святотатство и кощунство, взывая к миру на земле и в то же время убивая.

- А, волк из побасенки, - проворчал тот. - Что еще скажете, наш доктор медицины?

- Нет смысла говорить, - отозвался Ройбер, ухватив женщину за плечи и потуже завертывая в ее же тряпки. - Простите, сами же понимаете. Морозы поистине русские - а тут у нее ребенок.

- Ну да. Ни нам долго не жить, ни ей с ее щенком.

- Вы жить останетесь. Вас вывезут последним самолетом. Раненого.

- Пророк вы, что ли, Курт Конрад?

- Не знаю... герр генерал.

- Курт. Кроткий Курт. Вы стреляли хоть однажды за всю войну?

- Нет. Только на стрельбище, - ответил Даниэльс вместо врача. - И препогано.

- Хм. А могли бы?

- Если русские станут убивать тех, в бункере. Моих пациентов. Разве что тогда - и, наверное, как всегда промахнусь.

- Вот как. Отчего это вас, такого философа, такого непротивленца злу, занесло на Восточный фронт? Как я знаю, у вас жена и трое детишек.

- Он же Восточный, - Ройбер пожал плечами. - Штрафной, можно сказать. Как занесло, спрашиваете? Я голосовал за масло против пушек. Принципиально одевался только у еврейского портного. Ну и мой учитель, уважаемый доктор Альберт Швейцер, выглядел не весьма на фоне тысячелетнего рейха.

- С его благоговением к жизни, - подхватил лейтенант. - Вот уж поистине...

- Тогда совсем иной вопрос, Ройбер. Как это вам удалось так легко отделаться?

- Наверное, фюрер увидел во мне коллегу, - усмехнулся Курт. - Он живописец, а я график.

На том офицеры расстались, холодно кивнув друг другу. Когда Штайндлер и Даниэльс ушли, Ройбер завел женщину в подвал разрушенного дома, где находился его госпиталь. Она тотчас уткнулась спиной в угол стены, свернувшись там в неряшливый узел.

- Я тебя знаю? Лечил тебя или ребенка?

- Нет, - говорила она с трудом.

- Есть хочешь? Солдаты копили пайки на рождество, готовились. Вон, елку из соломы навертели. Последнюю тягловую лошадь пустили на колбаски. Все равно ей тут никакого подножного корма. Да тут все тяжелораненые, нас лучше прочих снабжают. Дать тебе?

- Не надо, ты меня уже накормил, - некое подобие усмешки родилось на скорбном лице.

- Ради малыша хоть поешь. Он ведь грудной, я вижу.

- Молока во мне уж не прибудет. Знаешь? Я сейчас умру. И он тоже.

- Нет. Не уходи.

- Да, - она побаюкала слабо пищащего младенца и вдруг твердо сказала:

- Рисуй меня и его - тогда мы будем живы. Знаешь стихи? «Вот я умру - и что-то от меня останется на этом полотне».

- Это же... Это русские слова. Как я их понимаю? Как мы с тобой вообще говорим?

- Рисуй, - властно и звонко повторила она, распрямляясь и выйдя из тени.

У него не было полотна, а в стихах упоминался именно холст, и кистей нет, и красок, и даже простого карандаша, думал Ройбер, торопливо шаря глазами по полу и стенам, открывая ящики древних школьных шкафов, здесь же когда-то, до нашей блокады, школа была.

Вдруг он вспомнил: карта. Грязноватый кусок проклеенного полотна, размером полтора на полтора метра. Вот она, постелена на дно широкого полупустого ящика с медикаментами.

Он вытащил карту, взял в руки, смахнул пыль и расстелил на столе, откуда стряхнул пузырьки из-под лекарств, бумаги и обеды.

- Готово. Чем мне рисовать?

- Возьми уголь из буржуйки. Из печки.

Уголек будто примерз к руке - огонь тоже было почти нечем кормить. Но рука шла твердо - будто ей водит кто, подумал он. И еще ему казалось, что он не смотрит в угол, куда снова забились непонятная гостья, но видит.

Видит.

...Гибкий стан ее пригнулся к коленям, чтобы укрыть собою заснувшее дитя. Тонкие, нежные черты исполнены света. Глаза полузакрываются как бы в смертной истоме, но в них нет скорби - лишь мягкая печаль. Ее плат развернулся полукругом вокруг обоих, точно крыло большой птицы, будто преграда холодному, неприятному миру этой ночи. Не царица - дежда ее совсем неказиста. Не святая - слишком много в ней горечи...

- Мадонна, - произнес Отто из-за его плеча. У Отто Шварца было проникающее ранение в живот, последнее время он не мог и повернуться на полу, не то что с него встать. - Доктор, так вы решили выполнить нашу просьбу?

- Ты что творишь? На место иди. Нет, погоди. Просьбу?

- Ну да. Мы же хотели, чтобы вы нам святую картинку нарисовали на Рождество. Только это...

- Это не картинка, - произнес кто-то еще из больных. - Это икона.

- Да, - вдруг понял Курт.

И написал вокруг изображения с одной стороны:

Рождество в котле.

И с другой:

Свет. Жизнь. Любовь.

Три простых слова, на которые они в своем крошечном аду не отваживались, пожалуй, даже в письмах родным и близким.

- А где она... Русская? Не могла она уйти мимо меня так, чтобы я не заметил.

- Вы про кого, доктор Курт? Померещилось с голоду, наверно. Всем нам здесь неведомо что мерещится.

- Или лихорадка от подвальной сырости напала, - отозвался еще один раненый. - Вон, в том углу будто гнилушки светятся.

В самом деле, там где сидела неведомая пришельца, оставалось...

Еще оставалось еле заметное призрачное свечение, которое пульсировало в некоем непонятном ритме.

В ритме боя невидимых часов.

Один...Два... Три...

Двенадцать.

- С Рождеством Христовым, - отчего-то тихо сказал, глядя на фосфоресцирующий циферблат своего хронометра, молодой лейтенант разведки по фамилии Видер.

Тотчас наружи раздались нестройные хлопки, и хмурое небо озарили сотни крутых извилистых дуг со звездочками на конце - многоцветные сигнальные снаряды, что были пущены из ненужных более ракетниц. Одна из этих звездочек, самая яркая, как-то странно зависла над самым бункером и некоторое время оставалась в том же положении, прежде чем пасть наземь. Однако никто из солдат не обратил на это внимания, потому что все глядели на Деву с Младенцем.

- Счастливого всем Рождества, - наконец, отозвался Ройбер. Ему вторили негромкие голоса.

- Ночь тиха, ночь свята, - затянул кто-то. - Stille Nacht, heil`ge Nacht...

И тотчас мотив подхватили хриплые, до глубины души промерзшие голоса:

Alles schläft, einsam wacht.
Nur das traute heilige Paar.
Holder Knab' im lockigen Haar,
Schlafe in himmlischer Ruh!
Schlafe in himmlischer Ruh!

Видер тем временем говорил:

- Благорастворение воздухов. Мир на земле и мир в людях доброй воли... А мы? Мы, кто не заслужил прощения за надругательство над этой землей? Мы-то будем спасены, Курт?

- Знаете, Видер, я об этом не думал, когда рисовал. Как-то всё равно стало. Дело своё я, во всяком случае, сделал, а это главное.

Под конец убогого празднества Ройбер писал жене:

«Как ни неловко - и даже стыдно - мне говорить это, но к картине, на которой я изобразил Мать и Младенца, и к нашему бункеру началось прямо-таки паломничество. И уходили оттуда совсем другие люди. Один из наших лейтенантов роздал солдатам всё, что у него было: сигареты, писчую бумагу, хлеб. «У меня больше ничего не осталось, - говорил он. - И всё-таки это Рождество - прекраснейшее в моей жизни». Командир дивизии угостил меня и других врачей спиртом из своей фляжки и подарил плитку шоколада. Была даже бутылка настоящего французского шампанского - для самых тяжелых из тех, кто находится на моем попечении. И знаешь, что я тебе скажу? Я с легким сердцем повторяю слова лейтенанта. Ибо я, что бы со мной ни случилось, бесконечно благодарен за то, что подарил мне сочельник и - заранее - за всё то, что пошлет весь этот необыкновенно начавшийся год».

Но о том, что уже на следующее утро карающая справедливость их противника обрушит на занятый чужаками лоскут земли вал земного и небесного огня, Ройбер написать жене так и не сумел. Слишком много страдающей человеческой плоти обрушилось на него самого.

И о том разговоре, что случилось несколько времени спустя, Курт тоже не сообщил милой супруге. Это было бы напрасным занятием, которое хоть и не могло никак уже повредить ему самому, привлекло бы к его близким излишнее внимание цензуры.

Наклонившись к носилкам генерала, военврач говорил:

- Вас вывезут из кольца, и вы сохраните жизнь, в отличие от многих из нас. Нам здесь предстоит платить за свои и чужие грехи полной мерой. Уж поверьте, герр Штайндлер, я всё это хорошенько прочувствовал. Так вот: возьмите с собой мою картину Пресвятой Девы и постарайтесь передать жене - адрес я написал. Она знает, что с этим делать.

...Последний самолет рвется из пожатья каменной десницы и летит теперь в скрещении ночных прожекторов. Вырвался, наконец. Темнота, тишина, гудение моторов. Хмурые облака над головой.

Мадонна в вышине расстилает над Россией, над Европой, надо всем бесноватым миром свою ярко-синюю, как полуденное небо, мантию.

В санитарном блоке советского лагеря для военнопленных Курт Конрад Ройбер из последних сил приподнимается на локте, непослушным грифелем пишет по всему полю своей последней картины:

Примирение и прощение. Свет и жизнь.

И шепчет куда-то вверх:

- Я сделал всё верно, Моя Любимая Госпожа?

Падает на спину и умирает абсолютно счастливым.

Примечание. Мне не хотелось давать в этом горьком рассказе русский текст сентиментальной рождественской песенки, тем более что он не вполне соответствует немецкому оригиналу. Поэтому я привожу здесь перевод первого куплета, который сделала по моей просьбе Зинаида Конт, насельник Самиздата и Прозы Ру. Вот он:

Ночь тиха! Ночь свята!

Тихо всё. Одна у поста

Милая пара свята

С крошкой кудрявым играет.

Мирный небесный покой!

Мирный небесный покой!

За границу дедушке

Здравствуйте, любезный мой дедушка Зина Васильевич!

С каким наслаждением я вывожу на бумаге твоё имя, подобного коему в нынешние серьёзные времена уж не встретишь. Как сам ты повествовал мне, тогда ещё существу младенцу, отец твой и просто батюшка, имевший приход в городе Саратове, пообещал супруге своей Зинаиде, Зине - назвать их первенца собственным ее именем. И когда появился на свет мальчик, перерыл все святцы, чтобы получить искомое. Не Зиновий, не Зинаид (такого курьезного имечка, по правде, и не отыскать на всём священнокижном просторе), но Зина. Прямо и непреложно. И крестную мать отыскал неординарную - Зинаиду, химичку, ученицу самого Менделеева.

Я так думаю, это имя, как бы застывшее в своей вечной уменьшительности, и определило на вечные времена твою судьбу - недаром все дети видели в тебе **своего**. И те, кого ты учил, и отпрыски тех, кого учил, и просто «уличные», как тогда говорили. Дружить с которыми запрещала мне бабушка.

Нет, не то чтобы они признавали твоё лидерство. И не то чтобы они тебя как-то особенно любили: наоборот, сначала их пугала или, наоборот, смешила твоя вечная хмурость и брезгливо поджатые губы. Это потом они привыкали и начинали ожидать от тебя игрушек. А делал ты их из таких пустяков, на которые любой взрослый попросту плюнет. Прыгучие «блошки» из старых пуговиц, «чёртик в бутылке» из куска пластилина и обрывка от воздушного шарика, брызгалка для краски из двух трубочек, скрепленных под углом. Подвижные картинки, что ты нарисовал на корешке отрывного календаря: пачка листиков была плотно зажата в П-образную железку, и для получения эффекта нужно было очень быстро проводить по торцу подушечкой большого пальца. Самодельный диаскоп, который работал, будучи приставлен к ало-рыжему абажуру с кистями.

Ах, какие ты мне шил костюмы для кукол, да и самих кукол тоже! Сначала всех с начала до конца - для ремесла нужны были только тряпочки телесного цвета, нитки и вата. Потом ты брал целлулоидную головку с плечиками - рядами стояли в магазине, совсем одинаковые. Остальное снова делал ты. И мебель для

комнаты размером с обувную коробку... и крошечную копию нашего телевизора «Т2-Ленинград»... и плетеный из штопки половичок шириной в мою ладонь... В те скудные годы всё ненужное для жизни было дорого и попадалось редко.

Именно тогда, когда мы с тобой возились над пошивом очередного крошечного пальтишка или костюмчика, я заметила на твоём мизинце это кольцо, буквально вросшее в мякоть. Вроде как обручальное: дрянное золотце, что-то в выемке на той стороне, которая обращена к ладони...

Граненый камешек. Крохотный и поставленный почти ровень с поверхностью кольца.

- Дед. А что это внутри? Чудной какой. Красный и слегка с синевой. Рубин такой, да?

- Нет. Это очень дорогой и редкий самоцвет. По шкале твердости стоит после алмаза и перед изумрудом и яхонтами. А зовут его александрит. Он еще должен двумя цветами играть: в темноте - густо-алым, на свету - зеленым.

- Здорово. Покажи!

Но фокус тогда не вышел: день был пасмурный, зимний, да и жили мы в тени чердачной лестницы.

Зато после всего я услышала от тебя историю, которой ты больше никогда не повторял. О том, как твой отец подарил матери эту драгоценность - и как хватило у небогатого многодетного священника денег на такую безделку! Как после революции умер в тюрьме, не желая признать «живоцерковников».

- Матушка после того еще долго жила. Всех нас, детей, вывела в люди. А когда я отыскал твою бабу Шуру, подарила ей на свадьбу.

- Почему не она, а ты носишь?

- Не модно было тогда всё церковное. Кольцо ведь в точности как обручальное, видишь? А еще говорят... Только ты не верь, это уж вообще глупости и суеверие. Что тяжелый это камень - александрит. Для сильных душой. А остальным беду приносит. Вы в школе проходили про царя Александра Второго? Много этого камня нашли на Урале в год его рождения, вот и подарили ему весь его сразу. Или камню - его самого. А как он погиб, слыхала?

- Бомбу бросили. Народовольцы, - кивнула я.

- Вот видишь.

Я так поняла, что и примерить ты мне это не дашь, не то что поносить.

И до поры до времени забыла.

Поэтому - помнишь? Когда ты однажды в начале августа собрался уезжать и каким-то непостижимым образом снял с пальца свой александрит...

- Знаешь, мы с твоей бабой Шурой из моря почти выходить не будем, наверное. Уж очень она купаньям привержена. Бархатный сезон... Боюсь, смочет в воде памятку. Сохрани для меня... В общем, считай, я тебе подарил. В честь поступления в институт.

- А почему маме не отдашь? - спросила я удивленно. - Это же она твоя дочка.

- Не принято у них, послевоенных. И не любила она украшений никогда. Что-нибудь такое рациональное, нужное в хозяйстве - вот это да.

- Точно. На каждый мой день рождения - пенал с ластиками и стопку общих тетрадок. На каждый свой - двенадцать пар шерстяных чулок. Мы посмеялись: мои слова были преувеличением, но били в точку. А через месяц я узнала, что ты не вернешься. Вообще. Осталось только всё писать и писать это письмо.

Знаешь, дедусь, я ведь тоже замуж вышла. Александритовым колечком придавила толстенный, с фигурной насечкой, золотой обруч. Алым камешком сверху. Я твое кольцо имею в виду, ты понял. Ну а что мой дорогой Юрко, мало того что с норовом, как и твоя жена, так еще и болен был неизлечимо, я узнала лишь накануне свадьбы. Ну да чего уж волосы на голове рвать: живем с Людкой-Людюшкой теперь одни. На второе дитя ему гонора уже не хватило.

Зато Людмила получилась такая здоровенькая - патронажная сестра только и делает, что восторгается. А всё оттого, что я её грудью кормлю. Одной рукой пишу диссер, другой наше с тобой детище к соскам подношу. И так ровно два года.

Обычная картинка родом из моего детства: ты перед работой завтракаешь бутербродами с маргарином, с одной стороны тарелки лежит тетрадь, впереди - книга на немецком и словарь. Урывками переводишь для жены ее любимое чтение: роман модной дамской писательницы Марлитт. «Вторую жену», наверное, или «Имперскую графиню Гизелу». Эти тетрадки, плотно исписанные твоим мелким угловатым почерком, еще долго кочевали с нами из дома в дом.

Защитилась с блеском. Мама с отцом по этому случаю вынули из серванта неприкосновенные хрустальные бокалы и такой же «ломоносовский» чайный сервиз с ало-красными цветами в окружении зелено-золотой листвы. Те, что подарили тебе ученики вечерней школы в честь ухода на пенсию.

Сказать тебе, какая была тема? На стыке точных и неточных наук. Примерно так, значит: «Омар Хайам как выдающийся астроном и математик и отражение его научных и философских воззрений в стихосложении и образах «Рубайат»». Нет, не думай, я в аспирантуру по своей любимой восточной филологии поступала, но математикой и физикой это ты меня в детстве заразил. Пришлось, конечно, взять официального консультанта. Веяние времени, однако!

Людмила тоже в какой-то мере побывала замужем. Или обрученной? В старину был такой обряд, типа сговора, когда жили вместе, а попу обещали вот-вот пожениться. Кольцо, по крайней мере, у них в семье погостило. Лёня умел оживлять александритик, так что камень прямо радугой сверкал. Все мыслимые цвета, кроме разве густо-зеленого. Он еще смеялся над нами обеими, говорил, что дорогие самоцветы позолоченным серебром не оправляют. И что это всего-навсего корунд с такой особенной игрой.

Будто вечные снега на вершинах Гималаев.
Гималаи его и взяли к себе. Вот.

Александрит - камень вдов. Чтобы он таким не был, необходимо отыскать ему пару, да неужели это возможно в наше время? И вовсе не в деньгах дело. Мы никогда насчет них не заморачивались.

Теперь я вернула твой подарок обратно и нацепила на безымянный палец левой руки. Наверное, следовало мне тогда, с Людой, проявить бóльшую твердость духа.

Знаешь, у мамы сердце оказалось куда менее прочным, чем у твоего зятя. А ведь доктор, демобилизуя его, сокрушался: «Молодой человек, профессиональный военный, а сердце как у старика». Ревмокардит. Начальная стадия туберкулеза. Операбельный рак. И всё на нас, женщин семьи... Ничего, как ни на то подлечивали своего мужчину. До девяноста с лишним лет.

Помнишь, дед, как мы с тобой по ВСХВ гуляли? Ты еще никак не давал мне напиться у местных газировщиц с их сатураторами: то сироп у них «котехинский», на коровьих котехах настоящий, то написано правильно - «катехинский» - да ребенку нельзя вино пить... так ты шутил с непроницаемым выражением на физиономии. Самое забавное, я всю тебе подыгрывала, хотя пить хотелось страшно. Наконец, мы пришвартовались к знаменитому кафе-мороженому, в виде огромного бетонного айсберга, и там, выстояв неопишную очередь, ты захватил добычу: в запотевшей от внутреннего холода креманке - два шарика мороженого, клубничное и черносмородиновое, - и стакан лимонада.

- А тебе? - спрашиваю я, когда мне уже навечивают заказ таким круглым половничком на длинной ручке.

- Я не хочу.

- Ерунда. Чтобы ты - да не хотел мороженого?

Я, не сходя с места, добавляю к заказу еще четыре сливочных шарика и с огромным чувством удовлетворения смотрю, как ты, сидя напротив меня за столиком, поедает свой заветный пломбир.

Что еще вспомнилось вроде как по аналогии.

Четырехлетняя Людка вечером высматривает из окна своего папашу. Из музея тот уже ползёт на двух палках, регулярные гемодиализы сказались, а еще норовит в тамошнем буфете фруктов прихватить или еще чего-нибудь полезного. Так она, едва завидев Юрка, бежит навстречу, перенимает у него из руки авоську и с насадой волочит на пятый этаж.

Да, вот еще. Тут к нам как-то приезжали дети твоей сестры Елизаветы Васильевны. И знаешь, о чем вспомнили? Что баба Зинаида была в чём-то вроде

левоэсерского заговора замешана. Точно не скажу. Это при четверых-то детях и муже-лишенце. Так он, этот лишенец, ее собой прикрыл. «Живая церковь», выходит, как и ни при чем была...

Леонид в ту последнюю индийскую поездку хотел Людмилу с собой взять, показать ей рериховский дом-музей, да что-то не склеилось со льготными билетами - один на другое имя оказался. Говорили потом, что когда двое - ничего плохого не случается. Дурных людей, возможно, такое и остановило бы, но вот лавину?

Очередное лыко в строку. Я ведь себя с полутора лет помню, хотя какими-то бессмысленными клочками.

Мы едем в поезде, возвращаемся с Дальнего Востока. Дверь в тамбуре открыта, в широкую щель задувает вольный майский ветер, Я, лежа у тебя на плече, протягиваю ему пальцы - и в этот самый момент какой-то обкуренный слепой идиот решает захлопнуть тамбур наглухо. Меня спасло то, что ты просунул поверх моей нежной лапки - свою руку.

И никто из домашних, кроме меня, не замечает никакой странности, даже когда ты бинтуешь покореженные пальцы с содранной плотью и надеваешь поверх всего этого толстую варежку.

А ведь я поняла, дед. Оно и в самом деле для сильных мужей, это кольцо - так его заворожил мой прадед. Сотворил талисман сперва для тех, кто готов защитить своих женщин, - и не так важно вроде, у кого из двоих оно пребывало: у воина или колдуньи. Так же, как неважен стал, в конце концов, пол супруга. Важна только решимость. И еще - совсем немного детства в душе...

Говорят, самые мощные охранные талисманы получаются именно у детей. И вернее всего им служат. Но не внутрь, а вовне, так сказать.

Но если ты притягиваешь, принимаешь чужие беды на себя - разве не справедливо, что и ты где-то и когда-то получишь отплату сторицей? Деда Зина, почему ты не хочешь мне ответить?

Нет, послушай, это почти смешно. Или - не смешно вообще... Так...

Я тебе писала, что с полагоря, как говаривала наша баба Шура, стала низать бусики изо всякой ерунды? Небрежно продырявленной поделочной галтовки, разнисканных бус, мягкого дерева, латунных шариков только что не от **винтажной** кровати... Ключей от старых почтовых ящиков, гаечек с нестандартной резьбой, пустых флакончиков, иных не совсем опознанных, но интересных объектов...

И теперь я веду кружок, точнее (или, наоборот, приблизительней) - **мастер-класс**. Причем очень **гламурный** - такого словца в твоё время и не слыхивали.

Это значит примерно то, что «модный», «стильный» - в общем, сплошная дурость. А винтаж, кстати, - это всё, что мы с тобой хотели выбросить, да рука не поднялась. Помнишь, как мы печку старой обувью топили и подольскую швейную машинку сдавали в металлолом? Неработающую? Самое оно.

И теперь вокруг нас с Людмилой **тусуются** чужие ребята всех возрастов и обоего пола - кто из **новорусских**, кто из **проблемных**, кто так, член семьи отпетых **трудоголиков**, которым стало не до деток. Только не проси меня объяснять эту **навороченную** терминологию - сама толком не понимаю. Деньги мне платят, **нехилая** прибавка к пенсии, общения навалом, хоть в Интернет не заходи. Уважения выше крыши - вылупилось первое поколение свободных художников неопределенного жанра. **Востребованы**, как горячие пончики...

Но главное - один из наших взрослых и моя малость перезрелая дочка...

Нет, не слушай. Это ведь всё **нусутх**, как говорится в моей любимой книжке. **Хавэл**. Пепел. Суета сует. Такие слова ты уж точно поймешь - попович ведь.

Главное - наш с тобой александрит чётко позеленел. Как первая весенняя трава.

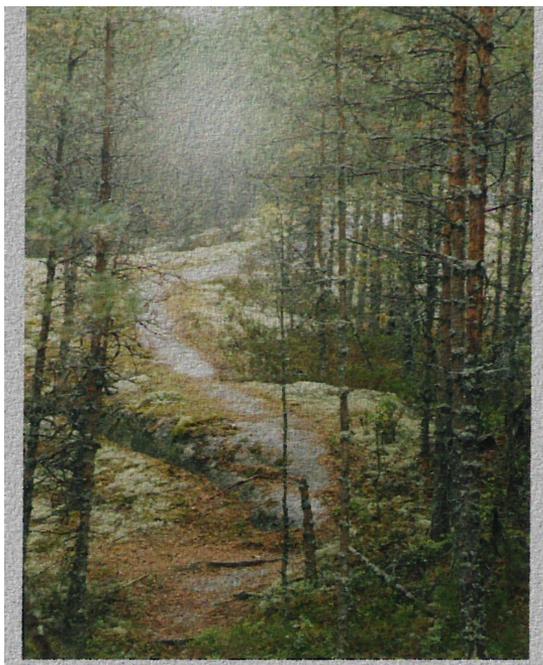
Как та ядовитая южная змейка, труп которой, свернутый в клубок, после твоей смерти нашли под общим изголовьем.

Последняя твоя победа.

Твоё золото на поверку оказалось **очень** высокой пробы.

Прямой путь

*Был ты трезв, был ты сух, всеми сплошь почитаем,
Да хлебнул как-то раз моего огневого вина.
Уйму книг изучил. Ныне свитком дорога прямая
Развернулась в песках - так читай лишь ее письма!*

Художник Исаак Левитан, русский иудей, по некоей оплошности властей предержавших живший не по ту сторону оседлой черты, какая положена, однажды испытал самое настоящее просветление. Встав на торную дорогу, по обочинам заросшую низкой травой, он всеми ступнями почувствовал, что вот это - Старый Владимирский Тракт, по которому до сих пор водят арестантов, метущих пыль тяжкими цепями. Долго потом ходил с этюдником к придорожному кресту под косой двускатной крышей - так называемому «голубцу». И написал, что видел: широкое блеклое небо, тусклую зелень по краям утопанного песка, чахлые растеньица. Пустыню, полную бестелесных призраков.

Ибо на самой его знаменитой картине «Владимирка» нет ни привидевшихся ему кандалников («Бим-бом, бим-бом, слышен звон кандалный», пели о них), ни сытого конвоя на откормленных лошадях, ни святого доктора Гааза, который однажды весь длинный перегон нес на себе их цепи, чтобы доказать, как они тяжелы, и добиться для арестантов послабления, ни мало-мальски значимой растительности. Только стоит вдаль, на одном уровне с крестом, невнятная чёрная фигурка, более похожая на столб с перехватом. Паломница. Почему критики дружно сходятся во мнении, что это женщина?

Потому что это я сама.

Я стала на путь часов в пять по московскому времени, когда еще не совсем развиднялось. Времени толком собрать заплечный мешок и одеться поприличней не было, да и не хотелось: позвал меня голос вообще-то мягкий и

приветливый, но явно не из тех, кого можно послушаться. Даже если знаешь, что родные будут по тебе сильно горевать.

И как-то сразу оказалась в мягкой дорожной пыли по самую щиколотку. Здесь то и дело попадались острые камешки, что чувствовались даже через толстую, пружинящую подошву лаптеобразных башмаков от «Ессо», пронзительный ветерок охлаждал кожу под распахнутой настезь ветровкой своими неуместными порывами, но всё это не так нервировало, как дом, оставшийся за спиной. Тёмный, уютный сельский домик с погашенными огнями, в котором этой июльской ночью все спали, кроме меня. Дай им Бог, чтобы подольше...

И куда мне, как обыкновенно бывает во снах, не было обратного ходу. Что-то почти нежно упиралось в затылок, не позволяя ни оглядеться, ни повернуть назад.

Наверху чуть посветлело, хотя вряд ли это было солнце, И тогда стало видно, что рядом со мной бредут целые толпы, просто каждый - как вообще-то и я - движется сам по себе. И очень медленно, потому что по уши обмотан всяким скарбом и нагружен тюками с тряпьем. Я без особого труда поравнялась с хвостом очередного шествия (они делились на что-то вроде отрядов или выплесков разумной материи) и сошла на обочину с мыслью пойти на обгон.

Здесь было как-то посветлее и поприветливей: вместо распластанных по земле жёстких кустиков по бокам тропы росла духмяная богородичная травка и дикий вереск, распутившийся пышным лиловым цветом.

А когда мне полегчало, я стала различать лица.

По крайней мере одно. (Я так думаю - меня фокусировали на них специально.)

Это был грузный мужчина очень средних лет в чёрном костюме-тройке, при дорогом галстуке и с полной грудью орденов и медалей тускло-золотого цвета, отчего фигура прямо-таки пригибалась к земле. Вдобавок на спине у него хорошо устроилась свежая запаска от авто марки «Победа» с новёхоньким протектором, а на уровне колен болтался цепной унитаз в полном сборе, с дополнительным комплектом груш, поплавков, стаканов и прокладок.

- А, Татьяна, - обернулся он ко мне. - Наконец-то. Ты не знаешь, куда это нас всех гонят? Я почти всех своих институтских и кафедральных коллег спрашивал и товарищей по компартии - никто не говорит. Сообщили только, что наша дача сгорела и ходу назад нет и не предвидится. Так это ж когда было-то?

Дачу, кстати, спалил он: оставил включенный холодильник с остатками пельменей и поехал на работу. Проводку не меняли года с сорок седьмого. Девятьсот, я имею в виду.

- Меня никто не гонит, я сама иду, пап, - ответила я. В самом деле, как только я решила кое-что насчёт себя, давить на меня перестали.

- И куда это?

- Там посмотрим, я думаю. Пока мне и так терпимо. И даже совсем хорошо.

- Ну никакой жизненной хватки, - папаша презрительно фыркнул и чуть затормозил, отчего заднестоящие сильно его толкнули, а передние притиснули.

Я же пошла дальше, незаметно для себя оставляя эшелон позади. Вереск распустился ярко-розовым и пахнул, как свежее испеченная медовая коврижка, чабрец смешивал с ним свой дурман, светило наверху начинало буквально садиться на голову: от всего этого я ощущала себя томной ящеркой на камне в час, когда на землю опускаются дуэнде, полуденные мороки Франциско Гойи.

Один из них возник прямо сбоку меня: хилая старушенция со сморщенным ассиметричным лицом и ясными глазками. На шее у нее болталась - так мои современники подвешивают мобильник - толстый портфель с диссертацией, которую так и не удалось защитить от рецензентов, как ни переделывали. Подмышкой старуха зажимала нотную папку со старинными русскими романсами и советским певческим ширпотребом. Под другой мышкой находился сверток со штапелем для пошива летнего платья и несколько стандартных выкроек.

- Мама, ты как, давно так идёшь? - спросила я. - Тяжело ведь, что ни говори.

- Давно, сама знаешь, доченька, - ответила она, и я с радостью убедилась, что голос - звонкое и чистое сопрано - к ней полностью вернулся. Вообще-то он потускнел и пропал только после восьмидесяти, тогда мама и из хоровой самостоятельности вышла. Раньше-то ее принимали по телефону за меня или даже за внучку-восьмиклассницу.

- А куда идти, ты представляешь, мама?

- Ну, говорят, там будет сплошное пение и игра на музыкальных инструментах, - ответила она. - Тренироваться надо, а то у меня большой перерыв получился. Тань, ты не знаешь, случайно, что тамошние хористы носят?

- Хитоны шелковые, нимбы и пальмовые опахала, - ответила я. - Но это по непроверенным слухам. И еще золотые арфы. Тебе, кстати, не приходило в голову на сей предмет пианино распотрошить? То самое, за которое ты сначала меня, а потом мою Людмилу загоняла? У него тоже струнный остов литой и позолоченный.

- Ой, Танечка, ну разве можно так шутить, - лицо у нее скривилось еще пуще, а голос даже сел немного. - Вы же поначалу сами хотели.

- По неопытности, мамусь. Потом обе утешались в духе и стиле Омара Хайяма.

- Заново решали бином Ньютона и на небо смотрели в телескоп?

Я рассмеялась. Так это было на неё похоже - с ее базовым математическим образованием, с ее занудством, которое казалось мне сейчас таким милым. И с любовью к предку, священнику и астроному в одном лице.

- Мам, любой другой на твоём месте решил бы, что мы хронически топим печали в хмельном вине. На самом деле Ленка и я только Рубайат насквозь штудировали, цитировали и даже пытались сочинять нечто похожее.

- Боюсь, там, куда мы идем, эротические гимны не очень популярны.

Я хотела возразить, что это не эротика, а суфийская мистическая философия, но благо разумно удержалась и только спросила в ответ:

- А куда вы идёте? Неужели в самом деле я угадала?

Мама посмотрела на меня, с трудом пытаясь сообразить, что такое я сказала.

- Ты хочешь сказать... ты не в рай?

- Откуда мне-то знать. Только что широких и простых путей я никогда не любила, не помнишь разве? Кривые и извилистые дорожки мне всегда были куда больше по душе. Я даже думаю, что, напротив, по видимости прямые пути далеко не всегда на самом деле такими являются.

На этом мы расстались - ее тоже от меня отгеснили.

Тропа фей нырнула в заросли цветущего шиповника, но я еще успела увидеть женщину в полном цвете лет, голова которой просочилась через дырку в волнообразной форме для печенья, отчего вторая окаймляла первую гофрированным испанским «жерновом». Вместо принятых в тамошнем Старом Свете корсажа и кринолина на ней была напялена старинного фасона алюминиевая кофеварка из двух составленных вместе усечённых конусов, тесноватая в плечах. Нити древесных бус тянулись за жёстким подолом наподобие шлейфа - то были костяшки бухгалтерских счётов, которые бабушка, многообещающий банковский работник, забросила ради того, чтобы обихаживать мужа и младенца, а потом и ребятенка, рожденного бывшим младенцем. То есть маму и меня. Делала это бабуля без должного терпения, как говорится, то лаской, то таской - несостоявшаяся карьера сжигала ее изнутри.

Еще у самого поворота встретился мне парень со слегка опухшим лицом, который в изнеможении привалился к самому колючему кусту тёрна.

- Мявочка. - проныл он, - ты меня не поставишь на ноги? Все кости после почечного приступа болят.

- Юрец, не глупи, - мимоходом ответила я. - Как мы можем болеть, если мы от наших болезней уже померли?

Больше я их обоих не видела. Толпы тоже перестали для меня существовать: цветущие своды сомкнулись, розы на них были величиной с блюдце, полное земляничного варенья, от цветов терновника поднимались клубы умопомрачительного аромата, шипы же грозились только для виду. Туннель был прям, как стрела, и простирался далеко вперёд. Там, на фоне белого неба и мха, похожего на зелёный утрехтский бархат, маячила стройная спина в белой блузе. Мужчина шагал, слегка покачивая бедрами в коричневых обтяжных рейтузах и как бы пританцовывая на ходу, отчего предмет, висящий за спиной, гулко ударял по ней, а тонкая шпага слегка колыхалась в такт незримой мелодии, что пела себя на этот ритм.

Я окликнула путника - голос мой прозвучал странно, как клёкот ночной птицы. Потом поняла, что он ждет вовсе не этого, и побежала вприпрыжку, как бывало в детстве.

Только это был не Томас Рифмач на пути в Обетованную Страну. Достаточно было посмотреть на овальные очочки в старомодной тонкой оправе - натуральный черепаховый панцирь, старомодные гибкие дужки проушин.

Гитара зато была новая, мощная, типа «корвет», а клинок словно выращен из цыганской иглы, снабжён узорной позолоченной гардой и упрятан в ножны тончайшей замши. Дед больше всего на свете любил шить «из головы» наряды - платья и кофточки трем своим женщинам, модные рубахи отцу, маскарадные костюмы для кукол. Странное хобби, однако! А уж пощипывать мещанскую семиструнную подругу он мог только втайне от мамы и бабушки.

- Уф! - воскликнула я, наконец догнав юнца и дотронувшись до пышного батистового рукава. - Тебя прямо не узнать. Черные кудри распустил, приделался. Еще и борода клинышком а ля Джонни Депп.

- А я тебя сразу заприметил. Тебе ж было лет семнадцать, когда я ушёл, - ну и сейчас ровно на столько же потянешь, Танюшка.

Он свернул левую руку «крендельком», как в моём детстве, и я смаху в нее проделалась, прижавшись к его боку.

- Дед Зин. Ничего, что я тебя так зову?

- Ничего, я привык.

- Дед, а мы просто путь держим или еще куда-то?

Он легко понял мою нескладицу. Уж он-то меня понимал всегда.

- Главное - идти. Понимаешь, все настоящие пути - сами по себе ценность. Ну конечно, все они оканчиваются домом, твоим истинным и неподдельным домом. Может быть, ты возвратишься к нему, подойдя с обратной стороны. Возможно, чуть позже ты прошьёшь его насквозь, как игла, и сновапустишься в дорогу - тогда Путь и Дом станут для тебя одним и уж никогда тебя не покинут. Только никогда не бери с собой ничего лишнего из вещей. Даже самого заветного.

- А твоя гитара как же?

- Так это сосуд для мелодий. Форма и овеществление музыки, если тебе так понятней. Символ.

- И рапира тоже символ?

- Ну нет, меч настоящий. Это для тебя. Ты ведь всегда любила старинные клинки, хоть это девушке никак не пристало? Вот и охраняй меня от... не знаю, от чего. От дурных видений прошлого, я так думаю.

Он отстегнул от пояса и торжественно вручил мне - нет, не рапиру, но драгоценную спату, чье багряное с золотом убранство так шло к моему широкому плащу изумрудного цвета, поясу с затейливым серебряным набором и невысоким остроносым сапожкам.

Мы вышли из зарослей и не торопясь пошагали к недвижимо стоящему на горизонте эльфийскому дворцу из небесного хрусталя и туманного опала, что высился вдаль подобно горе. Как и все горы, одновременно близкому и недосягаемому.

К нашей извечной цели.

Если Вам понравилась эта книга, Вы можете выразить свою благодарность автору в материальной форме, перечислив любую сумму, соразмерно полученному удовольствию, на электронный кошелек

WMR <не предоставлен>

WMZ <не предоставлен>

Спасибо!

***** ****

NORD VIND

Издано по инициативе и на средства библиотеки сайта «Nord Vind»
<http://nordvind.ucoz.net>

Авторство: Мудрая Т.А. © 2011

Компоновка: Мудрая Т.А. © 2011

Оформление: Мудрая Т.А. © 2011, Nord Vind © 2011

Верстка: Nord Vind © 2011

Сверстано при помощи свободного программного обеспечения OpenOffice, ScribusNG, GIMP.

Авторская орфография и пунктуация сохранены

Формат: PDF

140 стр.

UBBN 100005CE0M00303-0B816